Ll 66/15

И 66
15 [2 вып.]

П. Н. КРАСНОВЪ.

РОССІЙСКОЕ ПОБѢДОНОСНОЕ ВОИНСТВО.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ВОЙСКА ОТЪ ВРЕМЕНЪ БОГАТЫРЕЙ ДО ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ (1709 г.).

ПОСВЯЩАЕТСЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРАМЪ И УРЯДНИКАМЪ ВСѢХЪ РОДОВЪ ОРУЖІЯ.

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ, ШКОЛѢ И ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ КОННИЦЫ".

52

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.
1910.

66
15

П. Н. КРАСНОВЪ.

РОССІЙСКОЕ ПОБѢДОНОСНОЕ ВОИНСТВО.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ВОЙСКА ОТЪ ВРЕМЕНЪ БОГАТЫРЕЙ ДО ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ (1709 г.).

ПОСВЯЩАЕТСЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРАМЪ И УРЯДНИКАМЪ ВСѢХЪ РОДОВЪ ОРУЖІЯ.

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ, ШКОЛѢ И ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ КОННИЦЫ“.

52

ГОСУД. РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІО-
ТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.
1910.

2007050572

РОССІЙСКОЕ ПОБѢДОНОСНОЕ ВОИНСТВО.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ РУССКАГО ВОЙСКА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРАМЪ И УРЯДНИКАМЪ ВСѢХЪ РОДОВЪ ОРУЖІЯ).

ВВЕДЕНІЕ.

Велика и обильна русская земля. Отъ Калиша на западѣ до Владивостока на востокѣ протянулась она на 10.000 верстъ, и когда во Владивостокѣ свѣтаетъ—въ Калишѣ уже доиграли послѣднія краски заката. Когда во Владивостокѣ играютъ утреннюю зорю—въ Калишѣ уже строятся на вечернюю перекличку. Почти полъ земного шара захватило Русское государство. На сѣверѣ въ угрюмыхъ, покрытыхъ льдомъ горахъ лежитъ маленькій городокъ Торнео и кругомъ него растетъ лишь чахлая березка да ельникъ, да сосна, а въ 4.410 верстахъ отъ Торнео на югѣ, въ Ташкентѣ, Асхабадѣ жители не знаютъ зимы, растутъ и зрѣютъ апельсины и тихо колышется пальма. И кто, кто только не входитъ въ составъ государства россійскаго! Кромѣ коренныхъ великороссовъ, бѣлороссовъ и малороссовъ неселяютъ его угрюмые финны, нѣмцы, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, татары, греки, армяне, грузины, черкесы, имеретины, осетины, калмыки, киргизы, чукчи, камчадалы, самоѣды, китайцы, буряты, сарты, туркмены!.. Это только главное инородческое населеніе! А сколько побочныхъ! Среди нихъ въ болѣе выгодныхъ мѣстахъ всюду разбросаны юркіе евреи.

Черезъ русскую землю бѣгутъ протяженіемъ 61.000 верстъ желѣзныя дороги. Въ портовыхъ городахъ рѣютъ флаги нашихъ и иностранныхъ кораблей, колокольный благовѣстъ звенитъ отъ края до края самой обширной на всемъ земномъ шарѣ имперіи.

Но не всегда Русь была такая. На нашей памяти уже она пріобрѣла и потеряла Портъ-Артуръ и половину острова Сахалина, и на памяти отцовъ нашихъ завоевала владѣнія въ Средней Азіи, южную часть Закавказья и часть Молдавіи.

Если взглянуть въ глубь вѣковъ, мы увидимъ, что было время, когда на мѣстѣ теперешнихъ столицъ Москвы и Петербурга росли дремучіе лѣса и въ нихъ бродили хищные звѣри. Кое гдѣ черезъ лѣсъ тянулась узкая дорога, кое какъ прорубленная, съ топями, забросанными вѣтвями, съ плохо устроенными мосточками. Опасно было ѣздить по этимъ путямъ. Опасно отъ множества хищнаго звѣря, опасно отъ недобраго человѣка, отъ шаекъ грабителей-головорѣзовъ. Врагъ былъ кругомъ. Татары жили и по Волгѣ, и по Дону, они имѣли своего царя — хана, воевали русскую землю, брали въ плѣнъ русскихъ людей, томили ихъ въ неволѣ:

По большимъ рѣкамъ,—по Великой на сѣверѣ, по Днѣпру на югѣ, въ верховьяхъ Оки и Дона—ютились рѣдкія селенія и города русскихъ. За тысячу лѣтъ до насъ мы знаемъ немного такихъ городовъ—Кіевъ, Рязань, Новгородъ Сѣверскій, Суздаль, Новгородъ и Псковъ—вотъ откуда пошла русская земля. По этимъ городамъ сидѣли князья, вокругъ нихъ крѣпко стояла закованная въ желѣзо боевая дружина княжеская, они обороняли мирныхъ хлѣбопашцевъ, они воевали съ сосѣдями, защищались—часто до послѣдняго—отъ татаръ.

Мудростью князей, а потомъ царей московскихъ, храбростью и доблестью княжеской дружины, а потомъ царскаго войска широко раздвинулась Русь и дошла до тѣхъ границъ, которыя занимаетъ и теперь.

Прослѣдить этотъ ростъ государства, узнать, какъ жили и воевали наши предки, какая могучая сила помогла святой Руси покорить сильныхъ сосѣдей—вотъ наша задача.

Развѣ не интересно знать о своемъ отцѣ и матери? Кто они были, какъ жила мать и гдѣ служилъ отецъ. Можетъ быть, онъ воевалъ, побѣждалъ, можетъ быть, удостоился счастья отдать душу свою за други своя: убитъ въ честномъ бою? А дѣдъ? Но кто разскажетъ намъ его жизнь? Кто ее помнитъ? А отецъ дѣда—прадѣдъ? Можетъ быть, онъ былъ славнымъ участникомъ войнъ съ Наполеономъ? Кто знаетъ! Жизнь отдѣльныхъ людей, ихъ прошлое часто утеряны. Мы мало интересовались жизнью своихъ родителей и они забыты. И могилка дѣда поросла бурьяномъ, и вѣтеръ сравнялъ могильные холмы прадѣдовъ.

Но жизнь всего народа сохранилась до насъ. И это—великое счастье. Потому счастье, что мы дѣти славнаго могучаго народа, что, читая и перечитывая подвиги предковъ, намъ есть чему поучиться и что познать. Славное прошлое зоветъ насъ къ славному будущему.

О дѣяніяхъ русскаго народа въ стародавнія времена мы узнаемъ изъ многихъ источниковъ. Дошли до насъ складныя пѣсни-*былины*. Пѣли ихъ давно старики и отъ слова и до слова передавали потомству. «Изъ пѣсни слова не выкинешь», говоритъ русская пословица, такъ въ неприкосновенной чистотѣ сохранились до насъ эти пѣсни, гдѣ воспѣвались доблести русскаго народа въ лицѣ его богаты-

рей. Такихъ богатырей, про которыхъ поется на былинный ладъ, не было, но они олицетворяютъ подвиги всего русскаго народа; изъ описанія сказочныхъ дѣяній ихъ мы познаемъ воинственную, но и кроткую душу младенца, народа.

О древнихъ русскихъ находимъ мы описанія у ихъ сосѣдей. Въ греческихъ книгохранилищахъ сохранились *записки патріарха Фотія*, очевидца похода Олега на Царьградъ, *лѣтопись Михаила Пселла* и другія. Черезъ древнюю Русь путешествовали арабы, и записки двоихъ изъ нихъ—*Ибнъ-Фосслана* и *Ибнъ-Хаукала*—дошли до насъ. Въ самой Руси, въ тиши монастырей были монахи, которые годъ за годомъ коротко, но правдиво записывали событія. Эти описанія, называемыя *лѣтописями* переписывались и до насъ дошла громадная лѣтопись *Нестора*, жившаго въ Кіевѣ.

Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ больше записокъ, писемъ и даже книгъ. Позднѣйшіе походы, по приказу Царскому, описывались подробно. О каждомъ дѣлѣ и битвѣ составлялась *реляція*, гдѣ это дѣло подробно изображалось, указывались и отличившіеся въ немъ. Кромѣ реляцій, сохранились *письма участниковъ*, разсказы ихъ, напечатанныя въ запискахъ, а болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ появились и *газеты*, изъ которыхъ мы могли узнать про прошлыя дѣла нашего народа.

Все это:—былины и пѣсни, рукописи грековъ и арабовъ, навѣщавшихъ Русь, лѣтописи, записки современниковъ и ихъ письма, хранящіяся въ особыхъ книгохранилищахъ, или архивахъ, реляціи и, наконецъ, старые журналы и газеты и дали возможность возстановить до малѣйшей подробности жизнь русскаго народа, написать его исторію.

Исторію своего народа долженъ знать каждый гражданинъ. Исторія это лучшая школа. Тотъ, кто не знаетъ прошлаго, не можетъ искренно любить свой народъ. Наше прошлое полно проявленіями такой доблести, такого мужества, что нерѣдко чтеніе о нихъ исторгнетъ слезы у читателя. Хорошія, святыя слезы.

Слава Россіи и покоилась, и покоится на ея военной силѣ. Дружиною своею богатырской держались князья и охраняли свои земли и народъ, войскомъ своимъ гордились цари, мудро расширившіе русскую землю и образовавшіе великое государство.

Теперь, при всеобщей воинской повинности, каждый—солдатъ, каждый—защитникъ своего отечества. Поэтому и тѣмъ, которые служатъ подъ знаменами и тѣмъ, кто дома сидитъ, весьма интересно будетъ познакомиться съ прошлымъ русскаго войска—съ его исторіей.

Исторію русскаго войска мы раздѣлимъ на слѣдующіе отдѣлы:

I. Богатыри.

II. Княжеская дружина до нашествія татаръ. Съ 862—1054 годъ.

III. Татарское иго. Распаденіе Руси. Удѣлы. Съ 1054—1241 годъ.

IV. Продолженіе татарскаго ига. Борьба съ татарами. Начало Московской Руси и сверженіе татарскаго ига—1231—1533 г.

V. Царская Русь—1533—1689 г.

VI. Смутное время—1606—1612 г.

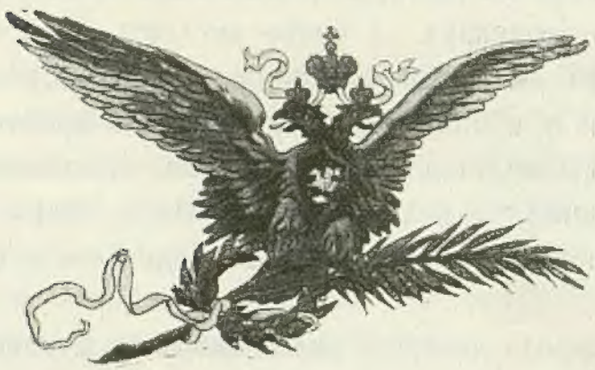
VII. Царь Петръ. Птенцы гнѣзда Петрова.

VIII. Отъ Петра до Императрицы Екатерины II.

IX. Екатерининское время. Сподвижники великой Царицы.

X. Суворовъ.

XI. Время Наполеоновскихъ войнъ—1805—1815 г.
XII. Завоеваніе Кавказа—1804—1864 г.
XIII. Войны съ турками—1828 и 1829 г.
XIV. Польскіе мятежи—1830—31 г. и 1863—1864 г.
XV. Севастопольская война—1853—1856 г.
XVI. Турецкая война—1877—1878 г.
XVII. Завоеваніе Средней Азіи—1880—1885 г.
XVIII. Борьба съ Китаемъ—1900—1901 г.
XIX. Русско-японская война—1904—1905 г.



Богатырская застава. Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ.
(Съ картины Васнецова [1]).

I.

БОГАТЫРИ.

Мы часто слышимъ слово: богатырь!—«Чудо-богатыри!», говорилъ Суворовъ, желая похвалить своихъ солдатъ. «Богатырь-ребенокъ», говорятъ родители, любуясь на своего сильнаго и ловкаго ребенка.

Богатырей воспѣли старцы, калики перехожіе, слѣпые нищіе, да гусляры, играющіе на гусляхъ звончатыхъ. Создало богатырей славное кіевское время, когда подлѣ Кіева собиралась Русь, управляемая своими князьями, когда дружина княжеская ходила войною на Царьградъ и по Дунаю стояли шатры русскихъ воиновъ, когда Дунай рѣка считался серединою русской земли. Богатыри окружаютъ своего князя Владиміра Красное Солнышко.

Это лучшее время древней Руси. Русь только что крестилась въ православную вѣру. Еще не позабыты старые боги и Солнце—главный богъ нашихъ предковъ—Ярило—слился съ личностью великаго князя, просвѣтившаго народъ свой свѣтомъ христіанской вѣры. *Владиміръ Красное Солнышко*—прозвала его народная молва.

---

[1]) **Васнецовъ**—извѣстный русскій художникъ, посвятилъ всю свою жизнь изученію родной старины. Онъ написалъ много картинъ изъ жизни нашихъ предковъ. Имъ же написаны иконы для собора Св. Владиміра въ Кіевѣ, чуднаго по красотѣ своего устройства. Васнецовъ живъ и работаетъ и теперь. Проживаетъ обыкновенно въ Москвѣ. Имя его извѣстно всей Россіи и заграницей, гдѣ его картины дорого цѣнятся.

Были-ли кругомъ него такіе необыкновенные люди—богатыри?

Нѣтъ.

Но въ богатыряхъ отразился весь народъ съ его простыми вѣрованіями, съ его стремленіемъ къ добру и правдѣ.

Въ богатырѣ *Микулѣ Селяниновичѣ* мы видимъ олицетвореніе пахаря-земледѣльца, которымъ русскій человѣкъ былъ и остался всю свою тысячелѣтнюю жизнь.

Богатыри *Илья Муромецъ* и *Добрыня Никитичъ* это—воины. Они оставили родныя семьи и дома и отдали свои силы и жизнь на служеніе всему народу, на защиту его отъ враговъ. Въ нихъ въ высшей степени отразились лучшія солдатскія черты. Они и есть тѣ богатыри, которыми были и остались русскіе воины.

Въ народѣ и того времени были любители погулять, выпить, пображничать, повеселиться, такъ поютъ намъ гусляры про *Алешу Поповича*, про *Чурилу Пленковича* да про *Дюка Степановича*.

Всѣ богатыри воинственны. Они держатъ крѣпкую заставу и не допускаютъ враговъ до Кіева. А враговъ тогда было много. Изъ за Уральскаго хребта, какъ въ открытыя ворота, устремлялись на Русь казары, печенѣги, половцы, а потомъ татары.

Сказка перемѣшалась въ былинахъ съ былью и богатырскій духъ русскаго народа отразился въ полной силѣ.

1. Вольга Буслаевичъ и Микула Селяниновичъ.

Древнѣйшимъ богатыремъ земли русской почитаютъ Вольгу Буслаевича. Когда народился онъ у молодой княгини Марѳы Всеславьевны въ золотомъ терему, земля содрогнулась, вихрь пронесся по темному бору и звѣри запрятались въ свои норы. Росъ богатырь-ребенокъ не по днямъ, а по часамъ, Лишь полтора часа пролежалъ онъ въ колыбели, какъ уже заговорилъ и сказалъ Марѳѣ Всеславьевнѣ:

— «Не пеленай меня, матушка, въ пелены, не вяжи поясами шелковыми, а одѣнь ты на меня латы желѣзныя, на голову шелóмъ изъ чистаго золота, а въ руки дай мнѣ палицу».

Дивуется на него мать. А чудо-дитя знай себѣ растетъ, да растетъ, изучило языки заморскіе, живо обогнало всѣхъ своихъ учителей.

Но мало этого Вольгѣ Буслаевичу. Хочетъ онъ поѣхать къ колдунамъ-вѣдунамъ, чтобы научиться, какъ обернуться яснымъ соколомъ да по поднебесью летать, какъ скинуться сѣрымъ волкомъ, или буйнымъ туромъ да въ лѣсахъ помѣряться силою своею со всякимъ звѣремъ.

Окрѣпъ Вольга, выросъ, научился колдовству и собралъ онъ вокругъ себя дружину. Набралось ихъ двадцать девять человѣкъ, а Вольга былъ тридцатый. И стали они по землѣ гулять, охотою промышлять въ лѣсахъ, ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ. Ходилъ Вольга походомъ и къ царю Салтану, обернулся мурашикомъ и мурашиками обернулъ всю дружину свою, проползъ въ подворотню Салтанова двора, обернулся по ту сторону снова витяземъ и пошелъ крошить Салтанову дружину, а самаго Салтана такъ ударилъ о кирпичный полъ, что тотъ въ крохи расшибся.

Поѣхалъ какъ то Вольга со своею дружиною за получкою дани въ города свои Гурчевецъ, Орѣховецъ и Крестьяновецъ. А города эти за службу его подарилъ ему великій князь кіевскій Владиміръ Красное Солнышко.

Ѣдутъ они по полю и слышутъ, что гдѣ то въ полѣ пашетъ пахарь. Слышно, какъ покрикиваетъ онъ на лошадь, слышно, какъ скрипитъ соха, а самого пахаря не видно. Ѣдутъ день, другой, слышнѣе становится богатырскій пахарь, а все не видать его. Наконецъ, уже на третій день доѣхали они до пахаря.

Видятъ: взрываетъ пахарь сохой въ полѣ борозды такія, что, какъ въ одинъ край уѣдетъ, то другого и не видать, огромные коренья вывертываетъ, каменья валитъ изъ борозды, какъ песчинки. Въ соху запряжена кобыленка соловая, невзрачная, соха у него кленовая, а гужи шелковые.

— Богъ помочь!—говоритъ Вольга.

— Спасибо,—отвѣтилъ пахарь.—Безъ Бога не до порога. Куда ѣдешь, добрый молодецъ?

— Ѣду по своимъ городамъ за получкой.

— Въ твоихъ городахъ народъ живетъ разбойникъ. Проситъ подорожныхъ грошей, которыхъ ему не полагается. Я ѣздилъ къ нимъ недавно и заплатилъ имъ плеткой: который стоялъ, тотъ теперь сидитъ, а который сидѣлъ—лежитъ.

— А поѣдемъ съ нами,—сказалъ Вольга.

— Идетъ.

Пахарь выпрягъ свою кобылу, сѣлъ на нее и поѣхалъ.

Только тронулись, пахарь и говоритъ Вольгѣ:

— «Ай же, Вольга Буслаевичъ, оставилъ я сошку въ бороздочкѣ, и не для ради прохожаго, проѣзжаго, а для ради мужика-деревенщины. Какъ бы сошку съ земельки повыдернути, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути и бросить бы сошку за ракитовъ кустъ».

Вольга послалъ пятерыхъ. Взялись они за соху, вертятъ, вертятъ, а вынуть никакъ не могутъ. Послалъ Вольга десять молодцовъ и тѣ ничего не могутъ сдѣлать. Послалъ тогда Вольга всю дружину, но и она не смогла поднять сошку отъ земли.

Покачалъ головою пахарь, подъѣхалъ самъ, нагнулся съ кобылы къ сохѣ, схватилъ ее, выдернулъ изъ земли, стряхнулъ, да такъ бросилъ, что взлетѣла сошка за облака, а какъ упала на землю, до половины въ землю ушла.

Ѣдетъ пахарь рысью, а Вольга за нимъ во весь опоръ скачетъ, еле поспѣваетъ.

— Стой,—говоритъ Вольга,—хороша твоя кобыла. Будь она конемъ, за нее пятьсотъ рублей можно было бы дать!

— Пятьсотъ то рублей я за нея за жеребенка отдалъ, а кабы она конемъ была, ей и цѣны бы не было.

— А какъ тебя звать?—спросилъ Вольга.

Отвѣчаетъ ему пахарь:

— «Ай-же, Вольга Буслаевичъ, а я ржи напашу да во скирды сложу, во скирды складу, домой выволочу, домой выволочу, да дома вымолочу; дранп надеру да пива наварю, пива наварю, да и мужичковъ напою, станутъ мужички меня покликивать: «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Поѣхали они дальше, а гурчевцы и орѣховцы подломили мосты и, какъ стала дружина Вольги переправляться черезъ рѣку, мосты свалились и дружина

стала тонуть. Тогда Вольга съ Микулою разогнали своихъ коней, прыгнули черезъ рѣку и досталось же тогда орѣховцамъ на орѣхи за непослушаніе да за драку съ витязями.

— —

Кто же такой Микула Селянинновичъ? Да это русскій народъ, пахарь, мужикъ. Сильно пашетъ онъ, богатырскимъ трудомъ обрабатывая землю, а придетъ время, понадобится помочь князю и садится крестьянинъ на своего коня и идетъ тотъ витязь воевать за княжескую честь, за славу его. Такъ и теперь—мирно пашетъ крестьянинъ землю, а придетъ пора, настанетъ время и становится онъ въ ряды царскаго войска и грозою становится непокорному врагу, какъ былъ грозою и богатырь Микула Селянинновичъ орѣховцамъ и гурчевцамъ.

2. Добрыня Никитичъ.

У богатаго боярина Никиты Романовича и жены его Мамелфы Тимофеевны, родился сынъ Добрыня. Отецъ умеръ, когда Добрыня былъ еще маленькимъ, и Мамелфа Тимофеевна воспитала сына на славу.

Въ пятнадцать лѣтъ окрѣпъ Добрыня—сталъ молодцомъ и пришелъ къ своей матушкѣ.

— Хочу,—говоритъ онъ,—родимая, поѣхать въ Сорочинскія горы, хочу убить змѣя съ змѣенышами, да хочу освободить добрыхъ молодцовъ, что въ плѣнъ къ змѣю попали.

— Охъ,—говоритъ ему Мамелфа Тимофеевна,—глупое, да неразумное дитя мое. Не ѣзди ты въ земли Сорочинскія, не топчи змѣенышей, а пуще всего бойся Почай рѣки. Почай рѣка есть свирѣпая: средняя струйка, какъ огонь сѣчетъ.

Добрыня матушки не слушаетъ, а—

Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка во сѣдёлышко черкасское,
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки.
А на войлочки кладетъ черкасское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцату клалъ ради крѣпости,
Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ (не выбросилъ).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла краспа золота,
Шпеньки у подпруговъ все булатные:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется.

Пріѣхалъ Добрыня въ горы и сталъ топтать змѣенышей, а солнце такъ печетъ, что силъ, мочи нѣтъ терпѣть. И захотѣлось Добрынѣ выкупаться. Подъѣхалъ Добрыня къ Почай рѣкѣ, снялъ свою широкополую греческую шляпу, снялъ доспѣхи богатырскіе, скинулъ платье и бросился въ рѣку.

Хорошо ему стало въ водѣ. Вотъ—думаетъ онъ—слыветъ Почай рѣка бурливою да опасною, а она, какъ лужа дождевая—тиха да спокойна.

И только доплылъ Добрыня до средней струи, какъ видитъ: паритъ надъ нимъ Змѣй Горынычъ, хочетъ схватить его безоружнаго. Но Добрыня былъ мастеръ плавать, нырнулъ онъ подъ воду и выплылъ на берегъ. Глядь,—а тамъ уже ни коня его нѣтъ, ни доспѣховъ, ни платья и лежитъ только его шляпа.

А Змѣй Горынычъ такъ и кружится надъ нимъ и двѣнадцатью хоботами извивается.

Захватилъ тогда Добрыня песку полную шляпу и бросилъ шляпой въ Змѣя. Шляпа отбила Змѣю сразу всѣ двѣнадцать хоботовъ и Змѣй упалъ на землю. А Добрыня вскочилъ на него и хотѣлъ уже вынуть сердце съ печенью, да взмолился къ нему Змѣй:

— Не губи меня, богатырь! Даю тебѣ слово, не буду я летать надъ Кіевомъ, не буду больше трогать васъ, а ты не топчи моихъ змѣенышей.

Добрыня согласился и отпустилъ Змѣя, а самъ поѣхалъ домой.

Только Змѣй не сдержалъ своего слова. Взвился онъ высоко къ небу, низринулся къ самому Кіеву и схватилъ изъ княжескихъ садовъ красавицу племянницу Владиміра Красное Солнышко—Забаву Путятишну.

Поднялся переполохъ на княжомъ дворѣ. Стали искать среди дружинниковъ такого молодца, который смогъ бы побѣдить Змѣя, но никто не брался.

Тогда одинъ изъ княжихъ богатырей Алеша Поповичъ и говоритъ князю:

— Никому не спасти твоей племянницы отъ Змѣя, кромѣ моего брата названнаго—Добрыни Никитича.

Послали за Добрыней, разсказали ему въ чемъ дѣло.

Вернулся Добрыня домой къ своей матери Мамелфѣ Тимофеевнѣ и затосковалъ. Страшно ему стало. Робость одолѣла его.

— Эхъ,—говоритъ ему Мамелфа Тимофеевна,—ложись, дитятко, спать, утро вечера мудренѣе.

Уложила богатыря, а на утро благословила его въ путь и дала ему плеточку шелковую.

— Вотъ,—говоритъ ему,—тебѣ плеточка шелковая, какъ пріѣдешь въ Сорочинскія горы, станешь топтать змѣенышей, то стегай ты этой плеткой коня промежъ ушей, да стегай его промежъ ногъ—станетъ онъ поскакивать, змѣенышей потряхивать и потопчетъ всѣхъ.

Такъ и вышло, какъ сказала мать. Потопталъ Добрынинъ конь змѣенышей, напугалъ Змѣя Горыныча. Тотъ прилетѣлъ и говоритъ:

— Какъ ты не сдержалъ заповѣди и потопталъ моихъ змѣенышей?!

— А ты,—говоритъ Добрыня,—унесъ изъ Кіева княжескую племянницу. Отдай ее лучше безъ боя мнѣ.

— Не отдамъ!

Стали тогда биться Добрыня со Змѣемъ и бились три дня. Наконецъ, одолѣлъ Добрыня Змѣя, освободилъ Забаву Путятишну и повезъ ее въ Кіевъ.

По пути замѣтилъ Добрыня глубокій конскій слѣдъ. Конь по колѣно въ землю ушелъ. Запомнилъ это мѣсто Добрыня и, какъ пріѣхалъ въ Кіевъ, сдалъ Забаву Путятишну Алешѣ Поповичу, а самъ вернулся назадъ посмотрѣть, кто оставилъ такой слѣдъ.

Оказалось, что слѣдъ оставилъ Микула Селяниновичъ, и набрелъ Добрыня Никитичъ на дочь Микулы—Настасью Микулишну. Посмотрѣла она на богатыря и говоритъ:

— А ну-ка. Каковъ ты изъ себя. Коли любъ мнѣ придешься—на себѣ женю, а коли не любъ—въ полонъ заберу.

Пришелся ей Добрыня по сердцу, поѣхали они вмѣстѣ въ Кіевъ и тамъ повѣнчались, а Добрыня поступилъ въ дружину княжескую. И служилъ Добрыня у Владиміра три года въ стольникахъ, да три года въ чашникахъ, да три года посломъ.

Однажды Владиміръ призвалъ къ себѣ Добрыню и говоритъ ему:

— Поѣзжай-ка, Добрынюшка, да порасчисти дорожку прямоѣзжую въ Золотую Орду къ татарамъ, да къ Этманулу Этманулловичу, да покори мнѣ чудь бѣлоглазую, да сарацинъ долгополыхъ, да черкесовъ, да калмыковъ съ татарами, да чукчей...

Получивъ наказъ княжій, пошелъ Добрыня домой, сталъ сѣдлать своего коня Самолета, снаряжаться въ путь-дорогу. А мать его и спрашиваетъ:

— Ты куда собираешься, дитятко мое милое? Когда ждать себя повелишь?

Отвѣчаетъ ей Добрыня:

— Когда живъ буду и самъ вернусь, а не живъ буду и ждать вамъ будетъ некого.

Пошла тогда мать Добрыни въ свѣтелку къ Настасьѣ Микулишнѣ и говоритъ ей:

— Молодая моя невѣстушка. Сидишь ты, тутъ прохлаждаешься, а сама того не вѣдаешь, что покидаетъ насъ нашъ ясный соколъ. Ты сходи, спроси когда назадъ будетъ?

Въ чемъ была—побѣжала къ мужу Настасья Микулишна, выбѣжала въ одной рубашкѣ, безъ чоботовъ, бросилась къ Добрынюшкѣ, стала у праваго стремени, отвѣсила земной поклонъ и говоритъ:

— Ты скажи мнѣ, государь мой Добрыня Никитичъ, когда домой воротишься, когда съ похода себя ждать прикажешь?

Взглянулъ на нее Добрыня съ ласкою и говоритъ:

— Ты любимая моя жена, свѣтъ Настасья Микулишна,—жди меня три года, не пріѣду черезъ три года, жди еще три, а если всѣ шесть лѣтъ пройдутъ и меня не будетъ—считай себя вдовой и иди замужъ за кого хочешь—за русскаго ли богатыря, за боярина ли, хошь за своего, а хошь иди за татарина. Только помни одно—не иди замужъ за брата моего названнаго, за Алешу Поповича.

Благословила Добрыню мать и поѣхалъ онъ въ чистое поле княжій наказъ выполнять.

А женщины дома остались, наплакались, нарыдались и сѣли за свою работу.

Идутъ дни за днями частымъ дождичкомъ, парастаютъ недѣли за недѣлями, что трава луговая, плывутъ годы за годами, что рѣка течетъ.

Прошло шесть лѣтъ и нѣтъ Добрыни. Горюетъ мать и жена, плачутъ, покойникомъ его почитаютъ.

Зашелъ къ нимъ какъ-то Алеша Поповичъ и говоритъ:

— Будетъ вамъ горе горевать. Нѣтъ въ живыхъ вашего Добрынюшки. Ѣхалъ я какъ-то чистымъ полемъ и вижу лежитъ вашъ Добрыня подъ ракитовымъ кустомъ. Голова его проломлена, стрѣлой каленою прострѣлена богатырская грудь и травою и цвѣтами поросло его тѣло...

Зарыдали и мать и жена. Безконечно и безутѣшно было горе Настасьи Микулишны. Но тверда была молодая жена.

— Велѣлъ мнѣ,—сказала она,—Добрыня шесть лѣтъ его ждать, а я его пожду еще шесть лѣтъ. Можетъ быть онъ и вернется.

И опять идутъ дни за днями частымъ дождичкомъ, наростаютъ недѣли за недѣлями, что трава луговая, плывутъ годы за годами, что рѣка течетъ.

И прошло такъ шесть лѣтъ.

Шесть лѣтъ миновало и снова приходитъ Алеша Поповичъ.

— Что же, говоритъ—долго Настасья Микулишна будешь ждать мертваго своего мужа?! Не пойдешь теперь добромъ за меня замужъ, такъ поведу силою.

И взяли Алешины слуги Настасью Микулишну подъ бѣлыя руки и повели ее на пиръ свадебный.

А Добрыня тѣмъ временемъ покорилъ татарское царство, полонилъ тѣ земли, про которыя говорилъ ему князь, очистилъ дорогу на Золотую Орду и возвращался домой. У Царьграда остановился онъ въ полѣ, приготовилъ своему коню воды студеной, приготовилъ ему бѣлояровой пшеницы и самъ хотѣлъ отдохнуть Но не ѣстъ и не пьетъ конь Добрынинъ. Сердится, волнуется, землю копытомъ бьетъ.

Говоритъ ему Добрыня.

— Что ты волнуешься, мой добрый конь. Или чуешь ты враговъ по близости?

— Я не враговъ чую,—говоритъ Добрынѣ его вѣрный конь,—а чую я невзгоду. И не близко, а далеко. Повели сегодня жену твою Настасью Микулишну въ Кіевѣ на свадебный пиръ съ братомъ твоимъ названнымъ Алешею Поповичемъ.

Вскочилъ тутъ Добрыня. Сталъ стегать своего коня по крутымъ бедрамъ и помчался въ Кіевъ. Влетѣлъ онъ въ свой дворъ, растолкалъ слугъ и примчался прямо къ матушкѣ Мамелфѣ Тимофеевнѣ.

А та его не узнала.

— Что же ты,—говоритъ,—добрый молодецъ, какъ съ цѣпи сорвался, бросился сюда безъ доклада? Былъ бы живъ Добрынюшка, мой сынокъ, онъ бы поучилъ тебя уму-разуму.

— Эхъ,—говоритъ Добрыня,—да вѣдь я вашъ сынъ—Добрыня и есть.

А мать не можетъ признать Добрыни.

— Въ глаза,—говоритъ,—ты мнѣ насмѣхаешься. Было у моего Добрынюшки личико бѣлое, глаза быстрые, какъ у сокола, платье у него было цвѣтное, лапотки шелкомъ шитые, доспѣхи на немъ, какъ жаръ горѣли, а у тебя лохмотья обтрепанныя.

А Добрыня говоритъ ей:

— Эхъ, матушка! За двѣнадцать лѣтъ походной, да боевой жизни солнце сожгло мое лицо, выгорѣли мои глаза отъ вѣтровъ степныхъ, износилось, обтрепалось платье цвѣтное, сносились шелкомъ шитые лапотки. Сынъ я вашъ, матушка.

Тутъ Мамелфа Тимофеевна вспомнила, что у Добрыни на ногѣ было родимое пятно. Показалъ его Добрыня и сомнѣнія покинули Добрынину мать. Узнала она его, кинулась ему на шею, расплакалась. А Добрыня торопитъ ее. Одѣлся онъ скоморохомъ, взялъ гусли и пошелъ на пиръ въ княжій дворецъ. Сѣлъ на печку муравленую и сталъ на гусляхъ поигрывать.

Подпесли Добрынѣ чару вина въ полтора ведра, да турій рогъ меда сладкаго: выпилъ скоморохъ и не поморщился.

— Эге,—говоритъ князь Владиміръ,—видать: это не скоморохъ, а могучій богатырь. Слѣзай, братъ, съ печки, выбирай любое мѣсто, хоть со мной рядомъ садись, хоть съ невѣстой.

Сѣлъ Добрыня напротивъ жены своей, налилъ чару вина, положилъ въ нее кольцо свое обручальное и подносъ Настасьѣ Микулишнѣ.

— Выпьешь,—говоритъ ей,—до дна—увидишь добра, а не выпьешь до дна, не видать тебѣ и добра.

Выпила Настасья Микулишна чару и кольцо прикатилось къ ея губамъ. Узнала она его. Одѣла на палецъ и бросилась въ ноги къ Добрынѣ, моля его о прощеніи.

Пожалѣлъ ее Добрыня.

— Въ твоей винѣ Богъ проститъ. А вотъ дивлюся я на князя Владиміра, что позволилъ отъ живого мужа свадьбу править, да дивлюсь я на брата своего названнаго. Недавно мы съ нимъ въ чистомъ полѣ встрѣтились, а онъ сказалъ моей матушкѣ, что я убитъ и напрасно она точила свои ясные глазки слезами и убивалась по мнѣ. И въ этой винѣ тебѣ, братъ Алеша, нѣтъ прощенья.

И схватилъ Добрыня Алешу за волосы и сталъ его таскать по горницѣ и плеткой бить, хотѣлъ было его уже о кирпичный полъ ударить, да вступился за Алешу Илья Муромецъ.

— Уйми,—говоритъ,—богатырь, свое сердце ретивое! Не убей ты своего брата названаго до смерти.

Бросилъ Добрыня Алешу. Взялъ жену свою и пошелъ домой, а дома Мамелфа Тимофеевна уже приготовила имъ свадебный пиръ.

И стали они жить, да поживать по старому, да по бывалому.

Сказка... Сказка со змѣями, съ говорящими конями... Да, сказка. Но эта сказка составлена тысячу лѣтъ тому назадъ и въ этой сказкѣ мы видимъ нашу жизнь, нашу теперешнюю жизнь. Такъ похожи мы на предковъ.

Добрыня — воинъ по призванію. Триста лѣтъ тому назадъ такіе люди шли изъ Руси въ Запорожскую Сѣчь, или на Донъ. Въ нынѣшнее время они ищутъ безпокойной службы. Кликните кличъ—въ Абиссинію-ли, въ Маньчжурію-ли, въ охранную стражу и сотни русскихъ Добрынь явятся съ предложеніемъ услуги.

Въ этой былинѣ отмѣтилъ русскій народъ значеніе материнскаго благословенія. Какъ благословила Мамелфа Тимофеевна Добрыню—во всемъ ему удача была.

Подъ змѣемъ, таскавшимъ плѣнниковъ, былина разумѣла татаръ, уводившихъ въ полонъ цѣлыя семьи.

Добрыня—хорошій развѣдчикъ. Онъ ѣдетъ по полю, по сторонамъ не зѣваетъ, а замѣчаетъ слѣды, увидалъ странный слѣдъ и пошелъ доискивать, чей слѣдъ—за то и получилъ въ жены Настасью Микулишну.

Въ Настасьѣ Микулишнѣ народъ изобразилъ образецъ солдатской жены. Терпѣливо ждетъ она мужа шесть лѣтъ и, несмотря на всѣ соблазны Алешины, ждетъ еще шесть лѣтъ. А сказать, когда кончится походъ—Добрыня не могъ, потому что война сама укажетъ конецъ. Въ тѣ времена войны продолжались долгое время, тянулись годами. Шло, какъ увидимъ дальше, медленное завоеваніе сосѣдей, приготовленіе земли для русскаго народа.

Грозный воинъ, страшный врагамъ, Добрыня легко прощаетъ своей женѣ ея минутную вспышку. Онъ покорный сынъ своей матери.

Богатырь на распутьи.
(Съ картины Васнецова).

Что въ одну дорожку ѣхать—убиту быть,
Въ другую ѣхать—женату быть,
А въ третью ѣхать—богату быть...

3. Илья Ивановичъ Муромецъ.

Среди темныхъ Муромскихъ лѣсовъ, въ славномъ селѣ Карачаровѣ у стараго крестьянина Ивана Тимоѳеевича и жены его Евфросиніи Яковлевны уже на старости лѣтъ родился сынъ Илья. Росъ онъ и крѣпъ, какъ и слѣдуетъ крестьянскому сыну, а ни руками, ни ногами шевелить не могъ. И такъ сидѣмъ сидѣлъ ровно тридцать три года. Не помогалъ ни отцу, ни матери въ ихъ тяжеломъ крестьянскомъ трудѣ. Однажды постучались у окна его избы нищіе.

— Ты пойди, Илья, принеси испить!—говорятъ ему.

— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—отвѣчаетъ Илья.

— Ты вставай Илья, насъ не обманывай!

Илья сталъ вставать, ровно встрепанный;
Онъ пошелъ, принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Нища братія у Ильи спрашивали:
— Много-ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?
— Отъ земли столбъ бы до небушки
Ко столбу было золото́ кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусскую землю поворотилъ!

— Много силы мы ему дали—думаютъ нищіе,—не сносить ему той силы.

— А ну-ка,—говорятъ они Ильѣ,—принеси другую чашу.

Илья принесъ чашу въ полтора ведра и выпилъ ее не отрываясь.

— А теперь,—спрашиваютъ его нищіе,—много ли чуешь въ себѣ силушки?

— Во мнѣ—говоритъ Илья,—теперь силы только половина.

— И отлично,—говорятъ нищіе.

Илья проводилъ ихъ въ чистое поле, а самъ прилегъ отдохнуть и проспалъ богатырскимъ сномъ двѣнадцать дней.

Проснувшись сталъ онъ на работу. Расчистилъ пожню отцу. Старое дубье отъ маху валилъ—только щепки летѣли, молодое съ корнями изъ земли повыворотилъ и въ три часа такъ расчистилъ поле, какъ отцу его съ работниками и въ три дня не расчистить.

Удивились его родители, какъ вернулись и увидали работу Ильи. А онъ поклонился имъ въ поясъ, да и говоритъ:

А— и же ты мой то родитель рожденный
Полно ли тебѣ лугъ—пожню чистить.
Простите меня съ рожденаго со мѣста.

Получилъ Илья родительское благословеніе, добылъ себѣ коня, откормилъ его овсомъ, поилъ его свѣжей ключевой водой, выхаживалъ его ровно три мѣсяца; потомъ выводилъ его по три зари, вывалялъ его въ трехъ росахъ утреннихъ и сталъ его «бурушко» на диво копемъ. Заставилъ его Илья черезъ высокій тынъ прыгнуть: перепрыгнулъ конь и копытами не задѣлъ; положилъ онъ ему на хребетъ свою богатырскую руку, конь не дрогнулъ, не пошатнулся, а только заржалъ.

— Ну, ладный это конь,—сказалъ Илья.—Онъ будетъ мнѣ вѣрнымъ товарищемъ.

Посѣдлалъ Илья коня и поѣхалъ въ чистое поле добывать себѣ славу, искать потѣхи богатырской.

И такъ доѣхалъ Илья до камня, а отъ камня идутъ три дороги, а на камнѣ надпись:

«Что въ одну дорожку ѣхать—убиту быть,
Въ другую ѣхать—женату быть,
А въ третью ѣхать—богату быть»!

Задумался Илья.

— Въ которую ѣхать мнѣ дороженьку?

На что мнѣ, удалому, богату быть?

Да и на что мнѣ, удалому, женату быть?

Поѣду-ка по той дороженькѣ, гдѣ убиту быть!

И поѣхалъ Илья къ высокимъ горамъ. И, когда онъ подъѣзжалъ къ нимъ на него выскочили разбойники и напали на Илью. Но Илья обратился къ нимъ и говоритъ:

— Что вамъ взять у удалаго?
Нѣтъ у меня многой несчетной казны,
Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены,
Нѣту у меня платья цвѣтного,
Только у меня добрый конь,
Добрый конь въ триста рублей,
На коню приправа въ пятьсотъ рублей,
На себѣ приправа богатырска въ цѣлу тысячу.

И съ этими словами Илья выхватилъ желѣзную тяжелую палицу, да какъ началъ ею размахивать—положилъ всѣхъ разбойниковъ.

Этимъ подвигомъ начинаетъ былина цѣлый рядъ громкихъ побѣдъ Ильи, любимаго богатыря русскаго народа.

— Не сырой дубъ къ землѣ клонится,—поютъ дальше народные пѣвцы—

— Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкой.
Онъ и проситъ себѣ благословеньица.

Хочетъ Илья поѣхать во славный, стольный городъ Кіевъ помолиться кіевскимъ чудотворцамъ, дать присягу служить князю Владиміру, постоять за христіанскую вѣру. Отецъ благословилъ его на добрыя дѣла, а на худыя—у него не было благословенья. Поклонился Илья отцу до земли, сѣлъ на коня и поскакалъ въ чистое поле. И такъ доѣхалъ онъ до города Чернигова. А подъ Черниговомъ стояло иноземное войско, вели осаду противъ города. Какъ увидалъ Илья русскій городъ, осажденный чужими войсками разгорѣлся весь. Схватилъ свою саблю боевую и бросился въ войска и, гдѣ повернется, тамъ улица станетъ среди рати чужой, гдѣ кругомъ обернется цѣлую площадь нарубитъ, и старается пробиться къ тремъ царевичамъ, которые привели иноземное войско. И наконецъ пробился къ нимъ и говоритъ:

— Охъ вы гой есте, мои три царевича!
Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
Али съ васъ буйны головы снять?
Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять
У меня дороги заѣзжія и хлѣба завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмена погубить.
Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь *не пуста стоитъ.*
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.

И, отпустивши на всѣ четыре стороны царевичей, Илья вошелъ въ Черниговъ. Воевода черниговскій послалъ за нимъ, благодарилъ его за подвигъ, предлагаетъ откушать у него хлѣба соли, спрашиваетъ, какъ зовутъ его и откуда онъ, такой богатырь, взялся. Но Илья Муромецъ отказался идти къ воеводѣ, а спросилъ только какъ проѣхать ему на городъ Кіевъ.

Разспросивъ про дорогу углубился Илья въ степи, поросшія густою травою, полныя дикаго звѣря,—степи, по которымъ бродили татары, ища добычи. Конь Ильи смѣлымъ ходомъ шелъ по степямъ. И коню его цѣны не было.

Почему то ему цѣны не было?—спрашиваютъ пѣвцы, поющіе былину.

Потому то коню цѣны не было,
За рѣку то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ...

Встрѣчались съ Ильею разбойники,—хотѣли его убить, да онъ взялъ свой лукъ и запустилъ стрѣлою въ дубъ и дубъ весь расщепился отъ страшнаго удара. Увидавши такую силу разбойники стали на колѣни и просили Илью къ себѣ въ атаманы... Но Илья отказался.

— Ѣду я,—сказалъ онъ—въ Кіевъ, чтобы оберегать князя Владиміра.

Долго еще ѣхалъ Илья по степи и наѣхалъ на дубовый столбъ, а на столбѣ надпись—«прямо ѣхать—только пятьсотъ верстъ, а на околъ ѣхать—семьсотъ верстъ», а внизу подпись—«кто прямо поѣдетъ, тому живу не бывать, нѣтъ тамъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному, тамъ на семи дубахъ сидитъ Соловей-разбойникъ и захватываетъ воръ собака на семи верстахъ».

Задумался Илья. Прямоѣзжая дорога испорченная, надо ее исправить, починить, прогнать Соловья-разбойника. Кто это сдѣлаетъ, если не богатырь?! Стыдно мнѣ будетъ ѣхать окольною дорогою подумалъ Илья. И тронулъ Илья своего коня по пути къ Соловью-разбойнику.

Когда Соловей-разбойникъ увидалъ Илью Муромца, закричалъ онъ по звѣриному, засвисталъ по соловьиному, залаялъ по собачьему. И уже на что силенъ и привыченъ былъ богатырскій конь Ильи, а и онъ отъ этого крика на колѣнки палъ. Разсердился на него Илья.

— Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ! Развѣ ты не слыхалъ крика звѣринаго!..

Остановилъ Илья коня, взялъ стрѣлу и пустилъ ее въ Соловья. Попалъ онъ ему въ правый глазъ, а вышла стрѣла въ лѣвое ухо и упалъ Соловей на землю. Илья подобралъ Соловья, привязалъ его къ сѣдлу и повезъ съ собою въ Соловьиное имѣнье. Какъ увидала Илью жена Соловья, побѣжала она къ дорожной стралѣ и говоритъ ей:—«не требуйте съ этого молодца пошлинъ, а насыпьте ему чашу золотыми червонцами, а другую серебромъ, а третью лучшимъ жемчугомъ и выкупите у него Соловья-разбойника». Но не такъ былъ простъ Илья, не могли его подкупить слуги Соловья, онъ проѣхалъ мимо нихъ и поѣхалъ дальше въ Кіевъ. Хотѣлъ онъ поспѣть въ Кіевъ къ заутренѣ, да опоздалъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, обѣдня уже отходила. Проѣхалъ Илья къ дворцу, привязалъ своего коня, а самъ сѣлъ на лавочку ожидать выхода Владиміра. Кончилась обѣдня, пошелъ народъ по домамъ, пошелъ къ своему дворцу и князь Владиміръ. Увидалъ онъ Илью и говоритъ:

— Здравствуй, удалый добрый молодецъ! кто ты такой и откуда. Царь ли ты? или королевичъ, или простой человѣкъ?

— Я,—говоритъ Илья,—старый казакъ изъ города Мурома, а зовутъ меня—Илья Муромецъ.

Владиміръ пригласилъ Илью къ себѣ, къ праздничному столу. За обѣдомъ разговорились.

— Хотѣлъ,—говоритъ Илья,—я поспѣть въ Кіевъ къ заутрени и поѣхалъ дорогою прямоѣзжею, пріѣхалъ я къ семи дубамъ, гдѣ сидитъ Соловей-разбойникъ. Напалъ онъ на меня, но я выстрѣлилъ въ него стрѣлою, ранилъ его и привезъ къ тебѣ, князь Владиміръ.

Засмѣялся Владиміръ.

— Видно,—говоритъ,—удалый добрый молодецъ, ты уже побывалъ въ кабакѣ; не напился ли ты тамъ зелена вина, зря ты расхвастался.

— Да чего мнѣ хвастать!—говоритъ Илья—поди, посмотри самъ. У меня Соловей-разбойникъ виситъ подлѣ стремени.

Встали всѣ изъ-за стола и побѣжали смотрѣть Соловья-разбойника. Видятъ—и правду виситъ у стремени Ильи разбойникъ.

— А ну-ка, говорятъ ему кіевляне,—закричи-ка, братъ, по звѣриному.

— Не ваше, говоритъ Соловей,—я пью, ѣмъ, кушаю и не васъ хочу я слушать.

Пришли къ Ильѣ, попросили его, чтобы уговорилъ онъ Соловья крикнуть. Вышелъ Илья, приказалъ угостить сначала Соловья, а потомъ приказалъ ему крикнуть. Какъ крикнулъ Соловей, такъ всѣ и попадали на землю отъ страха, а Владиміръ взмолился къ Ильѣ, проситъ, чтобы тотъ унялъ Соловья, да не пускалъ его на волю, а то натворитъ бѣды не малыя.

Вывезъ тогда Илья Соловья за городъ, отрубилъ ему голову, разрубилъ его тѣло и разбросалъ птицамъ на поклеваніе, а самъ вернулся и сталъ служить князю Владиміру въ его дружинѣ.

4. Богатырская застава.

Выѣзжали богатыри на заставы по дорогамъ кіевскимъ, смотрѣли чтобы врагъ не могъ подойти къ стольному граду.

Стояли какъ то на заставѣ двѣнадцать богатырей. Атаманомъ на заставѣ самъ старый богатырь Илья Муромецъ, подъатаманомъ Добрыня Никитичъ, есауломъ Алеша Поповичъ.

Три года стояли богатыри и не пропускали они ни коннаго,

Ни коннаго и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскучаго
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ,
Перо выронитъ,
Добрый молодецъ бѣжитъ
Головой вершитъ [1])...

Разбрелись какъ то богатыри. Кто въ Кіевъ уѣхалъ, кто на охоту ушелъ, а Илья Муромецъ крѣпко заснулъ въ своемъ полотняномъ шатрѣ. Возвращаясь съ охоты, Добрыня увидалъ необычайный слѣдъ, вглядѣлся въ него и побѣжалъ скликать заставу.

— Что же это, братцы, у насъ за застава! коли мы не углядѣли, какъ мимо насъ Жидовинъ проѣхалъ. Надо теперь ѣхать въ погоню за нимъ.

Алеша Поповичъ вызвался ѣхать впередъ.

— Я, говоритъ, братцы, поудалѣе всѣхъ, у меня конь порыскучѣе...

Догналъ онъ богатыря и кричитъ ему:

— Ты постой, постой добрый молодецъ! Ты или русскій богатырь, или засельщина деревенщина, ты или коня укралъ, или мужика убилъ, а сюда заѣхалъ, хвастаешься, чужимъ именемъ называешься.

Обернулся на него чужой богатырь лютымъ звѣремъ, схватилъ Алешу Поповича, снялъ его съ коня и отстегалъ его плеткой. Сѣлъ Алеша потомъ на коня, поѣхалъ домой, а самъ отъ болп шатается.

Увидалъ его Илья Муромецъ и сказалъ ему:

[1]) Головой вершитъ—жизнь покончитъ.

— Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ, не пей ты зелена вина, не ѣшь сладки кушанья!....

Разсказалъ имъ Алеша въ чемъ дѣло. Призадумались богатыри. Хотя и хваступъ былъ Алеша и выпить любилъ, а все же богатырь и уже если съ нимъ такъ скоро управился проѣзжій, видно дѣйствительно то былъ молодецъ необычный, съ которымъ придется посчитаться.

— Надо ѣхать Добрынѣ,—порѣшили богатыри.

Собрался Добрыня въ погоню, поѣхалъ на гору Сорочинскую, смотритъ въ кулакъ, видитъ, стоитъ удалой богатырь въ полѣ, конь подъ нимъ какъ гора, а самъ онъ, какъ сѣнная копна, на головѣ мѣховая шапка закрываетъ все лицо.

Поѣхалъ Добрыня прямо на богатыря и закричалъ ему:

— Эй ты, нахвальщикъ! Что же ты мимо нашей заставы проѣхалъ, нашему атаману Ильѣ Муромцу не поклонился, нашему есаулу, Алешѣ Поповичу, ничего въ казну не положилъ?

Жидовинъ услыхалъ голосъ Добрыни, повернулъ коня на него и поскакалъ. Отъ могучаго скока богатырскаго задрожала земля, всколыхнулась вода въ озерахъ, а конь Добрыни на колѣни упалъ, едва едва его Добрыня за поводъ поддержалъ.

Испугался Добрыня и ускакалъ на заставу.

Разсказалъ обо всемъ Атаману—Ильѣ Муромцу.

— Ну, нечего дѣлать!—сказалъ Илья,—уже если мой братъ крестовый не справился, видно надо мнѣ самому ѣхать.

Вскочилъ Илья на своего коня, приказалъ богатырямъ скакать на Сорочинскія горы и смотрѣть, какъ будетъ онъ биться съ Жидовиномъ и, если ему плохо придется, то, чтобы спѣшили ему на выручку, а самъ поѣхалъ въ чистое поле. Выѣхавъ на просторъ, посмотрѣлъ Илья въ кулакъ и видитъ:—разъѣзжаетъ громадный богатырь, въ рукахъ у него желѣзная палица въ девяносто пудовъ, а онъ ею шутя играетъ, подброситъ ее выше облаковъ и потомъ поймаетъ.

Жутко стало Ильѣ. Во всю свою славную жизнь никогда не видалъ онъ такихъ богатырей. Припалъ онъ къ шеѣ своего вѣрнаго коня и говоритъ.

— Ну, братъ, бурушко выручай! Служилъ ты мнѣ вѣрно во многихъ бояхъ, помоги мнѣ и въ этомъ.

И поскакалъ Илья къ Жидовину. Увидалъ его Жидовинъ, припустилъ своего коня и сшиблись богатыри могучимъ ударомъ. Отъ сильной схватки разбились палицы, богатыри схватились тогда за сабли, но сабли зазубрились о кольчуги, и никто не былъ раненъ. Тогда налетѣли они другъ на друга съ копьями. Копья сломались, а богатыри все на коняхъ сидятъ.

— Знать надо намъ биться рукопашкою — рѣшили они и слѣзли съ коней.

Схватились два силача, борются, бьются весь день до вечера, борются съ вечера до полуночи, а съ полуночи до зари. Вдругъ махнулъ Илья правой рукой и подскользнулся на лѣвую ногу. Повалилъ его Жидовинъ, вынулъ кинжалъ, сѣлъ на грудь Ильѣ и насмѣхается надъ нимъ:

— Ахъ ты, старина стариковская. Калѣка ты! Тебѣ ли ѣздить въ чистое поле и съ богатырями драться. Поставилъ бы себѣ келью у дороги, да просилъ бы милостыню.

А Илья про себя молитву творитъ и чувствуетъ, что силы ему прибавляется, и какъ увидалъ, что силы ему вдвое прибыло, онъ распрямился и подбросилъ богатыря такъ, что онъ полетѣлъ выше облаковъ, а какъ упалъ на землю, то весь въ землю ушелъ.

Илья не рубилъ ему головы, а отпустилъ на всѣ четыре стороны, а самъ вернулся на богатырскую заставу и говоритъ:

— «Ну, братцы мои крестовые, названные, тридцать лѣтъ ѣзжу я въ полѣ, съ богатырями бьюся, силу пробую, а такого чудища ни разу не видывалъ.

Богатырскій бой древнихъ русскихъ съ дикими скивами на землѣ нынѣшняго донского войска.

5. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ.

Много подвиговъ совершилъ еще Илья. Бился онъ съ татарами, которые съ Калиномъ царемъ обложили Кіевъ, попалъ къ татарамъ въ плѣнъ, заковали его татары въ цѣпи, сняли съ него доспѣхи, оружіе и положили на землю. Но, какъ только Илья коснулся земли, онъ почувствовалъ, что ему прибыло много силы. Онъ порвалъ цѣпи, схватилъ перваго попавшагося татарина за ноги и пошелъ колошматить имъ татаръ, какъ палицей и побилъ все войско Калина царя.

И потомъ бродилъ онъ много по степямъ, борясь за родину и пріѣхалъ, наконецъ, въ Кіевъ, провѣдать, что тамъ дѣлается. А тамъ за спиною Ильи, за его крѣпкою богатырскою заставою жили привольно и весело. Пировали, пили и ѣли сладко, забывая о войнѣ и, когда пріѣхалъ Илья, его не признали. Посадили его за столъ съ мелкими людьми, а не съ дружиной. Обидѣлся Илья, потребовалъ себѣ лучшаго мѣста, но Владиміръ приказалъ его вывести. Но никто не могъ одолѣть Илью. Тутъ Добрыня, который давно призналъ своего брата названаго сказалъ Владиміру, что это за богатырь. Владиміръ сталъ уговаривать Илью не сердиться, не обижаться и садиться на любое мѣсто, но Илья, всталъ, скрестилъ на груди свои мощныя руки и сказалъ ему:

— Владиміръ стольно Кіевскій, князь земли свято русской, не умѣлъ ты меня встрѣтить, угостить съ лаской, съ почестью, посадилъ ты меня, богатыря, за меньшой столъ. Такъ прости меня, не мѣсто мнѣ между вами. Поѣду опять въ степь, поѣду опять за славой казацкой и вотъ:

Подъ броней съ простымъ наборомъ
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья.

Ѣдетъ боромъ, только слышно
Какъ бряцаетъ бронь,
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

И ворчитъ Илья сердито:
— Ну Владиміръ, что жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи то
Какъ ты проживешь!

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою—
Такъ шагай же мой чубарый,
Уноси Илью!

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

Всѣ твои богатыри то,
Значитъ—молодежь,—
Вотъ безъ стараго Ильи то
Какъ ты проживешь.

Тѣмъ то я ихъ болѣ стою,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ Царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;

Душно въ Кіевѣ, что въ скрынѣ—
Только киснетъ кровь;
Государынѣ пустынѣ
Поклонюся вновь!

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою
Ну же, ну, шагай, чубарый
Уноси Илью!

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать.

Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ [1]).

6. Какъ перевелись богатыри на Руси.

Выѣзжали какъ то богатыри на Сафатъ рѣку. Выѣхало семь богатырей и въ томъ числѣ Алеша Поповичъ младъ, Добрыня молодецъ, «выѣзжалъ и матерой казакъ—матерой казакъ, Илья Муромецъ». Отъѣхали они до перекрестка дорогъ,—одна дорога идетъ къ Новгороду, другая къ Кіеву, а третья къ Черному морю. Раскинули богатыри тамъ шатеръ, разсѣдлали и потреножили своихъ коней и пустили ихъ по степи гулять...

---

[1]) Это стихотвореніе знаменитаго русскаго писателя графа Алексѣя Константиновича Толстого. Оно великолѣпно выражаетъ чисто русскую простую душу Ильи Муромца. Въ немъ замѣчательно также описаніе лѣтняго дня, русской природы. Гр. Ал. Конст. Толстой родился въ 1817 году, умеръ въ 1875 году. Родился онъ въ Петербургѣ, но воспитаніе получилъ и дѣтство провелъ въ Малороссіи, на которую смотрѣлъ, какъ на родину. Изъ его произведеній наиболѣе знамениты драмы—«Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ» и «Царь Борисъ», большое сочиненіе «Князь Серебряный» и много стиховъ. Гр. Толстой отлично зналъ русскую старину.

На разсвѣтѣ, славный богатырскій развѣдчикъ, Добрыня Никитичъ, увидалъ, что по ту сторону Сафатъ рѣки раскинулъ свои шатры злой татарченокъ-басурманченокъ и не пропускаетъ черезъ рѣку ни коннаго, ни пѣшаго.

Посѣдлалъ своего коня Добрыня, сѣлъ на него, подъѣхалъ къ шатру и закричалъ зычнымъ голосомъ:

— «Выходи-ка татарченокъ, злой татарченокъ, басурманченокъ, станемъ мы съ тобою честный бой держать»...

Татаринъ вышелъ изъ шатра, сѣлъ на своего коня и—

— «Не два вѣтра въ полѣ слетались:
Слетались, сходились два удалые витязя.
Ломались копья ихъ острыя,
Разметались мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка у Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью»...

Вслѣдъ за Добрыней поднялся Алеша Поповичъ и пошелъ умываться на Сафатъ рѣку и видитъ опъ копя Добрынина. Стоитъ борзый конъ осѣдланный и взнузданный, но стоитъ невеселый. Потупилъ онъ очи въ сырую землю—знать: тоскуетъ онъ по хозяинѣ.

Сѣлъ Алеша на коня и поскакалъ въ поле. И увидѣлъ онъ несмѣтную силу татарскую, а подлѣ убитаго Добрыню.

Вызвалъ Алеша татарина на бой и одолѣлъ его татаринъ такъ же, какъ и Добрыню.

И уже на восходѣ солнца поднялся изъ шатра Илья Муромецъ и видитъ, что черезъ Сафатъ рѣку переправляется сила басурманская, да такъ ея много, что «той силы доброму молодцу не объѣхать, сѣрому волку не обрыскати, черному ворону не облетати»...

Илья Муромецъ созвалъ богатырей, посадилъ ихъ на коней и бросился съ ними биться противъ татаръ. Но разрубятъ они одного татарина, а изъ одного два дѣлаются, разрубятъ двухъ, а ихъ стоитъ четверо, порубятъ четверыхъ, а ихъ восьмеро. Растетъ и растетъ сила басурманская.

И испугались тогда витязи могучіе:

Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой—такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій—такъ и окаменѣетъ.
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на Святой Руси!..»

7. Заключеніе о богатыряхъ.

Илья Муромецъ наиболѣе прославленный въ пѣсняхъ и былинахъ русскій богатырь. Въ немъ рѣзко выражены черты русскаго народа кіевскаго времени,

когда народъ русскій былъ свободный, не извѣдалъ еще неволи татарской, не разучился прямо и смѣло говорить правду, не разучился дѣйствовать честно и открыто.

Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ. Судьба надѣлила его силою непомѣрною и могъ бы онъ пахать землю на радость своихъ родителей, и жить мирно и счастливо, но сильный и могучій,—онъ совѣстится мирнаго счастія, когда родина нуждается въ богатырской защитѣ, когда заставлены дороги прямоѣзжія разбойничьими заставами, когда кругомъ Руси святой живутъ нехристи—враги русской земли. И онъ идетъ воевать, воевать отъ себя, какъ воевали потомъ отъ себя, за свой страхъ, на Днѣпру и Дону—казаки. Отъ того и былина зоветъ его казакомъ: «матерой казакъ Илья Муромецъ».

Въ бѣдѣ Илья—черпаетъ свою силу отъ земли. Какъ коснется земли—силы ему вдвое прибудетъ. Этимъ народъ хотѣлъ указать, что сила русскаго человѣка—земля. Что силенъ и богатъ тотъ, кто на землѣ сидитъ. Что ни фабрики, ни заводы съ ихъ городскою жизнью, разгуломъ и пьянствомъ, а послѣднее время съ ихъ неправою политикою не дадутъ силы народу русскому. Илья не ищетъ ее въ Кіевѣ, онъ бѣжитъ изъ Кіева, бѣжитъ къ землѣ, въ поле... «Попутру ему здоровымъ воздухомъ дышать»!..

Собираясь въ походъ, Илья прежде всего заботится о боевомъ копѣ. Онъ готовитъ его къ походу. Онъ заставляетъ его прыгать черезъ тынъ, откармливаетъ его овсомъ, любовно подготовляетъ его къ боевой службѣ.

Борясь съ царевичами, онъ поступаетъ съ ними благородно и, оспливъ ихъ отпускаетъ на всѣ четыре стороны и наказываетъ имъ, чтобы они всѣмъ сказали: что русская земля сильна, что есть на ней сильные и могучіе богатыри.

Въ лицѣ Соловья-разбойника былина изобразила тѣ многочисленныя шайки лихихъ людей, которыми кишѣли въ тѣ поры образованія Руси—широкая степь и дремучіе лѣса. Разбойники обирали проѣзжающихъ, грабили купцовъ и не давали имъ возможности ѣздить по Руси съ товарами. Илья прежде всего принимается чистить Русь отъ ея внутренняго врага, онъ привозитъ разбойниковъ къ Владиміру и тамъ казнитъ ихъ.

Какъ настоящій русскій солдатъ, Илья честенъ и неподкупенъ. Жена Соловья не могла его купить ни золотомъ, ни драгоцѣнными каменьями.

Въ лицѣ Жидовина-богатыря, котораго никто изъ богатырей не смогъ побѣдить и котораго самъ Илья пустилъ гулять по бѣлу свѣту, не изобразилъ ли народъ русскій евреевъ? Своимъ лукавствомъ, пронырливостью, угодливостью, предпріимчивостью и терпѣніемъ еврейскій народъ втерся въ русскую жизнь и, не слившись съ русскими, остался жить, наводнивши весь юго-западный край, часто пересиливая русскихъ, часто побѣждая ихъ въ дѣлахъ торговыхъ.

Много славныхъ подвиговъ совершили богатыри русскіе. Много побѣдъ одержали, много народовъ покорили. Но пришла несмѣтная татарская сила. Сильно и могуче бились богатыри противъ нея, но бились порознь, не вмѣстѣ. Сначала пошелъ Добрыня Никитичъ, потомъ Алеша Поповичъ, потомъ уже остальные богатыри. И одолѣла ихъ сила татарская. Поразбѣжались богатыри, окаменѣли, исчезли съ Руси Святой.

Совсѣмъ ли исчезли они—это мы увидимъ сейчасъ, когда станемъ разбирать русскую жизнь уже не по пѣснямъ народнымъ, не по былинамъ, что поютъ

слѣпые старцы-нищіе съ испоконъ вѣковъ, а по точнымъ записямъ, жившихъ въ тѣ времена людей.

Но знаемъ одно... Послѣ славнаго кіевскаго времени, послѣ великихъ богатырей, двѣсти лѣтъ томилась Русь подъ тяжелымъ татарскимъ игомъ. Окаменѣли на то время богатыри. Окаменѣли и исчезли... И народились вновь, только въ славное время свержения татарскаго ига и мы знаемъ ихъ и мы чтимъ ихъ имена, и мы читаемъ про ихъ подвиги. Новые богатыри земли русской—это Дмитрій Донской, Александръ Невскій, Ермакъ Тимофеевичъ, это Петръ Великій, Суворовъ и Скобелевъ. Ими гордится русская земля, ихъ воспѣли русскіе писатели и стихотворцы, имъ благодаренъ русскій народъ, какъ воспѣты въ былинахъ, какъ всегда и вездѣ добромъ помянуты старые русскіе богатыри—Вольга Буслаевичъ, Микула Селянинновичъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ.

Послѣ побоища. Поле битвы во времена образованія Руси. Тѣлами нашихъ предковъ покрыто оно. Ихъ кровью добывалась Русская земля.

(Съ картины Васнецова).

Святославъ. „Ляжемъ костьми: мертвые сраму не имутъ".

II.

КНЯЖЕСКАЯ ДРУЖИНА ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

8. Основаніе русскаго государства. Призваніе варяговъ.

Дружинникъ въ кольчугѣ и портахъ со щитомъ.

Тысячу съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ ту землю, которая теперь заселена кореннымъ русскимъ народомъ, примѣрно отъ Новгорода на сѣверъ—до рѣки Дуная на югѣ, и отъ рѣки Днѣпра на западъ до рѣки Волги на востокъ населяли различные народы, поспвшіе одно общее названіе—*славянъ* [1]).

Каждый изъ славянъ жилъ со своимъ родомъ отдѣльно, на своемъ мѣстѣ. Старшій въ родѣ, набольшій, котораго остальные роды слушали, назывался или просто *старцемъ*, или *владыкою*, или, впослѣдствіи, *княземъ*.

Если старѣйшій въ родѣ умиралъ, то родъ собирался вмѣстѣ и избиралъ себѣ новаго князя. Пока князь поступалъ справедливо, его охотно слушались и родъ жилъ мирно и хорошо, но когда князем бывали недовольны, то подъ него подкапывались, старались свер-

[1]) См. карту.

Наша родина тысячу лѣтъ тому назадъ.

(Мѣста, занятыя теперь кореннымъ русскимъ народомъ были тогда заселены различными племенами, съ которыми предкамъ нашимъ приходилось непрерывно воевать).

гнуть его и оттого были вѣчныя усобицы и нелады въ родахъ и часто одинъ родъ шелъ войною на сосѣда, желая отнять отъ него земли, имущество, накопленное трудомъ богатство.

Вслѣдствіе постоянной опасности нападенія сосѣдей, славяне строились плохо, жили въ бѣдныхъ избахъ, такихъ, которыя не жаль было бы покинуть; кое-гдѣ они собирались по многу и тамъ свои жилища *огораживали* бревенчатыми стѣнами,—отъ этого и произошло русское слово—*городъ*. Въ старину каждый городъ былъ непремѣнно огороженъ. Городовъ было много. Но они были маленькіе и въ первыя времена болѣе значительными были Новгородъ, Смоленскъ и Кіевъ.

Славяне были миролюбивы, жили земледѣльческимъ трудомъ и только тѣ, которые населяли сѣверъ по рѣкѣ Волхову, около озера Ильмень, да жившіе по Дунаю—дѣлали частые набѣги на сосѣдей, были воинственны и предпріимчивы.

Славяне были лицомъ похожи другъ на друга, были высокаго роста, статные, сильные, волосы имѣли темнорусые и носили ихъ длинными, или же выбривали всю голову, оставляя наверху небольшой пучекъ волосъ. Они были неприхотливы на пищу, легко переносили зной, холодъ и непогоду, но про нихъ говорятъ, что они были весьма нечистоплотны.

Таковы были наши предки слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ.

Постоянная вражда славянскихъ родовъ между собою дѣлала жизнь славянъ тяжелой, и вотъ въ 862 году, то-есть почти тысячу пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, рѣшили славянскіе роды призвать къ себѣ такого князя, у котораго не было бы, родственниковъ въ другихъ родахъ, призвать человѣка чужого. Чужой, не имѣя родни, сталъ бы править безпристрастно. И рѣшили славяне обратиться на сѣверъ къ сѣвернымъ своимъ сосѣдямъ—*варягамъ* и у нихъ попросить себѣ князей.

Кто такіе были варяги—вопросъ неразрѣшенный. Извѣстно, что они жили недалеко отъ Балтійскаго моря, имѣли частыя дѣла съ славянами, были смѣлыми мореходами, любили военные поиски и походы, были крѣпки тѣломъ и сильны духомъ.

Для правленія славянами отъ варяговъ пришло три князя—*Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*. Рюрикъ сталъ на Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ и Труворъ въ Изборскѣ.

Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли и Рюрикъ сталъ одинъ княжить надъ славянами. Онъ покорилъ себѣ Новгородъ, а затѣмъ направился со своими дружинами къ верховьямъ Днѣпра, гдѣ въ тѣ времена собирались недовольные Рюрикомъ славяне, построившіе со своими князьями Аскольдомъ и Диромъ въ среднемъ теченіи Днѣпра городъ Кіевъ.

По смерти Рюрика править долженъ былъ его сынъ *Игорь*, но такъ какъ онъ былъ маленькимъ, то въ управленіе славянами вступилъ Олегъ. Олегъ продвинулся сильно на югъ, овладѣлъ Смоленскомъ и Кіевомъ.

Олега русскій народъ воспѣлъ въ былинахъ, подъ именемъ Вольги Буслаевича. Онъ прославилъ свое имя походами на Константинополь, которымъ въ тѣ времена владѣли греки.

Послѣ него сталъ княжить Игорь. Игорь былъ князь не смѣлый. Дружина его была бѣдна и робка, онъ былъ корыстолюбивъ и жаденъ, не любилъ дѣлить добычу съ дружиной, бралъ дань съ однихъ и тѣхъ же по два раза и за это былъ убитъ древлянами—славянскимъ племенемъ, ему подчиненнымъ.

Сынъ его Святославъ былъ полною противоположностью своему отцу. Онъ можетъ считаться родоначальникомъ боевой славы русскаго войска, при немъ молодого славянскаго народа трепетала могущественная греческая имперія, владѣвшая въ тѣ времена едва не полміромъ.

Боевой топоръ.

9. Княжеская дружина.

Въ тѣ времена основой войска являлась княжеская *дружина*. Дружина состояла изъ отборныхъ людей, къ которымъ князь дружески относился. Дружина состояла изъ людей честныхъ и смѣлыхъ, посвятившихъ себя военному дѣлу, получавшихъ отъ князя жалованье, охранявшихъ его на походѣ, обучавшихся военному дѣлу, словомъ — это было постоянное войско князя.

Дружинникъ временъ Святослава.

Дружинники вообще назывались—*мужами*. Старшіе, лучшіе люди дружины носили названіе—*бояръ*, они же были и совѣтчиками князя, младшіе назывались *гридями*. Если посмотрѣть по нынѣшнему, то бояре отвѣчаютъ теперешнимъ генераламъ, гриди—офицерамъ, а мужи—унтеръ-офицерамъ. Дружина раздѣлялась на *лучшую, старѣйшую* и *младшую*. Къ дружинѣ, кромѣ того, принадлежала еще и княжеская прислуга, называвшаяся *отроками*.

Дружина раздѣлялась на двѣ части—*боевую* и *кошевую*, которую составляли люди при обозѣ. Боевая дружина это, такъ сказать, строевые и кошевая—нестроевые.

Въ дружину могъ поступать кто хочетъ. Изъ былинъ мы видимъ, что крестьянскіе сыновья шли въ княжескую дружину. Отъ дружинника требовались только доблести солдатскія—храбрость и честность. Позоромъ считалось для дружинника бросить поле сраженія, оставить своего князя, но и князья не покидали своей дружины.

Изъ дружины княжеской образовалось впослѣдствіи служилое сословіе или, что теперь наше дворянство. Завоеванныя земли князья раздавали въ награду своимъ дружинникамъ и, такимъ образомъ, храбрость и подвиги доставили нашему высшему сословію и то положеніе, которое оно имѣетъ теперь, и тѣ богатства, которыя оно получило.

Дружина находилась на полномъ содержаніи у князя, она получала отъ него пищу, одежду, коней, оружіе, имѣла право на добычу и ей же отдавалась часть дани, которую князья налагали на завоеванныя племена. Дружины были невелики числомъ—600—1000 человѣкъ.

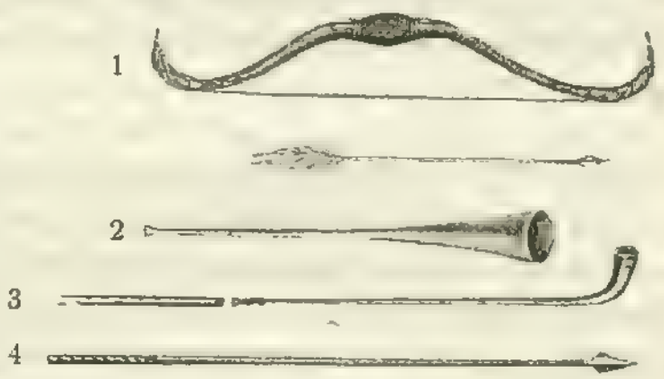
Жалованье дружинники получали небольшое. Такъ старшій дружинникъ получалъ въ годъ 200 гривенъ серебра, что по нынѣшнему счету составитъ около 15 рублей въ годъ.

Но, кромѣ дружины, у князя всегда бывало еще и *войско*. Войско составлялось изъ *воевъ*, которые набирались передъ войною или походомъ изъ горожанъ и поселянъ. Вопросъ о томъ нужно ли собирать войско рѣшался обыкновенно общимъ собраніемъ выборныхъ отъ горожанъ и поселянъ на такъ называемомъ *вѣчѣ*. Отъ службы въ такихъ случаяхъ избавлялось только духовенство. Призывая народъ въ походъ старшіе дружинники обыкновенно объѣзжали города и селенія и говорили:—«собирайтесь всѣ отъ мала до велика,—у кого есть конь,—тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть идетъ въ ладьѣ».

Въ тѣ времена пѣхота двигалась обыкновенно по рѣкамъ на лодкахъ, т. е. въ ладьяхъ. У новгородцевъ ладьи назывались *ушкуями*. Отсюда и произошло слово ушкуйникъ—рѣчной разбойникъ.

Русскіе князья иногда въ помощь къ своимъ войскамъ нанимали солдатъ у сосѣднихъ племенъ. Но наемники сражались плохо, часто роптали на службу и были очень требовательны на довольствіе. Лучшими изъ наемниковъ были варяги. Хуже другихъ сражались печенѣги.

Главнымъ родомъ войска была, какъ и теперь—пѣхота. Но князья, дружина княжеская, бояре и вообще знатные люди сражались на коняхъ. Кромѣ того, наемники часто являлись конными. Такъ какъ въ тѣ времена дорогъ почти не было, а тѣ просѣки, которыя соединяли большіе города, были трудно проходимы изъ за болотъ и отсутствія мостовъ, то войско княжеское походомъ обыкновенно шло по рѣкамъ на лодкахъ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ воины выходили изъ лодокъ и дрались пѣшкомъ. Однако, бывали случаи, когда сражались и на лодкахъ, особенно при встрѣчѣ съ непріятелемъ на Черномъ морѣ, куда выходили русскія дружины по Днѣпру. Лодки, на которыхъ ходили наши войска, были очень легки. Ихъ можно было переносить на рукахъ отъ одной рѣки до другой. Тѣ мѣста, по которымъ протаскивали или волочили лодки, — носили названіе *волоковъ* и были подготовлены къ этому. Лѣсъ былъ вырубленъ, подъемы и спуски разработаны. Лодки строились сначала только на двѣнадцать человѣкъ, потомъ строили лодки на 40 и даже на сто человѣкъ. Шли обыкновенно на веслахъ, но при попутномъ вѣтрѣ распускали паруса и шли подъ парусами. Когда приходилось волочить суда отъ рѣки до рѣки, то часть войска оставалась при лодкахъ, а часть шла сбоку въ прикрытіи отъ нечаяннаго нападенія.



1—Лукъ и стрѣла. 2—Свирѣль. 3—Сопѣль. 4—Дротикъ.

Одежда воиновъ была такая же, какъ и крестьянъ. Рубаха и исподница—составляли все одѣяніе нашихъ предковъ. Отъ ненастья и холода они прикрывали себя звѣриными шкурами. Русскіе даже и въ мирное время всегда носили при себѣ топоръ, мечъ, или ножъ. Это и понятно. Окруженные врагами—русскіе

никогда не знали, гдѣ ожидаетъ ихъ опасность и, выходя на полевыя работы, не знали придется ли имъ спокойно окончить свои труды.

Мечъ.

Вооруженіе того отдаленнаго времени, вѣка богатырей и славныхъ походовъ русскихъ къ Царьграду, состояло изъ: *топоровъ, обоюдоострыхъ мечей, короткихъ копій, дротиковъ или пикъ, деревянныхъ луковъ съ намазанными ядомъ стрѣлами и большихъ деревянныхъ щитовъ,* обшитыхъ кожею и обитыхъ по краямъ желѣзомъ. Широкіе кверху и узкіе книзу, окрашенные въ красный цвѣтъ (червленые), щиты предохраняли нашихъ предковъ отъ стрѣлъ и копій непріятельскихъ.

Дружина имѣла броню. На головы одѣвали желѣзные колпаки или *шлемы.* Броня, или *кольчуга* (отъ слова кольцо) представляла изъ себя рубашку съ рукавами, сдѣланную изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ, какъ бы свитую изъ цѣпочекъ. На ноги одѣвались такіе же кольчужные штаны. Шлемъ—желѣзный острокопечный колпакъ, имѣлъ съ боковъ и сзади подвѣски изъ цѣпочекъ для защиты щекъ и затылка.

Въ тѣ времена пороха не знали; ни ружей, ни пушекъ не было, не нужно было поэтому и одежды защитнаго цвѣта. Стрѣлы летѣли самое большее на двѣсти шаговъ, а самые искусные копьеметатели могли добросить копье всего лишь на 60 шаговъ. Дрались страшнымъ, упорнымъ рукопашнымъ боемъ. Напрасно думаютъ и говорятъ, что теперь война стала опаснѣе потому, что есть магазинныя ружья, есть пулеметы, дальнобойныя орудія, воздушные шары и т. д. Теперь война требуетъ отъ солдата больше искусства, больше знаній, но народа на войнѣ гибнетъ меньше. Раны, наносимыя пулями, залечиваются легко, скоро и безслѣдно. На 100 человѣкъ уходитъ убитыми и ранеными—30—40, очень рѣдко 80. Тогда, когда завоевывали и устраивали намъ землю наши предки, часто дрались до послѣдняго. Раненыхъ почти не было—были только убитые. Тяжелыми палицами, топорами — дробили черепа, дротиками и копьями пронзали насквозь людей. Дрались, топчась на мѣстѣ сутками. Дрались до той поры, пока отъ утомленія не выпадали щиты изъ рукъ, а размахъ руки дѣлался слабымъ. Стаи вороновъ кружились надъ борцами, чуя добычу. Побѣждалъ болѣе храбрый и болѣе сильный и крѣпкій тѣломъ. Пощады не было никому. Плѣнныхъ ожидало тяжелое, томительное рабство, продажа въ неволю въ чужія страны, а потому въ плѣнъ не сдавались.

Бросаясь въ атаку, предки наши закрывались щитами, держа ихъ въ лѣвой рукѣ, выставляя копья въ промежутки между ними. При отступленіи щиты закидывали за спину.

Конница наша имѣла длинныя копья съ небольшими лоскутками цвѣтной матеріи на концѣ, называемыми *прапорцами* (отсюда наше слово прапорщикъ), и острыя кривыя сабли, отнятыя у печенѣговъ, половцевъ или татаръ.

Самые отчаянные дружинники имѣли еще за сапогомъ небольшіе острые ножи—такъ называемые *засапожники.* Драться на засапожникахъ можно было только сойдясь вплотную, грудь съ грудью съ врагомъ, обдавая его своимъ горячимъ дыханіемъ, всаживая ножъ въ шею, въ щель между кольчугой и щечными подвѣсками шлема.

Пѣхота дѣлилась на *лучниковъ*, или *стрѣльцовъ*, начинавшихъ бой вразсыпную стрѣльбою изъ лука, и на *копейщиковъ*,—атаковавшихъ съ копьями въ рукахъ.

Русскіе сами не умѣли дѣлать хорошаго оружія и потому, или покупали его, или снимали доспѣхи съ убитыхъ враговъ. Лучшіе шлемы считались латинскіе, и аварскіе, копья—польскія, а мечи—съ востока, такъ называемые харалужные—изъ вороненой стали. Князья, бояре и богатые дружинники украшали свое оружіе серебромъ и золотомъ [1]).

Необходимою принадлежностью войска нашихъ предковъ были *знамена*, называвшіяся тогда *стягами* (отъ слова стягивать—собирать). Знамена служили мѣстомъ сбора войскъ. До крещенія Руси на знаменахъ, бывшихъ громадныхъ размѣровъ, были изображаемы языческія божества, потомъ нашими знаменами служили иконы и кресты и самое знамя, часто по церковному называлось *хоругвью*. Отсюда и произошло наше слово хорунжій, обозначавшее первоначально знаменщика, т. е. человѣка, носящаго хоругвь, а теперь ставшее первымъ офицерскимъ чиномъ въ казачьихъ войскахъ.

Была въ войскѣ нашихъ предковъ и военная музыка. *Трубы, бубны, зурны и сопѣли* — составляли музыкальные инструменты музыкантовъ перваго русскаго войска.

За отличіе въ бояхъ жаловались *золотыя гривны и цѣпи*. Гривна представляла изъ себя золотую медаль, носившуюся на цѣпи. Кромѣ того, за подвиги жаловались еще денежныя награды, оружіе, доспѣхи, давались помѣстья и возводили въ санъ бояръ, воеводъ, тысяцкихъ, образуя этимъ впослѣдствіи наше дворянство, нѣкоторые роды котораго ведутъ свое происхожденіе отъ временъ Рюрика.

Теперь нашъ боевой порядокъ въ пѣшемъ бою состоитъ изъ цѣпи съ ея поддержками и резерва и, кромѣ того, частей, охраняющихъ фланги. Во время первыхъ русскихъ князей русское войско для боя располагалось слѣдующимъ образомъ:—въ серединѣ—*большой полкъ или чело*, а по бокамъ—*правое и лѣвое крылья*. Въ челѣ ставились худшія войска—наемники, земскіе полки, состоявшіе изъ воевъ, на крыльяхъ же располагались княжескія дружины.

Какъ теперь впереди идетъ авангардъ, такъ въ то время впередъ высылались *передовой* и *сторожевой* полки.

При встрѣчѣ съ противникомъ бой начинали не сразу. Часто, сойдясь на двѣсти, триста шаговъ, оставались другъ противъ друга, осыпая другъ друга насмѣшками и ругательствами, стараясь оскорбленіями вывести противника изъ себя. Лѣтописцы пишутъ объ этомъ, что передъ боемъ дружины «лаялись, аки псы».

Затѣмъ выносились стяги и войско строило около нихъ боевой порядокъ.

Военныя хитрости были въ большомъ ходу. Ставили засады, устраивали ложное бѣгство, чтобы заманить противника и т. п.

Грекъ Михаилъ Пселлъ вотъ какъ описываетъ наружность русскихъ воиновъ, которыхъ онъ видѣлъ въ 1057 году, то есть безъ малаго 900 лѣтъ тому назадъ:

---

[1]) Гарнизоны Петербурга и Москвы могутъ видѣть доспѣхи и вооруженіе нашихъ предковъ, раскопанное въ могилахъ дружинниковъ и братскихъ на мѣстахъ большихъ битвъ. Въ Петербургѣ оно хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ на Милліонной улицѣ, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ, внизу, въ отдѣлѣ оружія, входъ безплатный, а въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ Грановитой палатѣ. Входъ безплатный. *И. К.*

«Они были страшны видомъ своимъ и наружностью»,—пишетъ онъ,—«у нихъ свѣтлоголубые глаза, усы и бороды не бриты. Русскіе яростны въ бою, но медлительны, они не щадятъ своей крови и презираютъ свои раны».

Одержавъ побѣду, предки наши часто вмѣсто настойчиваго преслѣдованія и истребленія врага, бросались грабить его обозы, обирали мертвыхъ, а иногда начинали драться между собою изъ-за добычи.

Потомъ они оставались на полѣ сраженія, или, какъ тогда говорилось, *на костяхъ* и нѣсколько дней пировали, празднуя побѣду.

При передвиженіяхъ сухимъ путемъ войска охранялись *сторожами*, высылавшимися впередъ для охраны, для развѣдки и добыванія языка. Богатырская застава двѣнадцати богатырей, гдѣ атаманомъ былъ Илья Муромецъ, подъ-атаманомъ Добрыня Никитичъ, а есауломъ Алеша Поповичъ и про которую намъ поютъ и теперь еще слѣпые старцы—калики перехожіе—и была такою сторóжею.

За войскомъ тянулись обозы. Но и обозовъ не хватало для продовольствія воиновъ и тогда отбирали все необходимое у жителей. По тогдашнему времени, войну сопровождало разореніе. Вторгшись въ непріятельскую землю, войско не оставляло камня на камнѣ. Все предавалось огню и мечу. Поля вытравляли конями, города сжигали, скота и птицы не оставляли «ни рога, ни курятн». Для болѣе полнаго опустошенія страны противника, войска пускались *въ разгонъ*, раздѣлялись на мелкіе отряды, которые уничтожали все на пути своемъ.

Плѣнныхъ брали иногда такъ много, что за гривну серебра продавали десять плѣнныхъ въ рабство. Если при передвиженіяхъ плѣнные мѣшали—ихъ перебивали поголовно.

Большіе города строились, какъ крѣпости. Строить или *рубить* городъ обязаны были всѣ. Это считалось государственною повинностью. Городъ состоялъ изъ внутренней части—«*дѣтинаго града*» и внѣшней—«*окольнаго, кромнаго града*». Внутренняя часть города носила названіе «дѣтинца», или «*кремля*». Внутри дѣтинца помѣщались: соборный храмъ, княжескій дворъ, или дворъ его посадника и дома дружины.

Внѣшній городъ окружался валомъ со стѣнами и башнями, а иногда и рвомъ. Стѣны и башни были деревянныя, бревенчатыя, въ нихъ были продѣлапы бойницы для стрѣльбы изъ луковъ.

Города брали или открытою силою, шли на приступъ, брали копьями, или облагали ихъ и брали измором, или нападали неожиданно.

Для овладѣнія стѣнами и башнями къ нимъ присыпали землю, подкладывали бревна и солому. По землѣ и бревнамъ взбирались на стѣны, или поджигали стѣпы, но чаще брали города продолжительною осадою—измором.

Такъ тысячу лѣтъ тому назадъ было устроено русское войско и такъ воевали наши предки.

Если теперь война кровавое бѣдствіе, то тогда война была во сто разъ тяжелѣе. Отъ побѣды или пораженія зависѣли жизнь и благополучіе и женъ, и дѣтей, и стариковъ. Побѣдитель не щадилъ никого. Не забудемъ и того обстоятельства, что въ тѣ времена врачебное искусство стояло весьма низко. Врачей, хирурговъ не было. И, если и оставались на полѣ битвы не добитые люди, раненые—они умирали отъ зараженія крови, отъ потери крови, отъ отсутствія ухода и леченія. На войнѣ каждаго воина ожидала или смерть, или побѣда. Нельзя было отдѣ-

латься ранами. Оставался живымъ болѣе сильный, болѣе искусный во владѣніи оружіемъ и потому-то искусство сражаться и цѣнилось такъ высоко, а храбрымъ былъ и почетъ, и богатство.

Восточная сабля.

10. Царьградъ.

Конный дружинникъ съ прапорцемъ въ рукахъ.

Ничто такъ не привлекало предковъ нашихъ—кіевскихъ князей и ихъ дружинниковъ, ничто такъ не манило ихъ, какъ побережье Мраморнаго моря, какъ пышный и великолѣпный городъ Константина Великаго—Константинополь.

Въ тѣ времена турки еще не пришли въ Малую Азію и вся теперешняя Греція, всѣ забалканскія земли, Малая Азія, Персидскія земли, Палестина съ Іерусалимомъ, часть Африки, Азія вплоть до самой Индіи принадлежали грекамъ. Греческое государство представляло изъ себя обширную имперію, во главѣ которой стоялъ греческій царь, какъ онъ назывался иначе, византійскій императоръ. Греки исповѣдывали православную вѣру и были богатымъ, искуснымъ народомъ, у нихъ были отличныя, хорошо вооруженныя постоянныя войска и прекрасная конница.

Главнымъ городомъ ихъ былъ Константинополь, лежащій на берегу Мраморнаго моря и называвшійся также Византіей.

Воинъ съ топоромъ, мечемъ и засапожникомъ.

Но русскіе назвали его Царьградомъ. Сказочнымъ городомъ казался онъ нашимъ предкамъ. Сказочными теремами представлялись имъ бѣломраморные дворцы, отражавшіеся въ волнахъ голубого моря, сказочными постройками рисовались имъ высокія башни, купола, покрытые золотомъ и прозрачною эмалью, константинопольскихъ церквей и дворцовъ.

Кіевъ съ его бревенчатыми башнями, съ его деревянными хоромами, съ грязными немощеными улицами казался деревней по сравненію съ пышнымъ Константинополемъ, гдѣ улицы были вымощены громадными плитами и гдѣ красота природы, чудное синее море, зелень садовъ соперничали съ красивой отдѣлкой домовъ.

Русскіе умѣли прясть простой холстъ, грубо выковывали кольчуги и свои доспѣхи, русскіе были бѣдны... Въ Кон-

стантинополѣ были шелка и бархаты, шитыя золотомъ матеріи, отлично изукрашенные шлемы и сабли съ золотою насѣчкой. Не мудрено, что, когда впервые Олеговы челны подошли къ Константинополю, взоръ русскихъ заигралъ на его красотахъ и восхищенные предки наши назвали его—*Царьгородомъ*.

Съ этихъ поръ—и до нашихъ дней—завоеваніе Царьграда является мечтою, пока несбывшейся, русскаго войска и нигдѣ не пролито такъ много русской крови, какъ подъ стѣнами волшебнаго города, откуда пришло къ намъ христіанство, и ни за что такъ стойко, смѣло и сильно не сражались наши войска, какъ за обладаніе этимъ волшебнымъ синимъ моремъ, этимъ пышнымъ городомъ съ бойкой торговлей, этимъ городомъ—Царемъ, такъ поразившимъ воображеніе первыхъ русскихъ, первыхъ нашихъ воинскихъ дружинъ, первыхъ солдатъ, нашего побѣдоноснаго воинства.

11. Походы великаго князя Святослава Игоревича (957—972 г.).

Слава русскаго войска достигла высшей степени въ княженіе на Кіевѣ *Святослава*. А княжилъ онъ пятнадцать лѣтъ съ 957 по 972 годъ, то-есть почти тысячу лѣтъ тому назадъ.

Святославъ былъ воинъ въ душѣ. Онъ воевалъ не ради власти, или добычи, а ради славы. Онъ ходилъ быстро, безъ обозовъ, мяса не варилъ, котловъ не возилъ, а пекъ на угольяхъ конину, мясо звѣрей или говядину. У него не было палатки, спалъ онъ на потникѣ и клалъ сѣдло подъ голову вмѣсто подушки. Его окружала такая же закаленная въ бояхъ и легкая дружина. Идя походомъ противъ кого-нибудь, Святославъ посылалъ впередъ гонца съ приказомъ сказать: «иду на васъ».

Слава о русскомъ войскѣ гремѣла среди сосѣдей.

Съ такою дружиною Святославъ въ короткое время покорилъ всѣ земли по Дону, по низовьямъ Волги и занялъ Сѣверный Кавказъ. Но не эти земли влекли Святослава. Побывавши въ Болгаріи, посмотрѣвъ на красоты и богатство горнаго края, Святославъ уже не могъ спокойно жить въ Кіевѣ.

— «Не любо мнѣ оставаться въ Кіевѣ,—говорилъ онъ своей матери Ольгѣ,—хочу жить на Дунаѣ, такъ какъ тамъ середина моей земли».

Походы храбраго, воинственнаго русскаго князя на Болгарію, близкое сосѣдство его съ Византіей встревожили византійскаго Императора Іоанна Цимисхія и Цимисхій послалъословъ къ Святославу, предлагая большія деньги за то, чтобы Святославъ ушелъ изъ Болгаріи, съ Дуная.

Но Святославъ гордо отвѣтилъ посламъ: «да не .трудится,—сказалъ онъ,—императоръ ходитъ въ нашу землю. Мы сами скоро поставимъ шатры свои передъ вратами Византіи; обнесемъ городъ крѣпостнымъ валомъ, и если онъ рѣшится выступить въ бой—мы храбро встрѣтимъ его!».

Тогда Цимисхій выслалъ противъ Святослава своего полководца Варда Склира съ 10.000 отрядомъ на границы Болгаріи. Святославъ собралъ 30.000 болгаръ, наемныхъ венгровъ и печенѣговъ, перешелъ съ ними Балканскій хребетъ, занялъ Филиппополь и заперъ Варду Склира въ Адріанополѣ.

Но плохо дисциплинированные наемники, полудикіе венгры и печенѣги, вмѣсто того, чтобы крѣпко занимать сторожи, разбрелись по окрестностямъ и занялись грабе-

жомъ деревень и городовъ. Этимъ воспользовался Варда Склиръ. Отличная византійская конница бросилась на печенѣговъ, заманила ихъ въ засаду, подъ удары пѣхоты и разбила ихъ. На выручку пошелъ Святославъ. Онъ выслалъ впередъ венгерскую конницу, но венгры не устояли передъ греками и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство и разстроили находившуюся сзади ихъ пѣхоту. Варда Склиръ окружилъ эту пѣхоту и началось страшное истребленіе русскихъ. Закованные съ головы до ногъ византійскіе воины ударами тяжелыхъ мечей разрубали русскихъ, пронзали легкія кольчуги. Святославу съ частью своей дружины удалось ускользнуть за Балканы. Но Святославъ не пошелъ дальше Дуная и снова начались набѣги его дружинъ, разорявшіе греческія земли.

Цимисхій заключилъ миръ со Святославомъ, уговорилъ его не занимать горные проходы черезъ Балканы, и тогда, когда Святославъ не ожидалъ войны и вѣрилъ честному слову Цимисхія, коварный Византійскій императоръ быстро собралъ отборное войско и пошелъ съ нимъ за Балканы.

12-го апрѣля 971 года греческое войско совершенно неожиданно подошло къ городу Преславѣ, занятому воеводою Святослава—Сфенкеломъ.

Русскія дружины мужественно встрѣтили грековъ въ открытомъ полѣ впереди города. Начался жестокій бой. Русскіе не имѣли конницы и поэтому, когда закованная въ тяжелые доспѣхи греческая конница атаковала ихъ—они растерялись. Окруженные со всѣхъ сторонъ они отчаянно бились, отступая постепенно къ городу, и, наконецъ, заперлись въ Преславѣ.

14-го апрѣля къ Цимисхію подошли осадныя машины. Это были бревенчатыя башни на каткахъ, въ серединѣ ихъ были подвѣшены тяжелыя бревна, оканчивающіяся желѣзнымъ наконечникомъ. Греки раскачивали эти бревна и били ими въ городскія стѣны. Въ то же время другія машины бросали въ стѣны и башни города громадные камни, пробивали ими крыши и ранили и убивали людей. Стѣны города скоро были разбиты и греки съ копьями въ рукахъ, укрываясь щитами, бросились въ городъ. Сфенкелъ съ остатками дружины удалился въ кремль, но греки подожгли его и славная русская дружина погибла въ огнѣ и дыму. Сфенкелъ съ нѣсколькими отчаянными дружинниками пробился къ Святославу, спѣшно собиравшему въ это время свои отряды въ городѣ Доростолѣ.

12. Битвы при Доростолѣ 23 апрѣля—22 іюля 971 года.

Цимисхій дѣйствовалъ съ удивительной быстротою. 14-го апрѣля онъ занялъ Преславу, а 23-го апрѣля его войско уже подошло къ Доростолю.

Доростоль лежалъ на берегу Дуная и былъ окруженъ высокими стѣнами. Впереди этихъ стѣнъ по приказанію Святослава былъ выкопанъ глубокій ровъ.

Русскія дружины, прослышавъ о приближеніи грековъ, вышли за валъ и выстроили боевой порядокъ. Плотными рядами, щитъ къ щиту стали русскіе, а въ промежутки просунули свои длинныя копья. Вдали видна была сплошная линія красныхъ щитовъ, да копья сверкали на яркомъ весеннемъ солнцѣ.

Императоръ послалъ впередъ свою конницу, за нею стали лучники и пращники, метавшіе стрѣлы и камни, еще дальше стали главныя силы византійской пѣхоты. Цимисхій повелъ атаку на лѣвое крыло русскихъ. Долго метали стрѣлы

и бросали копья, наконецъ, пѣхота бросилась на стѣны щитовъ и начался жестокій бой. Пробивши брешь въ линіи русскихъ, греки схватились съ ними грудь съ грудью и скоро трескъ проламываемыхъ череповъ смѣшался со звономъ мечей, ударявшихъ по желѣзу кольчугъ и шлемовъ и со стонами умирающихъ. Дрались на трупахъ. Топтали тяжелыми сапогами поваленныхъ воиновъ, приканчивали пожами раненыхъ. Святославъ подкрѣпилъ свое лѣвое крыло и грековъ начали тѣснить. Тогда Цимисхій сталъ во главѣ своей конницы и ударилъ съ нею на русскихъ. Русская пѣхота, утомленная боемъ, тянувшимся цѣлый день, закинувъ щиты за плечи, ушла въ городъ Доростоль; отошли и греки, и на истоптанномъ, политомъ кровью полѣ остались только тѣла убитыхъ греческихъ и нашихъ воиновъ.

25 апрѣля Цимисхій пытался овладѣть городомъ открытымъ приступомъ, но былъ отбитъ. Святославъ не дремалъ. Увидавши, какое громадное значеніе въ бою имѣетъ конница, онъ собралъ всѣхъ имѣвшихся въ крѣпости лошадей, посадилъ на нихъ своихъ воиновъ и вышелъ съ ними изъ крѣпости. Но русскіе не умѣли хорошо ѣздить, лошади не были выѣзжены и искусная византійская конница скоро разсѣяла ихъ.

Тѣмъ временемъ въ Дунай вошли боевыя греческія лодки и окружили Доростоль и со стороны рѣки, и тогда Святославъ остался въ крѣпости отрѣзаннымъ ото всѣхъ.

Цимисхій рѣшилъ овладѣть Доростолемъ измором. У русскихъ совсѣмъ не было запасовъ и скоро въ войскѣ нашемъ начался голодъ.

Тогда въ бурную и темную ночь, съ дождемъ и вѣтромъ, Святославъ выслалъ двухъ-тысячный отрядъ на ладьяхъ по Дунаю для сбора продовольствія. Отрядъ съ искуснымъ гребцами незамѣтно проскользнулъ мимо греческихъ судовъ, собралъ большое количество продовольствія и вернулся назадъ, разбивъ на обратномъ пути нѣсколько греческихъ лодокъ.

Взбѣшенный этой выходкой Цимисхій приказалъ принять самыя строгія мѣры, чтобы никто не могъ ни войти, ни выйти изъ Доростоля.

Вся греческая конница разошлась по заставамъ.

Прошло два мѣсяца. Русскіе, несмотря на голодъ, на ежедневные бои, отбитія штурмовъ, не сдавались. Греческія стѣнобитныя машины день и ночь долбили стѣны тяжелыми бревнами, громадные камни летали черезъ стѣны и причиняли большія потери въ людяхъ.

Прошло еще полъ-мѣсяца. 19-го іюля Святославъ сдѣлалъ вылазку для занятія осадныхъ машинъ. Русскіе стремительно напали на грековъ, прогнали отрядъ, прикрывавшій машины и бывшій подъ начальствомъ Іоанна Куркуаса, котораго убили. На немъ были золотые доспѣхи и конскій уборъ его былъ позолоченъ. Наши приняли его за самого греческаго императора, приволокли его трупъ въ городу и радовались побѣдѣ. Ободренныя дружины наши вышли на другой день снова изъ города, но встрѣтили страшное сопротивленіе и, закинувъ щиты за спины, отошли въ полномъ порядкѣ.

Дружинниковъ не хватало у Святослава. Тогда ихъ жены и дочери надѣвали на себя доспѣхи мужей и отцовъ и шли сражаться за честь и славу русскаго имени.

Въ эту вылазку былъ убитъ русскій богатырь Икморъ. Гдѣ онъ ни появлялся— онъ всѣхъ разилъ своимъ мечомъ. На него вышелъ греческій воевода силачъ Ане-

масъ. Ихъ схватка была страшнымъ боемъ. Наконецъ, Анемасу удалось нанести сильный ударъ Икмору и отсѣчь ему голову.

Ночью русскіе справили тризну по убитымъ воинамъ и сожгли ихъ тѣла.

Уже нѣсколько дней, какъ они ничего не ѣли. Въ войскѣ же Цимисхія ни въ чемъ не было недостатка и даже во время боевъ сражающимся подвозили вино и они утоляли имъ жажду.

21-го іюля Святославъ собралъ свою дружину на военный совѣтъ.

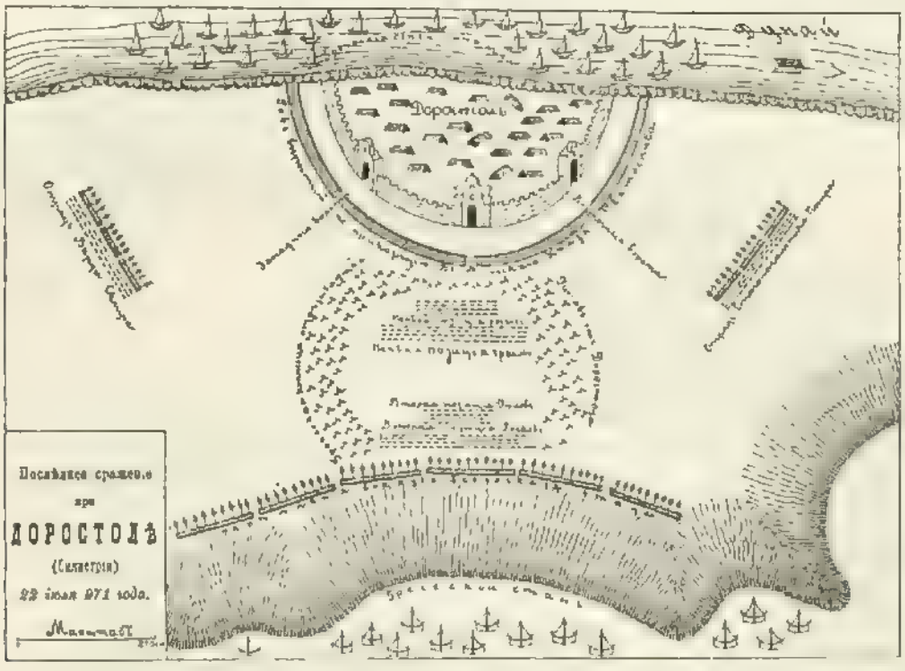
Одни говорили, что драться дольше нельзя, что это будетъ безуміемъ, и предлагали просить мира и пощады у Цимисхія. Другіе совѣтовали спустить темною ночью лодки на воды Дуная и уйти. Настроеніе у всѣхъ было мрачное, угнетенное. Святославъ все молчалъ. Выслушавъ всѣхъ, онъ, наконецъ, всталъ и сказалъ слѣдующія слова, которыя надобно намъ навсегда запомнить.

— «Выбирать намъ не изъ чего, — сказалъ онъ, — волей, или неволей мы должны драться. Не посрамимъ же земли русской! Ляжемъ костьми. Мертвые бо срама не имутъ! Станемъ крѣпко. Я пойду впереди васъ, и если глава моя ляжетъ, то поступите, какъ заблагоразсудите!»

— Умремъ! умремъ за Русь и своего князя!—въ одинъ голосъ воскликнула княжеская дружина.

22-го іюля, собравши всѣхъ способныхъ носить оружіе, Святославъ вышелъ изъ города и приказалъ запереть городскія ворота, чтобы не было отступленія

Планъ № 1.



Цимисхій построилъ также свое войско, и закипѣлъ отчаянный бой. Цимисхій послалъ приказаніе своей конницѣ, наблюдавшей за дорогами, спѣшить къ мѣсту боя.

Святославъ, одѣтый въ чистую бѣлую рубаху и порты, съ золотою серьгою, украшенною краснымъ камнемъ въ одномъ ухѣ, боролся наряду со своими воинами. Къ нему подобрался и знаменитый греческій силачъ Анемасъ, схватившійся страшнымъ боемъ съ русскимъ великимъ княземъ. Анемасъ ударилъ своею палицей по плечу Святослава, разбилъ ему ключицу и сбилъ съ коня. Но тутъ разъяренные русскіе наскочили на греческаго силача и растерзали его.

Между тѣмъ Цимисхій начиналъ волноваться. Его конница все еще не шла ему на поддержку. Ловкій и сильный, искусный во владѣніи оружіемъ Цимисхій сталъ вызывать раненаго Святослава на единоборство. Онъ надѣялся выиграть этимъ время и дать возможность поспѣть своей конницѣ.

Но Святославъ приказалъ посланнымъ Цимисхія передать слѣдующее:

— «Я самъ знаю, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать. Если же греческому Императору надоѣла жизнь, то есть много другихъ средствъ покончить съ нею».

Получивъ этотъ отвѣтъ, Цимисхій отошелъ къ своей укрѣпленной позиціи и сталъ ждать Святослава. Онъ зналъ, что Святославъ будетъ его преслѣдовать. Дѣйствительно, Святославъ бросился за греками. А въ это время, блестя и сверкая оружіемъ, показалась изъ-за горъ греческая конница. Отрядъ Петра началъ обходить русскія войска съ востока, а Варда Склиръ съ запада. Самъ Цимисхій сталъ во главѣ своей пѣхоты и кинулся на русскихъ. Русскіе стойко выдержали ударъ грековъ, но въ это время налетѣла гроза съ вихремъ. Тучи пыли, кружась, понеслись прямо въ глаза нашимъ войскамъ, и они дрогнули и начали отступать, пробиваясь черезъ разившую ихъ конницу. Много легло здѣсь славныхъ витязей и только маленькая часть дружины Святославовой спаслась въ Доростолѣ. Нечего было дѣлать, пришлось вступать въ переговоры съ греками. Свиданье между греческимъ императоромъ и русскимъ великимъ княземъ было назначено на Дунаѣ.

Сопровождаемый блестящей свитою, усыпанною золотыми и серебряными украшеніями, на увѣшанной парчей и пестрыми коврами лодкѣ, блестящій и сверкающій, прибылъ на свиданье Цимисхій.

А русскій великій князь подплылъ къ нему на простой скиоской лодкѣ, съ весломъ въ рукѣ. Только яркая бѣлизна необыкновенно чистой одежды его, да золотая серьга въ ухѣ отличали князя отъ простыхъ гребцовъ. Онъ не всталъ передъ императоромъ, но говорилъ съ нимъ, сидя на скамьѣ лодки.

Въ уваженіе къ мужеству и храбрости Святослава и его дружины, греки отпускали его со всею его дружиной въ Россію и снабжали его продовольствіемъ. Святославъ двинулся по Дунаю, а потомъ Чернымъ моремъ къ Днѣпру. Но въ Днѣпровскихъ порогахъ печенѣги устроили ему засаду. Произошелъ новый бой. Святославъ и большая часть его дружины были перебиты, и только небольшой отрядъ подъ начальствомъ воеводы Свѣнельда вернулся въ Кіевъ.

Такъ неудачею окончилась попытка русскихъ расширить свою землю по Дунаю и подойти къ Царьграду. Но этотъ походъ сблизилъ русскихъ съ греками и установилъ надолго между русскими и греками добрыя сношенія.

Битва подъ Доростолемъ, описанія которой дошли до насъ, и въ русскихъ и греческихъ лѣтописяхъ рисуетъ намъ бой того времени. Упорный, тяжелый рукопашный бой. Закованные въ стальные доспѣхи всадники атаковали шагомъ и рысью и врубались въ плотно сомкнутые ряды пѣхоты. Бой то и дѣло разбивался на рядъ отдѣльныхъ поединковъ: то Анемасъ боролся съ Никоромъ, то онъ сражался со Святославомъ такъ же точно, какъ боролись богатыри Добрыня и Илья съ Соловьемъ разбойникомъ, съ Жидовиномъ или съ татарченкомъ. Въ былинахъ и пѣсняхъ стародавнихъ отразились славные бои Святославовой дружины, родоначальницы честнаго русскаго боя, боя открытаго, безхитростнаго, начинавшагося всегда смѣлыми и честными словами:—«*иду на васъ!*» и кончавшагося отчаянной схваткой не

на животъ, а на смерть по русскому завѣту Святославову: «*не посрамимъ земли Русской! ляжемъ костьми! мертвые бо сраму не имутъ!*»

13. Княженіе Святого Владиміра. Набѣги половцевъ на Русь.

Со смертью Святослава на Руси начинаются междоусобицы. Старшій Кіевскій князь борется со своими младшими братьями, князьями другихъ городовъ, такъ называемыми *удѣльными* князьями.

При младшемъ сынѣ Святослава—Владимірѣ на нѣкоторое время воцаряется спокойствіе. Русь получаетъ святое крещеніе, дружина Владимірова, воспѣтая въ былинахъ подъ именемъ богатырей, воюетъ съ половцами и другими сосѣдними племенами. Самъ Владиміръ идетъ въ Крымъ воевать съ греками, но вмѣсто войны заключаетъ въ 988 году тѣснѣйшій договоръ съ византійскими Императорами Василіемъ и Константиномъ и женится на ихъ сестрѣ Аннѣ.

Съ пѣніемъ гимновъ и молитвъ свергаютъ въ Кіевѣ идоловъ, въ водахъ рѣки Днѣпра идетъ крещеніе Руси и наступаетъ золотое счастливое царствованіе Владиміра—Краснаго Солнышка, причисленнаго церковью къ лику святыхъ. Старая Русь достигаетъ въ это время наибольшаго могущества. Дружбы съ нею ищутъ всѣ сосѣди. Русскіе князья считаются завидными женихами у сосѣднихъ королей. Такъ дочь шведскаго короля была выдана замужъ за русскаго великаго князя, русская княжна была замужемъ за королемъ польскимъ, а польская королевна выдана замужъ за русскаго князя. Наконецъ, русская княжна была замужемъ за могущественнымъ тогда норвежскимъ королемъ. Французскій и венгерскій короли поженились на русскихъ княжнахъ.

Полудикое, языческое племя славянъ, мало кому извѣстное, о которомъ съ презрѣніемъ, какъ о какомъ-то грязномъ, нечистоплотномъ народѣ, упоминаютъ греческіе лѣтописцы—черезъ сто лѣтъ достигаетъ такого рѣдкаго блеска и могущества. Но эти сто лѣтъ русскіе проводятъ въ непрерывныхъ походахъ и войнахъ. *Войнѣ, своимъ храбрымъ дружинамъ обязаны русскіе этою славой, этимъ могуществомъ и блескомъ. Передъ русскими стягами преклонились сосѣдніе народы и имя русскихъ стало высоко и славно!*

Но вмѣстѣ съ богатствомъ, добытымъ войною, вмѣстѣ со славою, приведшею въ стѣны Кіевскія иностранныхъ королевенъ—вошло и пагубное нежеланіе воевать, боязнь смерти, любовь къ роскоши. Святославъ носилъ бѣлую рубаху, отличавшуюся только чистотою своею отъ рубахъ дружинниковъ; съ его бритой, непокрытой головы свѣшивался лишь пучекъ волосъ, а дальнѣйшіе князья одѣлись въ парчу и бархатъ и золотомъ покрыли свои одежды. Тѣ русскіе, которые ковали славу Руси, тратили деньги лишь на оружіе и любили войну,—эти искали шолка и нѣги, строили пышныя палаты и любили пиры.

Еще при Владимірѣ, прославившемъ себя походами, и первыхъ его сыновьяхъ Русь держалась. Она была *единая, съ единымъ княземъ, она была одна—Святая Русь.* Сынъ его Ярославъ сумѣлъ удачными походами поддержать могущество Руси, но, *со смертью его, въ 1054 году*—началось тяжелое для Руси время. Ярославъ еще при жизни своей роздалъ русскіе города въ управленіе сыновьямъ своимъ. Со смертью его Русь раздробилась. Не стало единой державы, *не стало*

согласія—не стало и силы, и слава ея понемногу померкла. Князья обижали и враждовали другъ съ другомъ и ходили войною одинъ на другого по самымъ пустяшнымъ предлогамъ. Изъ-за какого-нибудь ожерелья, неправильно доставшагося по наслѣдству, изъ-за неласковаго слова, изъ-за того, что за обѣдомъ посадили не на то мѣсто, на которое слѣдовало,—собирались дружины, брали воиновъ и шли походомъ братъ на брата. Чтобы стать сильнѣе одинъ другого, они призывали въ наемъ варяговъ и вводили участниками въ свои ссоры чужихъ людей.

И за счетъ этихъ междоусобій усилились тѣ самые сосѣди, которымъ такъ недавно русскіе были грозою. Тамъ, гдѣ живутъ теперь донскіе казаки, обитали *половцы*. Притихшіе въ грозное время Святослава, боявшіеся русскихъ во времена Владиміра и Ярослава—они стали смѣлѣе во времена княжескихъ междоусобицъ. Все чаще и чаще появлялись ихъ конныя полчища подъ стѣнами русскихъ городовъ, пылали огни пожаровъ и по нивамъ русскихъ землепашцевъ топтались половецкіе кони.

Тяжело жилось хлѣбопашцу. Онъ не зналъ никогда, соберетъ онъ свой хлѣбъ въ житницу, или этотъ хлѣбъ потопчутъ враги, а самого его и семью уведутъ въ рабство. Не было храброй дружины, не было хорошаго войска, Русь была не единая—не было и безопасности. Сила Руси была въ единствѣ, въ одномъ князѣ, а не во многихъ.

Только внуку Ярослава — Владиміру Всеволодовичу Мономаху удалось на короткое время собрать Русь, соединить ее въ одно цѣлое, устроить дружину и нанести жестокія пораженія половцамъ, очистить отъ нихъ русскую землю.

14. Походы Владиміра Мономаха.

Владиміръ Мономахъ былъ удивительный князь. Кровь предпріимчиваго Святослава текла въ немъ. Въ юности прославился онъ охотами. Не любилъ онъ пышныхъ дворцовъ, не любилъ пировъ съ дружиною, но манило его поле и лѣсъ и больше всего занимался онъ охотою. Дикій вепрь не разъ опрокидывалъ его коня, лось топталъ его ногами, медвѣдь пытался задрать, но Владиміръ оставался живъ. Спасала его живительная вѣра въ Господа Бога и короткая молитва—«*Господи помилуй*»,—которую онъ повторялъ во всѣ тяжелые случаи своей жизни. Въ охотѣ за звѣремъ закалилось его тѣло, стали крѣпкими руки и ноги, острымъ взглядъ и сталъ онъ отличнымъ и смѣлымъ воиномъ.

Половчанинъ.

Въ тѣ времена рукопашныхъ схватокъ и князь, и воевода, и простой ратникъ должны были одинаково быть искусными во владѣніи оружіемъ, быть сильными и мужественными. Вѣдь бой всякій разъ обращался въ общую схватку, гдѣ всѣ перемѣшивались, гдѣ дрались, топчась на мѣстѣ...

Владиміръ еще не занялъ Кіевскаго престола, а былъ простымъ удѣльнымъ княземъ, младшимъ, когда уже прославилъ свое имя военными походами.

Въ 1095 и 1096 годахъ половцы произвели два опустошительныхъ набѣга на Русь, дошли до самаго Кіева, вытоптали поля, сожгли деревни, уничтожили города и увели десятки тысячъ семействъ въ рабство. Стонъ и плачъ стояли надъ Русью. Солнце померкло отъ пожарныхъ дымовъ. Лишившіеся избъ, хлѣба, разбѣжавшіеся по лѣсамъ поселяне умирали съ голода. Страшно было на землѣ, не защищенной войскомъ...

30-го августа 1100 года всѣ русскіе князья съѣхались въ г. Витичевъ и поклялись другъ другу не нападать одинъ на другого, но жить въ мирѣ и согласіи и готовить свои дружины для обороны себя отъ половецкихъ набѣговъ.

Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ, пріѣхавъ въ Кіевъ къ своему старшему брату Святополку, настойчиво убѣждалъ его самому напасть на половцевъ, такъ какъ нападеніе, по его мнѣнію, было лучшей защитой.

Но въ богатомъ Кіевѣ дружина была избалованная. Она не охотилась со своимъ княземъ недѣлями, какъ то дѣлали дружинники Мономаха, привыкла сидѣть по избамъ, да пировать. У ней сейчасъ же нашлась отговорка.

—Не хорошо нынѣ весною идти въ походъ,—говорили кіевскіе дружинники, забывшіе завѣты Святослава,—мы поморимъ лошадей, а крестьяне, которыхъ мы возьмемъ съ собою, не запашутъ пашенъ и не соберутъ хлѣба...

Тогда Владиміръ уговорилъ князей съѣхаться на совѣтъ на берегу Долобскаго озера близъ Кіева. Здѣсь раскинули великокняжескій шатеръ и сюда собрались всѣ братья Владиміра, удѣльные князья. Предсѣдательствовалъ старшій братъ, великій князь кіевскій Святополкъ.

— Братъ,—сказалъ Владиміръ Святополку,—ты старшій, скажи же, какъ намъ охранить Русскую землю?

— Лучше ты начни,—отвѣчалъ Святополкъ.

— Какъ же мнѣ говорить,—возразилъ Владиміръ.—Противъ меня и моя, и твоя дружина скажутъ, что я хочу погубить поселянъ и ихъ пашни. Но вотъ что удивительно: какъ вы не подумаете о томъ, что станетъ пахать поселянинъ весною на своей лошади, когда пріѣдетъ половчанинъ, убьетъ стрѣлою поселянина и возьметъ себѣ его лошадь, жену и дѣтей, а гумно его сожжетъ?

Гробовая тишина воцарилась послѣ этихъ правдивыхъ и честныхъ словъ смѣлаго князя.

— Я готовъ идти съ тобою, братъ!—тихо, но рѣшительно проговорилъ Кіевскій князь Святополкъ.

— Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты русской землѣ,—сказалъ Владиміръ, и князья поцѣловались.

Послѣ этого княжескія дружины собрались вмѣстѣ и подъ общимъ начальствомъ Владиміра Мономаха выступили на половцевъ. Пѣхота пошла по Днѣпру на лодкахъ, конница шла берегомъ. Пройдя пороги у Хортицкаго острова, пѣхота вышла на берегъ и пошла берегомъ, и на четвертый день пѣхота достигла половецкихъ кочевьевъ.

Половцы выслали передовой отрядъ подъ начальствомъ Алтунопа. Русскій передовой отрядъ стремительно налетѣлъ на него и въ завязавшемся бою Алтунопа былъ убитъ, а половцы разсѣяны. 4-го апрѣля 1103 года русскіе атаковали глав-

ныя силы половцевъ. Плотно составивъ щиты въ сплошную линію, выставивъ копья впередъ, ринулись наши дружины на половецкія войска. И дрогнули половцы. Дрогнули и побѣжали. Это опять былъ бой богатырей. Вспоминались подвиги Ильи Муромца при этихъ тяжеловѣсныхъ ударахъ палицами и мечами. До 20-ти половецкихъ хановъ было убито, одинъ ханъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Онъ предлагалъ большой выкупъ серебромъ и золотомъ, конями и разнымъ богатствомъ. Но Владиміръ не былъ изъ тѣхъ, которыхъ можно купить за деньги. Онъ помнилъ, какъ поступилъ Илья Муромецъ, когда жена Соловья разбойника предлагала ему выкупъ—и не взялъ богатствъ. Спокойствіе родины, Руси святой, было ему дороже денегъ и богатства.

— Сколько разъ, — сказалъ Владиміръ, — вы клялись не воевать Русской земли? Почему не удерживали своихъ сыновей и родичей, чтобы они не нарушали клятвы и не проливали христіанской крови?

И Владиміръ приказалъ разрубить плѣннаго хана на части.

Половецкія земли были разорены, громадная добыча плѣнниками, конями и скотомъ попала въ руки русскихъ войскъ.

Но этотъ погромъ не прекратилъ набѣговъ половецкихъ. Въ 1106 и 1107 годахъ старый ханъ Шураганъ и Бонякъ разорили пограничныя области. Опять дымъ пожарищъ застилалъ яркое солнце, опять кровь покрывала потоптанныя нивы, опять страдала русская земля и тяжело было поселянамъ.

Въ 1111 году Владиміръ Мономахъ снова убѣдилъ князей собраться вмѣстѣ и идти на половцевъ, идти до самыхъ ихъ становищъ, идти въ Донскія степи.

Выступили въ февралѣ и до Хороля шли зимнимъ путемъ, на саняхъ. 6 марта бросили сани и 19-го подошли къ Дону. Отсюда уже видѣлись становища половецкія. Дружина одѣла броню, собралась подъ стяги, и, имѣя, по приказу набожнаго Владиміра Мономаха, впереди священниковъ, тронулась плотнымъ строемъ противъ хана Шурагана. Но старый ханъ не принялъ боя. У воротъ его городка русскія дружины были встрѣчены дарами, а коленопреклоненные половцы изъявляли свою покорность. Слѣдующее становище хана Сугра было сожжено и разграблено.

27-го марта, въ страстной понедѣльникъ, несмѣтныя силы конныхъ и пѣшихъ половцевъ окружили на берегахъ рѣки Сала русскія дружины. Начался страшный бой. Русскіе изнемогали въ неносильной борьбѣ. Но въ самую рѣшительную минуту дружина Владиміра Мономаха, предводительствуемая своимъ княземъ, двинулась впередъ. Закаленные въ охотахъ и бояхъ воины, ловкіе и смѣлые, живо проложили улицу въ половецкихъ рядахъ и пошли крошить ихъ... Половцы бѣжали.

Это была великая побѣда. Послѣ нея надолго замолкли набѣги половцевъ, и когда въ 1113 году Владиміръ занялъ Кіевскій престолъ, онъ принялъ спокойное государство, благоденствующихъ подданныхъ. Онъ расширилъ укрѣпленія Новгорода, обнесъ городъ Ладогу каменными стѣнами, построилъ новый городъ Владиміръ на р. Клязьмѣ и устроилъ мостъ на плотахъ черезъ Днѣпръ у Кіева.

Владиміръ Мономахъ оставилъ послѣ себя интересныя записки и очень интересное «Поученіе»

Въ запискахъ своихъ онъ пишетъ:—«всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ не упомню; съ половцами заключалъ миръ 19 разъ; до сотни князей ихъ отпустилъ на свободу, а болѣе двухсотъ изрубилъ и потопилъ»...

Это былъ боевой князь. И войною держалась при немъ Русь въ славѣ и почетѣ...

Но умеръ онъ и опять начались раздоры мелкихъ удѣльныхъ князей, и опять затрепетала Русь подъ ударами враговъ, и сталъ бѣднѣть и падать Кіевъ, лишившійся мудраго князя, забывшій, что только войною, только хорошимъ войскомъ покупается миръ и счастье народа.

И въ это время на мѣсто Кіева началъ выдвигаться новый, невидный до тѣхъ поры городъ—Суздаль.

Дружинникъ.

Монголы.
Съ картины В. В. Верещагина [1]).

III.

РАСПАДЕНІЕ РУСИ НА УДѢЛЫ. ТАТАРСКОЕ ИГО.

15. Суздальское великое княжество.

Къ востоку отъ теперешней Москвы и къ сѣверу отъ Владиміра на Клязьмѣ лежитъ небольшой городъ *Суздаль* [2]). Семьсотъ лѣтъ тому назадъ, благодаря рѣшительности и удачнымъ походамъ своихъ князей, Суздаль становится сильнымъ и могущественнымъ. Одинъ изъ Суздальскихъ князей—Юрій Долгорукій добился Кіевскаго престола и, оставаясь княземъ Суздальскимъ, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ княземъ. Сынъ Юрія — Андрей Боголюбскій широко раздвинулъ границы Суздальскаго княжества, а при его дѣтяхъ Суздалю уже были подвластны Рязань, Новгородъ, Ростовъ и Кіевъ. Въ предѣлахъ-же Суздальской земли въ 1147 году Юрій Долгорукій на мѣстѣ небольшого имѣнія боярина Кучки заложилъ деревянный городъ на холмахъ лѣваго берега рѣки Москвы, который назвалъ *Москвою*. Въ тѣ далекія времена никто не подозрѣвалъ, что этому небольшому поселку суждено стать сердцемъ всей Россіи, затмить славу Кіева, затмить и Суздаль, и Новгородъ и всѣ другіе города.

Во время княженія Суздальскихъ князей — на Руси впервые услыхали о татарахъ. Суздальскій великій князь Юрій II посылалъ свое войско на помощь южнымъ русскимъ князьямъ Галицкимъ, Кіевскимъ, Смоленскимъ и Козельскимъ. Дружины его боролись съ татарами, были разбиты и принесли въ Суздаль страш-

---

[1]) В. В. Верещагинъ—знаменитый русскій художникъ. Вмѣстѣ съ генераломъ М. Д. Скобелевымъ В. В. Верещагинъ участвовалъ въ Русско-Турецкой войнѣ 1877 — 78 года и имѣетъ знакъ отличія военнаго ордена, потомъ онъ былъ въ походѣ на Геокъ-Тепе, а въ послѣднюю Русско-Японскую войну онъ отправился съ Адмираломъ Макаровымъ и погибъ вмѣстѣ съ нимъ при взрывѣ броненосца «Петр павловскъ» 30 марта 1904 года. Онъ написалъ много отличныхъ картинъ изъ жизни нашихъ солдатъ въ войну съ Турками 1877—78 годовъ, много видовъ Туркестана и картинъ его завоеванія и картины войны съ французами въ 1812 году. Лучшія его произведенія находятся въ Петербургѣ въ Музеѣ Императора Александра III.

[2]) См. карту на стр. 49.

4.

РУСЬ
въ удѣльное время
1054 – 1240.

—— Походы Татаръ 1224-1241 гг.

Масштабъ 320 верстъ въ дюймѣ.

Ледовитое море
Бѣлое море
Варяжское море
Чудское оз.
Ладожское оз.
Онежское оз.
Ильмень оз.
Бѣлое оз.
Плещеево оз.
Клязьма
Ока
Волга
Дон
Днѣпръ
Днѣстръ
Западная Двина
Висла
Одра
Прутъ
Серетъ
Буг
Припетъ
Сѣверскій Донецъ
Кубань
Каспійское море
Черное море
Азовское море
Понтъ
Дунай
Венгрія
Польша
Литва
Пруссія
Болгарія
Море Русское
Море Хвалисское
Татары
Половцы
Черемиса
Мордва
Болгары
Вятская Область
Камское
Колывань
Юрьевъ
Рига
Полоцкая
Смоленская
Суздальская
Владимирская
Муромская
Рязанская
Черниговская
Новгородъ Сѣверскій
Переяславская
Кіевская
Галицкая
Волынская
Краковъ
Владиміръ
Москва
Ярославль
Ростовъ
Суздаль
Переяславль
Новгородъ
Смоленскъ
Полоцкъ
Витебскъ
Изяславль
Кіевъ
Туровъ
Брестъ
Берестье
Городно
Минскъ
Пинскъ
Рязань
Муромъ
Пронскъ
Новый Городъ
Нижній Новгородъ
Городецъ
Тверь
Торжокъ
Волокъ
Ржева
Вышній Волочекъ
Ладога
Орѣшекъ
Выборгъ
Ямь
Корела
Ижора
Чудь
Ливонія
Ливонскіе Рыцари
Ордена
Тевтонскаго Ордена
Владимірскаго Ордена
Ливонскаго Ордена
Ятвяги
Литва
Поляне
Сѣверяне
Радимичи
Вятичи
Дреговичи
Кривичи
Новгородцы
Чудь
Ливы
Латыгалы
Эсты
Ямь
Корела
Ижора
Половцы
Татары
Черемиса
Мордва
Болгары
Вятская Область
Камское
Колывань
Юрьевъ
Рига
Полоцкая
Смоленская
Суздальская
Владимирская
Муромская
Рязанская
Черниговская
Новгородъ Сѣверскій
Переяславская
Кіевская
Галицкая
Волынская
Краковъ
Владиміръ
Москва
Ярославль
Ростовъ
Суздаль
Переяславль
Новгородъ
Смоленскъ
Полоцкъ
Витебскъ
Изяславль
Кіевъ
Туровъ
Брестъ
Берестье
Городно
Минскъ
Пинскъ
Рязань
Муромъ
Пронскъ
Новый Городъ
Нижній Новгородъ
Городецъ
Тверь
Торжокъ
Волокъ
Ржева
Вышній Волочекъ
Ладога
Орѣшекъ
Выборгъ
Ямь
Корела
Ижора
Чудь
Ливонія
Ливонскіе Рыцари
Ордена
Тевтонскаго Ордена
Владимірскаго Ордена
Ливонскаго Ордена
Ятвяги
Литва
Поляне
Сѣверяне
Радимичи
Вятичи
Дреговичи
Кривичи
Новгородцы
Чудь
Ливы
Латыгалы
Эсты

ную вѣсть о новомъ, непобѣдимомъ врагѣ—мусульманской вѣры—татарахъ. Дружинники были такъ напуганы татарами, такъ много потерпѣли отъ рѣшительныхъ налетовъ татарскихъ полковъ, что говорили, что защищаться противъ нихъ невозможно, что татары непобѣдимы, люты и жестоки, что татары «злы». И сострахомъ ожидали на Суздалѣ нашествія татарскаго, но татары, разорившіе югъ Россіи, остановились въ Донскихъ, Уральскихъ и Кубанскихъ степяхъ и не шли пока на сѣверъ Руси.

Кто же такое были татары и откуда они взялись? О татарахъ того времени, о ихъ военномъ устройствѣ до насъ дошли прекрасныя описанія арабскихъ ученыхъ историковъ Рашидъ Эддина и Ибнъ-Фадлаллахъ Эламари. Изъ этихъ описаній мы можемъ подробно, точно и вѣрно узнать, кто были первыми серьезными врагами европейскихъ народовъ — первою «желтою опасностью», о которой узнали наши предки семьсотъ лѣтъ тому назадъ и съ которой и намъ, ихъ праправнукамъ, въ лицѣ японцевъ и китайцевъ, пришлось и придетсясчитаться, напрягая всѣ силы народныя, напрягая все свое мужество, чтобы насъ не постигла печальная участь предковъ нашихъ, остановившая ростъ могущества Руси на двѣсти слишкомъ лѣтъ.

16. Татары. Ихъ военное устройство во времена Чингисъ-хана.

Впервые о татарахъ на Руси услыхали въ 1222 году, когда къ князю Галицкому Мстиславу Мстиславовичу Удалому прибѣжалъ его тесть—половецкій ханъ Котянъ, прося помощи отъ монголовъ—татаръ.

Родина монголовъ—тѣ обширныя степи, которыя и теперь называются *Монголіей* и тянутся на западъ отъ Китайской Восточной желѣзной дороги, отъ городовъ Хайлара и Харбина [1]). Здѣсь, въ травяныхъ степяхъ и громадной пустынѣ, называемой Гоби, а также въ пынѣшней Забайкальской области и по Амуру, съ незапамятныхъ временъ, занимаясь скотоводствомъ, кочевали монголы. Племена ихъ дѣлились на *юрты, улусы,* или *орды,* управлявшіеся выборными *ханами,* избираемыми старшинами, или *нойонами,* на общемъ собраніи, называемомъ *курилтаемъ.*

Въ 1160 году у одного изъ хановъ Есукай-Багадура родился сынъ *Темуджинъ.* Онъ родился съ кускомъ запекшейся крови въ кулакѣ и суевѣрные монголы предсказали ему всемірную славу и владычество надъ всею землею. Молодой Темуджинъ, рано лишившійся отца, зналъ объ этомъ предсказаніи, вѣрилъ въ него и эта увѣренность давала ему силу на борьбу, дѣлала его настойчивымъ и сильнымъ. Высокаго роста, съ высокимъ лбомъ и длинною бородою, Темуджинъ рѣзко отличался отъ своихъ одноплеменниковъ, которые всѣ были небольшого роста, имѣли приплюснутые носы, косые глаза и жидкія бороды. Умъ его былъ ясенъ, воля у него была желѣзная, хитростью и щедростью подарковъ онъ умѣлъ купить себѣ союзниковъ.

До 43 лѣтъ Темуджинъ остается незначительнымъ ханомъ. Наконецъ, въ 1203 году народное собраніе—большой курилтай, собравшійся на берегахъ рѣки Керлона избираетъ его верховнымъ ханомъ девяти монгольскихъ племенъ. Темуджинъ принимаетъ это избраніе и называетъ себя съ этого времени *Чингисъ-ханомъ.*

---

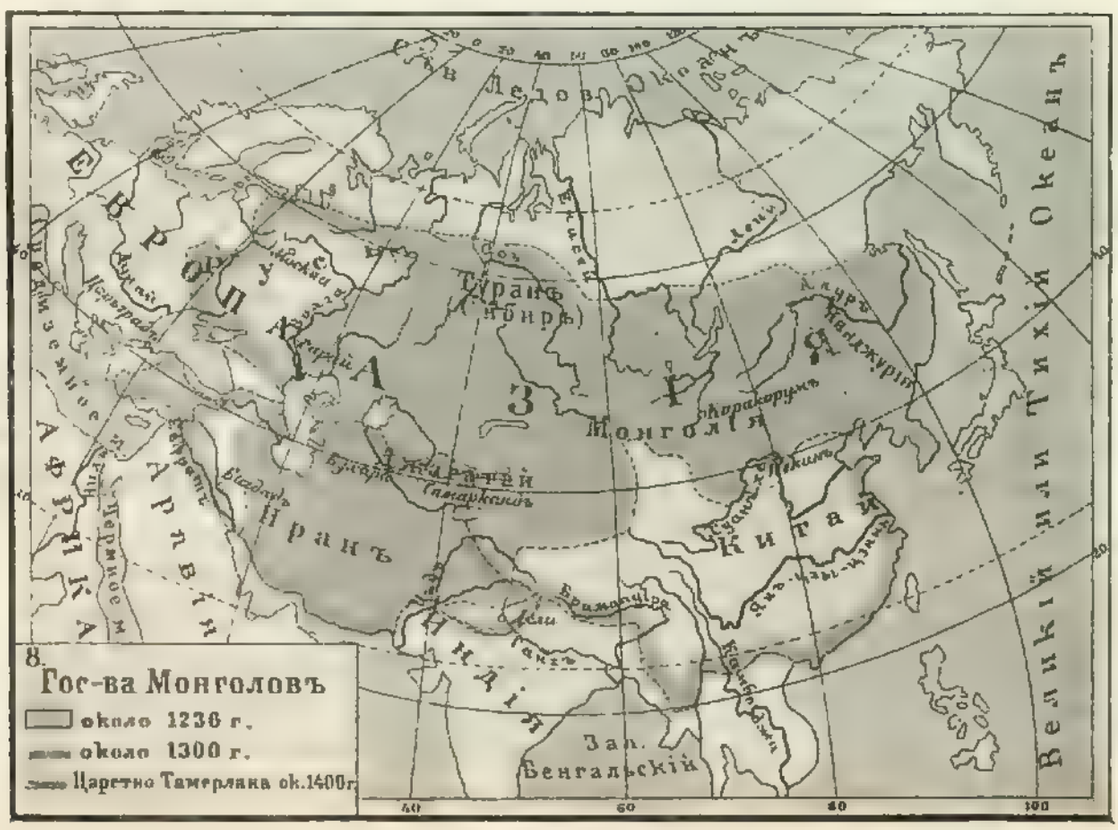
[1]) См. карту.

Всѣ думы, весь умъ Чингизъ-хана направлены были къ тому, чтобы составить себѣ отличное войско и съ нимъ завоевать весь міръ.

Основаніемъ воинской силы Чингизъ-ханъ считаетъ воинское послушаніе, или дисциплину.

Едва Чингизъ-ханъ былъ избранъ, какъ сосѣднее монголамъ племя двинулось на него войною. Чингизъ-ханъ собралъ всѣхъ вѣрныхъ монголовъ, построилъ ихъ въ видѣ кольца, окружилъ враговъ этимъ кольцомъ и захватилъ въ плѣнъ 70 старшинъ. Послѣ побѣды татары Чингизъ-хана, по его приказанію, поставили 70 большихъ котловъ на полѣ битвы, налили ихъ водою и сварили живьемъ всѣхъ семьдесятъ старшинъ.

Чингизъ-ханъ написалъ для своего народа военные законы, носившіе названіе *Яса*. По этимъ законамъ войска набирались, смотря по надобности, по одному, по два человѣка съ каждаго десятка населенія. Кромѣ того, въ войска принимались и добровольцы. Десятки собирались въ сотни, сотни въ тысячи, тысячи въ десятки тысячъ. Въ каждомъ десяткѣ, въ каждой сотнѣ и такъ далѣе былъ свой начальникъ. Десять тысячъ называлось *туманомъ* и командовалъ имъ *темникъ* [1]).



Дисциплина была строга до жестокости. Если изъ десятка кто либо бѣжитъ, то весь десятокъ казнили смертною казнью; если за храбрыми людьми десятка не послѣдуютъ въ бою другіе, то этихъ несмѣлыхъ немедленно убивали. Если нѣкоторые изъ десятка попадутъ въ плѣнъ, а другіе ихъ не выручатъ, то этихъ казнили смертью. За воровство и за непослушаніе били палками по спинѣ и по животу;

---

[1]) Наше русское слово *туманъ* произошло отъ этого татарскаго туманъ—десять тысячъ воиновъ. Эти полчища монголовъ надвигались на Русь именно, какъ туманъ въ сырую погоду. Точно также и тьма-темень—произошло отъ татарскаго-же—темникъ.

трусовъ наряжали въ женское платье, румянили и, привязавъ къ хвосту осла, водили на показъ народу.'

Каждый воинъ снабжался продовольствіемъ и всѣмъ, необходимымъ для похода: отъ того десятка населенія, который его поставилъ. Поэтому за войскомъ Чингизъ-хана тянулись громадныя стада барановъ, быковъ и табуны лошадей. Въ походъ всегда брали палатки и по два кожаныхъ мѣшка «*турсука*» одинъ съ водою, другой съ такъ называемой «*крутою*»—сушенымъ кислымъ сыромъ, которымъ вмѣстѣ съ сушенымъ, или вяленымъ мясомъ, питались татары. Они рѣдко ѣли свѣжую конину, сберегая лошадей для похода. Они убивали въ пищу только больныхъ лошадей, а также ѣли павшихъ. Кромѣ того, они ѣли волковъ и собакъ, а также не брезговали и человѣческимъ мясомъ плѣнныхъ. Когда было топливо—мясо жарили, когда не было—жарили его на конскомъ навозѣ, или, нарѣзавъ тонкими ломтями, клали подъ потники сѣделъ и провяливали его въ конскомъ поту.

Главное оружіе татаръ было лукъ и стрѣлы, причемъ каждый воинъ долженъ былъ имѣть два, или три лука и столько же колчановъ, наполненныхъ стрѣлами. Стрѣлы были фута два длиною и имѣли желѣзные очень острые наконечники, отточенные въ формѣ копій. Для отточки стрѣлъ каждый татаринъ имѣлъ особую пилку. Кромѣ луковъ и стрѣлъ, татары имѣли топоры, пики съ крючьями для стаскиванія непріятеля съ лошадей и сабли, очень кривыя и острыя.

Люди и лошади имѣли, кромѣ того, кожаную, обшитую желѣзными полосками, броню.

Родившіеся въ степяхъ, богатыхъ лошадьми, татары съ малыхъ лѣтъ пріучались ѣздить верхомъ. Ихъ лошади, маленькія, но крѣпкія, выносливыя, неприхотливыя на кормъ, очень ловкія и отлично пріученныя къ бою, легкія и сильныя, дѣлали то, что татары быстро передвигались съ мѣста на мѣсто, совершая походы на громадныя пространства. Они свободно переплывали широкія рѣки и ничто не могло остановить ихъ при движеніи впередъ.

Ихъ конница дѣлилась на тяжелую и легкую. Легкая начинала бой стрѣльбой изъ луковъ, когда-же дѣло доходило до страшнаго рукопашнаго боя, то выдвигалась конница тяжелая, одѣтая въ кожаные и металлическіе доспѣхи. Пѣшее войско составляли наемники, союзники, или плѣнные, которыхъ татары употребляли для земляныхъ работъ при осадѣ городовъ. Плѣнные рыли рвы, насыпали валы, плѣнные строили бревенчатыя штурмовыя башни на каткахъ.

Татары никогда не оборонялись—они только наступали. Передъ наступленіемъ на какую-либо страну, они наполняли ее развѣдчиками. Эти развѣдчики, подъ видомъ пословъ, пріѣзжавшихъ съ подарками отъ Чингизъ-хана, подъ видомъ купцовъ, или просто разбойниковъ, появлялись въ странѣ, собирали свѣдѣнія о дорогахъ, подробно обо всемъ узнавали и доносили Чингисъ-хану [1]).

Вторженіе въ непріятельскую страну производилось обыкновенно нѣсколькими отдѣльными отрядами и съ разныхъ сторонъ. Для охраненія и наблюденія за противникомъ высылались впередъ авангарды, на флангн—боковые отряды и сзади шли арьергарды. Все это составляло своего рода *облаву,* которая быстро охваты-

[1]) Не такъ ли поступали и японцы? Они наводнили нашъ Дальній Востокъ передъ войною эглядатаями. Ихъ офицеры, переодѣтые портными, прачками, фотографами, жили въ Портъ-Артурѣ, во Владивостокѣ и по всей Маньчжуріи, подробно развѣдывая о нашихъ силахъ, о настроеніи нашихъ войскъ и обо всемъ донося въ Японію.

вала завоевываемую страну со всѣхъ сторонъ. Все предавалось огню и мечу. Населеніе объято было ужасомъ, смертельнымъ страхомъ, непокорные подвергались мучительнымъ казнямъ, города сжигались, поля вытаптывались. Тамъ, гдѣ проходилъ татарскій конь, трава не росла.

Въ сраженіи татары выдвигали впередъ сторожевой отрядъ, называвшійся *карауломъ*, за нимъ слѣдовалъ передовой отрядъ, называвшійся *манглай*, потомъ шли главныя силы, состоявшія изъ трехъ частей: праваго крыла — *барунгара*, лѣваго крыла—*джунгара* и середины—*кула*.

Бой начинали метаніемъ стрѣлъ. Не слѣзая съ коней, они подскакивали къ своему врагу, пускали тучи стрѣлъ, со свистомъ пронзавшихъ доспѣхи и наносившихъ тяжелыя раны, потомъ притворнымъ отступленіемъ въ разныя стороны татары старались раздѣлить силы противника, чтобы бить ихъ по частямъ.

Высшіе начальники располагались въ сторонѣ и съ высокихъ холмовъ наблюдали за боемъ, отдавая приказанія.

Походы татары начинали осенью, тогда, когда лошади были въ хорошихъ тѣлахъ и полны силъ, а лѣтомъ они становились на отдыхъ, пуская коней на траву.

Про татаръ тогдашніе историки писали, что они «имѣли мужество львиное, терпѣнье собачье, предусмотрительность журавлиную, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волчью, боевой жаръ пѣтуха, попечительность о своихъ ближнихъ курицы, чуткость кошки и при нападеніи буйность вепря».

Въ открытомъ бою отчаянными налетами своей конницы татары легко сбивали съ мѣста любыя войска. Труднѣе давались имъ осады городовъ. Но и тутъ они начинали свои дѣйствія съ того, что старались лишить города всякой возможности добывать себѣ пропитаніе. Они окружали городъ валомъ со рвами, а если былъ лѣсъ, то и тыномъ, и отрѣзывали городу сообщеніе съ окрестностями. Потомъ днемъ и ночью производили они нападенія на защитниковъ города, стараясь утомить ихъ. Затѣмъ придвигали стѣнобитныя и камнеметныя машины, бросали въ городъ огонь, лили кипящее масло на защитниковъ, дѣлали подкопы подъ стѣны и готовились къ приступу день и ночь. Приступъ велся съ отчаяшною жестокостью.

Таково было войско, съ которымъ Чингизъ-ханъ двинулся покорять себѣ міръ.

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ Чингизъ-ханъ овладѣлъ всею Среднею Азіей, разгромилъ Китайскую имперію и взялъ Пекинъ. Онъ дошелъ до Каспійскаго и Аральскаго морей, занялъ земли теперешняго Туркестана, Бухары и Хивы, захватилъ большую часть нынѣшней Персіи.

Его полководцы *Джебе* и *Субудай*, воевавшіе въ нынѣшнемъ Закавказьи въ 1222 году, разбили грузинское войско, разграбили Шемаху, взяли Дербентъ и двинулись черезъ Кавказскія горы въ земли половецкія.

Испуганные половецкіе князья *Котянъ* и *Бастый*, православные по вѣрѣ, а Котянъ, женатый, кромѣ того, на русской княжнѣ, дочери Мстислава Галицкаго, поѣхали на Русь, прося у русскихъ защиты отъ новаго и страшнаго врага.

17. Первое нашествіе татаръ. Битва при р. Калкѣ 31 мая 1223 года.

На Руси послѣ Владиміра Мономаха не было согласія. Хотя всѣ князья русскіе и чувствовали себя единокровными братьями, но дружбы между ними не

было. Дружины дрались не столько изъ чувства долга, по дисциплинѣ, сколько по своему желанію. Постоянныя междоусобныя войны развратили ихъ. Зависть была между князьями. Каждый хотѣлъ отличиться впереди другихъ, занять высшее мѣсто, заслужить большую любовь народную, стать старшимъ, великимъ княземъ.

Когда половецкіе князья явились къ Мстиславу Мстиславовичу, прозванному Удалымъ, умолять о помощи отъ татаръ, Мстиславъ пригласилъ своихъ родственниковъ собраться въ Кіевъ, чтобы обсудить положеніе дѣлъ. На съѣздъ собрались Мстиславъ Удалой, князь Галицкій [1]), Мстиславъ—Кіевскій, Мстиславъ, князь Козельскій, Владиміръ, князь Смолепскій, Мстиславъ князь Пересопницкій, Даніилъ Волынскій, Олегъ Курскій, Михаилъ Черниговскій и многіе другіе.

Половецкіе князья задаривали ихъ подарками, лошадьми и скотомъ, увѣщевая идти противъ общей опасности.

Душою этого съѣзда былъ Мстиславъ Удалой.

— «Если мы»,—говорилъ онъ,—не поможемъ половцамъ, то они, пожалуй, передадутся на сторону татаръ, и у тѣхъ будетъ еще больше силы противъ насъ. Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей».

— «Если не поможете намъ», — говорили половцы,— «то сегодня изобьютъ насъ, а завтра васъ».

Князья согласились двинуться вмѣстѣ противъ татаръ и къ веснѣ 1223 года они закончили приготовленія къ походу.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ стотысячная рать стала собираться у Варяжскаго острова на Днѣпрѣ по дорогѣ изъ Кіева на Переяславль. Рать эта была хорошо вооружена, но у ней не было одного общаго главнаго начальника, котораго они знали и слѣпо повиновались, и приказанія котораго свято исполняли бы. Въ ней не было порядка. Каждый изъ князей со своимъ войскомъ и своею дружиной дѣлалъ, что хотѣлъ, не считая себя обязаннымъ ни спрашивать, ни увѣдомлять кого бы то ни было.

Сюда въ многолюдный и шумный станъ русскихъ дружинъ пріѣхали послы—развѣдчики отъ татаръ.

—«Мы земли вашей не занимали»,—хитро кося глазами, говорили татары,— «городовъ и селъ вашихъ не трогали, и пришли воевать не съ вами, а съ нашими рабами—половцами. Заключимъ миръ. У насъ нѣтъ съ вами розни. Половцы же вамъ много зла творятъ. Мы будемъ бить ихъ отсюда, а если они побѣгутъ къ вамъ, то бейте ихъ отъ себя, и забирайте ихъ имущество».

Князья не послушали татаръ и казнили ихъ пословъ. На Протолочьемъ броду у устья рѣки Хортицы, впадающей въ Днѣпръ, русскія дружины соединились съ ратью Половецкою.

Молодые русскіе князья съ небольшою дружиною переправились на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы посмотрѣть на своего новаго непріятеля. Русскіе совсѣмъ не знали военной силы татаръ, такъ-же, какъ и передъ Японской войной мы мало знали о японцахъ. Татары въ ихъ кожаныхъ доспѣхахъ, на мелкихъ, косматыхъ, худыхъ послѣ зимней безкормицы лошадкахъ показались имъ ничего не стоющимъ врагомъ,

---

[1]) Галицкій князь княжилъ въ русской Галиціи. Теперь Галиція съ главнымъ городомъ Львовымъ принадлежитъ сосѣднему съ нами государству Австро-Венгріи. Жители ея говорятъ на языкѣ очень похожемъ на русскій, и сердцемъ преданы къ Россіи, съ которой они когда-то составляли одно цѣлое.

врагомъ еще болѣе презрѣннымъ, чѣмъ половцы. Съ легкимъ сердцемъ, съ увѣренностью въ дешевой побѣдѣ, вступили они въ половецкія степи. Для переправы черезъ Днѣпръ поставили они лодки во всю ширину рѣки, настлали на нихъ доски и устроили такимъ образомъ постоянный мостъ. Первымъ съ 1000 конныхъ дружинниковъ переправился Мстиславъ Удалой, напалъ на татарскій сторожевой полкъ, бывшій подъ начальствомъ Гемя-бека, лихимъ налетомъ разметалъ его, а самаго Гемя-бека взялъ въ плѣнъ. Эта удача опьянила русскихъ и они рѣшительно и весело углубились въ степи, направляясь къ Азовскому морю. Татары вездѣ передъ ними отступали, и такъ на девятый день похода наши войска дошли до рѣчки Калки.

За Калкою стояли татары. Вся степь была покрыта пестрыми шатрами и кибитками. Дымъ костровъ поднимался кверху и ржаніе тысячъ коней разносилось далеко. Ханы Джебе и Субудай получили отъ своихъ развѣдчиковъ донесеніе о томъ, что надъ княжескими дружинами нѣтъ общаго начальника, что онѣ повинуются только своимъ князьямъ, а сами князья ссорятся, и они рѣшили дать битву русскимъ.

Дни и ночи точили татары стрѣлы, готовясь къ страшному бою. Испытанные въ походахъ татарскіе солдаты, прошедшіе войною всю Азію, перешедшіе съ боемъ Кавказскія горы, отлично знали, что ихъ ожидаетъ, и покорно выслушивали приказанія своихъ начальниковъ.

Въ русскомъ же станѣ не было старшого. Каждый по своему дѣло велъ. Мстиславъ Романовичъ, князь Кіевскій, не пожелалъ переправляться черезъ рѣку Калку, а поставилъ свои войска лагеремъ, окружилъ ихъ повозками и рѣшилъ ожидать, чтобы татары на него сами напали. Мстиславъ Удалой, боясь, чтобы кто-нибудь не отнялъ у него славы побѣды надъ татарами, переправился тайно одинъ, никого не увѣдомивъ, черезъ р. Калку и пошелъ на татаръ.

И вышло съ князьями Кіевскими то же самое, что было съ богатырями на Сафатъ-рѣкѣ [1]). Поодиночкѣ, частями вступали они въ бой и гибли въ этомъ бою безъ помощи, безъ дружеской взаимной выручки.

31-го мая 1223 года, выславъ впередъ хана Яруна съ половецкими полками и князя Даніила Романовича съ волынцами, Мстиславъ Удалой съ галицкими полками пошелъ въ главныхъ силахъ.

Рядъ татарскихъ наѣздниковъ, совершенно похожій на теперешнюю казачью лаву, встрѣтилъ войска половцевъ. Татары осыпали половцевъ стрѣлами, но въ рукопашный бой не вступали. Какъ только русскіе и половецкіе воины подходили къ нимъ ближе, они отходили на рысяхъ, или вскачь назадъ, останавливались и снова пускали стрѣлы, изводя своего противника.

---

[1]) См. страницу 20.

Половцы увлеклись преслѣдованіемъ. Они ушли далеко отъ волынскихъ дружинъ, разстроили стройность своихъ рядовъ и между плотно составленными щитами ихъ сдѣлались промежутки. Тогда татарская рать внезапно обернулась и ударила въ копья и сабли на половцевъ и избила ихъ, прежде чѣмъ полки Даніила Романовича успѣли подойдти на помощь. Остатки половцевъ бросились бѣжать и привели въ смятеніе волынцевъ и галицкіе полки Мстислава Удалого. Напрасно Мстиславъ старался возстановить порядокъ и строй. Его дружины не успѣли сомкнуть щиты, какъ уже вихремъ налетѣли на нихъ татары.

Проклятія, молитвы, гортанные крики татаръ слились съ шумомъ сабель и трескомъ ломаемыхъ копій. Въ густой весенней травѣ цвѣтущей степи на лѣвомъ берегу рѣчки Калки шелъ ужасный бой, а на правомъ—полки князя Мстислава Кіевскаго ничего не знали объ этомъ. Никакой связи не было, никто не посылалъ донесеній.

И вотъ уже подъ вечеръ появились бѣгущіе, перемѣшавшіеся вмѣстѣ полки галицкіе, волынскіе и половецкіе. Мстиславъ Удалой наскоро устраивалъ ихъ на берегу рѣки и просилъ помощи у Мстислава Кіевскаго. Но Кіевскій князь не пожелалъ выйти изъ своего укрѣпленнаго стана.

Между тѣмъ татары, переправившись черезъ рѣку Калку, отрядили часть силъ преслѣдовать Мстислава Удалого, а съ остальными осадили лагерь Кіевлянъ.

Три дня и три ночи метали татары стрѣлы за ограду лагеря, три дня и три ночи бросали они каменья въ русскихъ, но кіевляне стойко держались. Тогда, на четвертый день татары послали къ Мстиславу переговорщика, предлагая уйти съ

дружиной, давши за себя выкупъ. Мстиславъ согласился. Но едва полки кіевлянъ вышли изъ лагеря, какъ татары ихъ окружили и всѣхъ перебили. Самъ Мстиславъ со своими братьями и племянниками были задушены. Тѣла ихъ татары положили въ рядъ, настелили на нихъ доски и на этомъ помостѣ пировали ханы татарскіе, празднуя побѣду.

Шесть князей погибло въ битвѣ при Калкѣ и девять десятыхъ дружинниковъ нашло мученическую кончину въ бою за родину.

Мстиславъ Удалой и Даніилъ Романовичъ—главные виновники этого пораженія, и нѣкоторые младшіе князья спаслись съ остатками дружинъ. Они пришли на Русь со страшнымъ извѣстіемъ — «татары идутъ». И въ испугѣ остановили полевыя работы поселяне, и вся жизнь стала, торговля прекратилась и только медленно и уныло звонили въ колокола, собирая молящихся. На передовыхъ заставахъ и въ сторóжахъ, на Днѣпровскихъ перекатахъ зорко и тревожно вглядывались часовые на востокъ, ожидая новаго нашествія, но татары не шли.

Джебе и Субудай преслѣдовали русскихъ до Днѣпра, а тамъ остановились и, простоявъ нѣкоторое время на его лѣвомъ берегу, вдругъ повернули назадъ и пошли по степямъ къ далекому Каспійскому морю.

Легко и свободно вздохнули на Руси. Пораженіе при Калкѣ скоро забылось. Дружины и войско не собирались для ученій, не готовились для новой упорной борьбы. А между тѣмъ врагъ надвигался и опасность стерегла русскую землю.

Четырнадцать лѣтъ на Руси ничего не было слышно про татаръ и черезъ четырнадцать лѣтъ они появились снова.

18. Второе нашествіе татаръ Батыя. Битва на рѣкѣ Сити 4-го марта 1238 года.

Чингизъ-ханъ умеръ въ 1227 году. Послѣ него остались три сына. Великимъ ханомъ, по завѣщанію отца, былъ назначенъ второй сынъ—Огодай. Семь лѣтъ, до 1234 года, Огодай былъ занятъ покореніемъ Китайской имперіи и, наконецъ, разгромивши ее, собралъ громадное войско и двинулъ его на Европу. Начальствованіе надъ этой ратью было поручено *Батыю,* а помощникомъ его былъ назначенъ Субудай-ханъ, уже дравшійся съ русскими на р. Калкѣ.

Батыева орда подвигалась медленно. За его воинами тысячи слугъ, невольниковъ и женъ гнали стада овецъ и быковъ, табуны лошадей, со скрипомъ тянулись тяжелыя арбы и медленно ступали вьючные верблюды. Какъ снѣжный комъ, сорвавшійся съ горы, все увеличивается отъ пристающаго снѣга, такъ и Батыева орда росла и ширилась отъ покоренныхъ народовъ. Въ видѣ невольниковъ, или въ видѣ воиновъ-добровольцевъ, они примыкали къ рати Батыевой и тамъ, гдѣ прошла эта громадная сила людей и животныхъ—тамъ все было выѣдено и трава не росла на гладко утоптанныхъ поляхъ.

Въ іюнѣ 1237 года монголы дошли до Волги. Здѣсь Батый остановился и, по военному обычаю татаръ, выслалъ развѣдчиковъ для разузнанія страны. Русь—донесли ему развѣдчики—покрыта густыми дремучими лѣсами. Лѣтомъ не продерешься черезъ нихъ. Въ лѣсахъ непроходимыя топи и болота—и конь, и человѣкъ потонутъ въ нихъ. Отъ сырой болотной травы на Руси сильно хвораютъ кони...

Князья русскіе не въ ладахъ живутъ между собою. Дружина плохо обучена. О войнѣ не думаютъ. Войско не собрано. Русскіе безпечны и не ждутъ врага...

Такъ обстоятельно доносили Батыю его развѣдочныя партіи. И Батый умѣло воспользовался этими донесеніями. Онъ назначилъ походъ на Русь на зиму 1237 г. Тогда лѣса лишатся листвы, тогда замерзнутъ болота. Морозовъ его рать, родившаяся и выросшая въ суровой Средней Азіи, не боялась. Ее страшили дожди да сырость русскаго лѣта больше бурановъ и мятелей наступавшей зимы.

Подойдя къ Рязанскому княжеству, Батый послалъ пословъ, требуя отъ русскихъ десятой части имѣнія. Князья отказали, и Батый вступилъ въ предѣлы Руси.

16-го декабря 1237 года татары обложили Рязань и 21-го декабря Рязань, не поддержанная сосѣдними князьями, была взята приступомъ.

Изъ Рязани Батый двинулъ свои войска правильной *облавой*, захватывая русскихъ съ обѣихъ сторонъ и смыкая ихъ желѣзнымъ воинскимъ кольцомъ. Главныя силы пошли на Коломну и Москву, правое крыло направилось на Суздаль.

Великій князь Суздальскій Юрій Всеволодовичъ самъ не пошелъ навстрѣчу татарамъ, а выслалъ своего сына Всеволода и воеводу Еремѣя Глѣбовича. Они вышли къ Коломнѣ. Здѣсь слабое войско русскихъ было разбито и татары заняли Коломну, а вслѣдъ за нею и Москву.

Побѣдители.
Съ картины В. В. Верещагина.

Узнавъ о пораженіи своего сына, Юрій Всеволодовичъ бросился набирать войска на сѣверъ, привлекъ къ себѣ князей Ростовскихъ и съ этою ратью, состоявшею почти исключительно изъ мужиковъ, никогда не державшихъ ни лука, ни стрѣлъ, сталъ на рѣкѣ *Сити*, недалеко отъ впаденія ея въ Мологу.

Между тѣмъ татары подошли къ городу Владиміру, въ которомъ заперлись сыновья Юрія — князья Всеволодъ и Мстиславъ. Пользуясь близостью лѣсовъ, татары окружили городъ тыномъ, установили кругомъ стѣнобитныя башни и начали правильную осаду города. 8-го февраля въ деревянныхъ стѣнахъ города былъ сдѣланъ проломъ и татары бросились на приступъ въ трехъ мѣстахъ: у Золотыхъ воротъ со стороны р. Лыбеди, у Мѣдныхъ и Ирининскихъ воротъ и отъ Клязьмы черезъ Волжскія ворота.

Всеволодъ и Мстиславъ съ частью жителей заперлись во внутренней крѣпости—Кремлѣ. Но татары скоро захватили и его. Остатки жителей, дѣти и женщины, молодые князья и тѣ дружинники ихъ, которые остались въ живыхъ, заперлись въ храмѣ. Но татары ворвались въ храмъ, обобрали ризы съ иконъ, а потомъ, заперши всѣхъ нашихъ въ немъ, обложили храмъ хворостомъ и сожгли живьемъ въ немъ всѣхъ жителей Владиміра и дѣтей великаго князя.

Окружая великаго князя Юрія Всеволодовича, все еще стоявшаго на р. Сити, подходили татары къ главному русскому войску. А у русскихъ не было развѣдчиковъ, и тѣ жители, которые могли бы донести великому князю о движеніи татаръ, въ испугѣ разбѣгались по лѣсамъ и прятались тамъ.

Не слыша ничего о татарахъ, великій князь Юрій послалъ 3.000 человѣкъ на развѣдку. Но было уже поздно, татары закончили свою облаву, и великому князю пришлось драться на всѣ стороны.

4-го марта 1238 года русскій станъ былъ внезапно окруженъ татарскими наѣздниками. Тучи стрѣлъ полетѣли на русскихъ. Необученные, безъ строгой дисциплины, безъ привычки безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ, русскіе воины вмѣсто того, чтобы выстраивать тѣсный боевой порядокъ, становить полки, безпорядочно метались по полю. Татары тогда ударили на нихъ и началось безпощадное избіеніе нашихъ татарами. Отъ крови христіанской потемнѣла рѣка Сити, и тѣлами покрылось поле, какъ колосьями въ жнитво.

Все русское войско полегло на полѣ бранномъ.

Татары пошли было еще дальше на сѣверъ, къ Новгороду, но остановились и повернули назадъ, на югъ, въ землю Половецкую. Ихъ испугало приближавшееся тепло. Они боялись весенней распутицы, вскрытія рѣкъ и отошли въ южныя степи, гдѣ и стали приводить въ порядокъ свое войско.

Здѣсь приказано было пересчитать уши, которыя татары отрѣзали всѣмъ убитымъ русскимъ. Оказалось двѣсти семьдесять тысячъ ушей.

19. Татарская неволя.

Черезъ 2 года, зимою 1240 года, Батый со всею своею ордою двинулся на Кіевъ.

Въ Кіевѣ слыхали о разореніи и порабощеніи Суздальскаго и другихъ сѣверныхъ русскихъ княжествъ, но дружины и войска для отпора татарамъ не готовили. Воинская доблесть Святослава и Мономаха были забыты, дружины не собирали и надѣялись на «авось», «небось», «кое-какъ» да «какъ-нибудь».

А когда снѣгъ сталъ черным отъ татарской рати, когда отъ шума голосовъ, скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней кіевляне не могли слышать другъ друга, тогда они растерялись. Князь кіевскій—Даніилъ Романовичъ Галицкій не взялъ на себя защиту стольнаго города, а передалъ его тысяцкому воеводѣ Дмитрію.

Татары быстро установили стѣнобитныя машины, и стѣны Кіева недолго выдерживали тяжелые удары громадныхъ бревенъ, которыми били по нимъ. 6-го декабря 1240 года въ нихъ образовался проломъ. Въ этотъ проломъ устремились татары. Напрасно Дмитрій, собравши свое войско, наполовину состоявшее изъ жителей, у

Десятиннаго храма Богородицы обнесъ его ночью укрѣпленіями—татары быстро разгромили укрѣпленія и уничтожили войско, сохранивъ жизнь только раненому воеводѣ Дмитрію, поразившему Батыя своею храбростью.

Теперь вся Русь лежала въ обломкахъ. На мѣстѣ городовъ и селъ торчали обгорѣлыя трубы, да валялись кучи угольевъ. Веселая пѣсня кіевлянъ умолкла. Вмѣсто русскихъ князей и ихъ намѣстниковъ стали татарскіе *баскаки*, обложившіе все населеніе большою данью и взыскивавшіе ее самымъ жестокимъ образомъ. Храмы стояли бѣдные и разграбленные, и перепуганные жители не смѣли ходить въ нихъ. Вяло и лѣниво обработывалъ землю крестьянинъ. Онъ зналъ, что большую часть урожая возьметъ себѣ татаринъ; онъ не строилъ себѣ богатой избы, не украшалъ своего дома, опасаясь, что наѣдутъ *баскаки* и отберутъ отъ него его богатство.

Бѣдно и неопрятно жили теперь русскіе поселяне. Князья о всякомъ пустякѣ должны были ѣздить къ татарамъ въ *Орду* и просить ханскаго разрѣшенія.

И такъ продолжалось двѣсти лѣтъ.

За эти двѣсти лѣтъ «татарскаго ига» вымерла русская веселая пѣсня и стала тягучей и заунывной, за эти двѣсти лѣтъ измѣнились привычки русскихъ и потомъ много прошло вѣковъ, прежде чѣмъ сбросили мы то худое, что привилось и пристало намъ за страшные два вѣка татарской неволи.

А неволя была страшная. Ничего не было у насъ своего—все было татарское. Лошади, скотъ, дома, даже жены наши по слову татарскаго баскака отбирались. Малѣйшее неповиновеніе наказывалось смертью...

Такъ въ два года, вѣрнѣе въ двѣ зимы, въ десять мѣсяцевъ неудачной войны, Русь потеряла свою независимость и погибла надолго.

Но почему же такъ неудачно сложилась война?

Главная причина нашей неудачи при отпорѣ татарамъ—это разрозненность нашихъ силъ и несогласія князей. *Когда Русь представляла изъ себя одно цѣлое*, имѣла надъ собою *одну главу*, какъ при Святославѣ и Владимірѣ Мономахѣ—она вела *побѣдныя войны* и ея трепетала такая старая и могущественная держава, какою была греческая имперія. Но распалась Русь, изъ цѣлаго могучаго Кіевскаго княжества, которому всѣ повиновались, она обратилась въ нѣсколько мелкихъ государствъ:—Галицкое, Суздальское, Черниговское, Волынское, Кіевское и другія княжества замѣнили единую святую Русь, и Русь заколебалась.

Вспоминая эти событія, невольно думаешь о тѣхъ безумцахъ, которые и въ наши дни мечтали изъ единой Россійской Имперіи создать цѣлый рядъ самостоятельныхъ государствъ—Финляндію, Польшу, Южно-русскій край, Кавказъ и другія. Такой произвольный раздѣлъ Россіи неизбѣжно привелъ бы къ слабости и покоренію ея сильными сосѣдями съ запада, и передъ новымъ нашествіемъ монголовъ—въ лицѣ китайцевъ или японцевъ—раздробленная Русь, конечно, не смогла бы устоять, какъ не устояла и удѣльная Русь передъ татарами.

Другая причина быстраго порабощенія Руси полчищами Батыя—*отсутствіе постояннаго, хорошо обученнаго войска.* Дружины кіевскихъ князей во время междоусобицъ распались, военное искусство пало, войска были въ загонѣ. Когда грянулъ громъ, когда нахлынули облавой татарскіе полки, тогда уже было поздно готовить и обучать войска. «*Всякое государство сильно только войскомъ. Ни богатства, ни обширныя земли—ничто безъ войска. Пришелъ врагъ и разорилъ*».

Такъ говорилъ и Владиміръ Мономахъ, когда увѣщевалъ князей идти на половцевъ. Умеръ онъ и забыли его слова на Руси, а разрозненныя дружины удѣльныхъ князей разбрелись, какъ цыплята безъ насѣдки и какъ цыплята гибнутъ отъ ударовъ кровожаднаго зоркаго коршуна, такъ и русскія дружины погибли отъ татаръ.

Татарская неволя, въ которой страдалъ два вѣка русскій народъ, наложила азіатскій отпечатокъ на всю нашу жизнь и на наше военное дѣло, породивъ мысль о созданіи коннаго войска.

Ради борьбы съ татарами на югѣ Руси возникло казачество. Отъ татаръ заимствовали казаки и сѣдло свое, и способъ ѣзды. У татаръ научились владѣть пикой, дѣлать *обливу* на непріятеля и создали свой особенный грозный строй—*лаву*, взявши ее тоже отъ татаръ.

20. Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ и Невская битва.

Разбитая монголами, терзаемая внутренними междоусобицами Русь, казалось, были наканунѣ своей окончательной гибели. Со всѣхъ сторонъ на нее надвигались враги и каждому она казалась легкой добычей. Тѣ самые люди, которые двѣсти лѣтъ тому назадъ, при Владимірѣ Святомъ и при Ярославѣ, искали союзовъ съ Россіей, выдавали своихъ дочерей за русскихъ князей, искали браковъ съ русскими княжнами, уже старались захватить Русь въ свои руки. Съ сѣвера на Русь надвигались шведы, владѣвшіе тогда всею Финляндіей, съ сѣверо-запада, по берегу Финскаго залива, шли нѣмцы. Они несли съ собой проповѣдь католической (польской) вѣры и старались всю Русь обратить въ подданство Римскому Папѣ.

Но, на счастье, любовь къ родинѣ не умерла въ русскихъ, на счастье, еще были живы на Руси люди, которые все русское ставили выше чужого которые не боялись войны и любили военное дѣло.

Къ числу такихъ людей принадлежалъ и княжившій въ Новгородѣ, сынъ князя Ярослава Суздальскаго—Александръ Ярославичъ.

Высокаго роста, видный собою, статный, красивый, смѣлый, рѣшительный,—Александръ Ярославичъ искалъ боя со врагомъ, а не ждалъ, когда на него нападутъ. Онъ всегда наступалъ. Не было собрано войско — онъ шелъ съ дружиною и ополченіемъ, и умѣлъ вдохновить ополченіе, умѣлъ добиться побѣды.

Въ 1240 году шведы, побуждаемые римскимъ папою, предприняли священный походъ на Русь, чтобы силою православную Русь сдѣлать католической. Едва только Нева очистилась ото льда—шведы на судахъ вошли въ нее, поднялись до рѣки Ижоры и остановились въ ея устьяхъ.

Не сталъ ожидать Александръ, когда на него нападутъ. Быстро собралъ онъ новгородское ополченіе, поставилъ во главѣ его смѣлую конную дружину, обученную добиваться побѣды верхомъ на коняхъ, и рѣшительно пошелъ на врага.

Въ воскресенье, 15-го апрѣля 1240 года, онъ неожиданно подошелъ къ р. Ижорѣ. Шведы не считали возможнымъ, чтобы русскіе такъ быстро подошли.

Охраненіе у нихъ было слабое, въ лагерѣ не были готовы къ бою. Стремительнымъ ударомъ конница Александра, предводительствуемая имъ самимъ, сбила передовые посты и ворвалась въ лагерь шведовъ.

Шведы были захвачены такъ внезапно, что не успѣли даже схватиться за оружіе. Александръ напалъ на шведскаго военачальника Биргера и ранилъ его

Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій.
(Рѣзное по дереву блюдо. Работа русскихъ крестьянъ).

въ лицо копьемъ. Новгородецъ Савва успѣлъ подрубить златоверхій шатеръ Биргера, и онъ съ шумомъ рухнулъ на землю. Это произвело окончательное смятеніе въ шведскихъ рядахъ. Шведы въ безпорядкѣ бросились къ лодкамъ, стоявшимъ на Невѣ. По перекинутымъ съ берега доскамъ они бѣжали, преслѣдуемые конною дружиной, и рубили причалы. Многіе изъ нихъ не добѣжали до лодокъ и легли подъ ударами новгородцевъ. А лихой дружинникъ Гаврила Олексиничъ вскочилъ на конѣ на доски и влетѣлъ верхомъ въ лодку, поражая шведовъ ме-

чомъ. Испуганные шведы подрубили доски, на которыхъ былъ Олескинычъ, и лихой новгородскій конникъ упалъ съ конемъ въ волны Невы. Но конь благополучно вынесъ своего хозяина на берегъ, и Олескинычъ продолжалъ битву. Это было почти семь столѣтій тому назадъ, но имя простого солдата Олескинича навѣки памятно.

Шведы ушли изъ Невы и при Александрѣ не смѣли уже нападать на русскихъ. Слухъ о побѣдѣ распространился далеко, и Александръ получилъ за нее наименованіе *Невскаго*.

Вскорѣ послѣ этой побѣды Александръ уѣхалъ изъ Новгорода. Тяжело ему было ладить съ новгородцами, любившими торговую прибыль больше войны.

И, едва онъ уѣхалъ, новый врагъ началъ надвигаться на Новгородъ...

На берегахъ Невы.

21. Появленіе нѣмцевъ, какъ враговъ Руси. Ледовое побоище.

На берегу Балтійскаго моря, тамъ, гдѣ теперь находятся наши Курляндская Лифляндская и Эстляндская губерніи съ городами Митавой, Ригою и Ревелемъ, шестьсотъ лѣтъ тому назадъ въ полудикомъ состояніи жили финскія племена, *водь* и *чудь*. Они были язычниками. Римскій папа, считающій себя пріявшимъ апостольское служеніе непосредственно отъ апостола Петра, посылалъ въ тѣ времена мужественныхъ людей силою оружія распространять вѣру Христову тамъ, гдѣ ея не знали. Такъ, много французскихъ, итальянскихъ и испанскихъ воиновъ ходило

походами на турокъ, стремясь отнять у нихъ Святую землю и Іерусалимъ. Такіе воины назывались *рыцарями*. Многіе изъ нихъ давали монашескій обѣтъ и, оставаясь воинами, вели себя, какъ монахи. Они собирались въ общины, которые назывались *орденами*. Закованные съ головы до ногъ въ желѣзо и сталь, на крупныхъ и сильныхъ лошадяхъ, съ мечами и копьями, съ тяжелыми щитами, рыцари сильно поражали тѣхъ, кто не былъ защищенъ бронею.

Нѣмцы рѣшили проповѣдывать христіанскую католическую вѣру на сѣверѣ и составили для этого два рыцарскихъ монашескихъ общества—*Ливонскій орденъ меченосцевъ* и *Тевтонскій орденъ*.

Ливонскіе меченосцы и Тевтоны заняли все побережье Балтійскаго моря и къ 1240-му году подошли къ границамъ Руси. Надѣясь на слабость русскихъ князей, они овладѣли Псковомъ, взяли Изборскъ, перешли черезъ рѣку Лугу, подошли къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ теперь Петербургъ. Всюду, куда они входили, они ставили свои крѣпкіе замки. Такъ въ 60 верстахъ отъ Петербурга заложили они крѣпость *Копорье*, развалины которой, каменныя башни и стѣны, стоятъ и посейчасъ. Послѣ этого они задумали идти на Новгородъ.

Подъ угрозой врага образумились новгородцы и послали въ Суздаль просить къ себѣ обратно своего Невскаго героя—князя Александра.

Князь Александръ не замедлилъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Смятеніе и ужасъ царили въ старомъ городѣ.

— Какъ оборонимъ мы себя отъ страшнаго врага,—говорили новгородцы.— Закованные въ желѣзо и сталь, тѣснымъ строемъ ходятъ рыцари. Они побѣждали всѣхъ! Какъ защитимся отъ нихъ.

— Съ Божьею помощью,—отвѣчалъ Александръ, —мы побѣдимъ ихъ. Побѣдимъ наступленіемъ. Только нападающій имѣетъ побѣду!

Быстро собравши ополченіе, Александръ овладѣлъ Копорьемъ, а затѣмъ занялъ и Псковъ.

Тогда рыцари собрались вмѣстѣ и пошли навстрѣчу Александру. Ихъ боевой порядокъ назывался *свиньею,* потому что походилъ на острую свиную морду. Впереди шелъ сильный могучій рыцарь-богатырь, за нимъ два, за этими двумя четыре, дальше восемь, потомъ шестнадцать и такъ далѣе, все расширяясь, двигалось рыцарское войско. По сторонамъ торчали копья и, казалось, нельзя было подступить къ этой остроконечной крѣпости, составленной изъ закованныхъ въ желѣзо и сталь людей.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ получилъ извѣстіе, что нѣмцы приближаются къ Чудскому озеру.

Весна въ этотъ годъ была поздняя. Снѣгъ еще лежалъ на поляхъ и Чудское озеро было покрыто толстымъ слоемъ льда.

Передовая новгородская конница была оттѣснена рыцарями и разбита, Александръ, вышедшій было за озеро, отошелъ снова къ нему.

Въ субботу, 5-го апрѣля, у скалы, называемой Вороній-Камень, близъ урочища Узмень, войско Александра встрѣтилось съ нѣмцами. Рыцари быстро построили свою свинью, прорѣзали строй русскихъ и опрокинули ихъ на ледъ. Многіе русскіе бѣжали, но это не смутило Александра. Собравши оба крыла, онъ стремительно атаковалъ по льду нѣмцевъ съ обоихъ фланговъ. Нѣкоторые русскіе конные воины успѣли заскочить въ тылъ рыцарямъ и здѣсь началось страшное

избіеніе нѣмцевъ. Ледъ покрылся густыми и темными потоками крови. Ледъ трещалъ подъ конскими копытами. Лошади падали, подскальзываясь на немъ, но дружинники Александра Невскаго вскакивали и продолжали наносить тяжелые, бѣшеные удары рыцарямъ, внося все большее и большее смятеніе въ ихъ ряды.

И дрогнули нѣмцы. Дрогнули и побѣжали. Конница Александра Невскаго бросилась ихъ преслѣдовать и гнала семь верстъ, истребляя рыцарей и беря ихъ въ плѣнъ.

И на льду Чудского озера тамъ и тамъ чернѣли убитые рыцари. Побѣда была полная. Ее назвали—*Ледовымъ побоищемъ*. Въ немъ наши славные дѣды показали,

Рыцари идутъ.

что ни холодъ, ни гололедка не могутъ остановить отчаянныя атаки ихъ смѣлой и беззавѣтно лихой конницы.

Послѣ этого нѣмцы перестали тревожить наши сѣверныя окраины. Но у Александра Невскаго было еще много работы. Литва надвигалась на Русь. Александръ опять собралъ свои дружины и двинулся съ ними на литовцевъ и опять стремительнымъ наступленіемъ разбилъ ихъ, оградивъ и западныя границы Новгородскаго княжества.

Александръ Ярославичъ былъ князь набожный. Господь помогалъ ему въ побѣдахъ и Господь за его святую жизнь не оставлялъ его совѣтами и умудрялъ его и въ сношеніяхъ съ татарами. И ханы татарскіе не трогали при немъ Новгорода, и новгородцы жили свободною жизнью, не зная рабства.

Церковь православная причислила Александра Невскаго къ лику Святыхъ. Имя Святого Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, защитника вѣры православной отъ посягательствъ на нее католиковъ, чтитъ очень много частей русской арміи. Въ день перенесенія мощей св. Александра Невскаго, 30-го августа, празднуютъ

свои полковые праздники множество полковъ. Да знаютъ они, да знаютъ и всѣ православные русскіе воины, что Александръ Невскій — былъ солдатъ искусный. Онъ любилъ военное дѣло, вѣрилъ въ необходимость военной силы и заботливо подготовлялъ свою дружину. Побѣду онъ видѣлъ въ наступленіи. И наступалъ всегда. Даже тогда, когда врагъ превосходилъ его силами — онъ шелъ на врага, а не ждалъ, когда врагъ на него нападетъ... и побѣждалъ. Въ тѣ далекія времена,— вѣдь это было безъ малаго 700 лѣтъ тому назадъ,—Александръ Невскій понималъ военное дѣло такъ же, какъ понимаютъ его лучшіе полководцы и теперь. И потому-то русская армія такъ и чтитъ своего великаго полководца—святого Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Онъ не побоялся ни новаго страшнаго врага—шведовъ, не побоялся закованныхъ въ желѣзо и сталь нѣмцевъ съ ихъ «свинымъ строемъ» и онъ нанесъ страшные удары и тѣмъ, и другимъ.

Въ тяжелое лихолѣтье татарской неволи, когда вся Русь притихла и приниззилась, когда все гнуло спину въ поклонахъ передъ татарскими баскаками и ханами, явился смѣлый князь, святой жизни человѣкъ, военный до глубины души и смѣлый солдатъ. И имени святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго не забудетъ ни Святая Русь, ни православное воинство.

Въ Петербургѣ, куда по повелѣнію Императора Петра Великаго въ 1724 году изъ города Владиміра Суздальскаго перенесли мощи св. Александра, въ Александро-Невской Лаврѣ, въ серебряной ракѣ, въ тяжелыхъ боевыхъ доспѣхахъ покоится великій воинъ, славный солдатъ, святой великій князь. И, ежегодно, 30-го августа, къ его мощамъ идетъ изъ Казанскаго собора крестный ходъ, а за нимъ толпы народа поклониться тому, кому мы обязаны первою Невскою побѣдою, кто первый оросилъ русскою кровью берега Невы и посѣялъ славу и могущество Руси на сѣверѣ.

22. Димитрій Іоанновичъ Донской.

Тяжелое порабощеніе нашихъ предковъ татарами не образумило ихъ и не заставило взяться за умъ. Князья по прежнему враждовали другъ съ другомъ, ѣздили жаловаться, клеветать и оговаривать другъ друга передъ ордою, и татары смѣло и полновластно правили русскими, помыкая ими, какъ хотѣли.

Въ это тяжелое время пьянство и лѣнь проникли въ русскую душу. Отъ татаръ научились наши дѣды носить длиннополую одежду, непривычную и неудобную для ратнаго дѣла. Длинные кафтаны, такъ называемые «охабни» и сарафанъ, смѣнили нестѣснявшую движеній свободную рубаху временъ Святослава. Явилась медленная рѣчь, медленныя движенія, стали растить бороды и важностью прикрывать отсутствіе знанія и ума. Ближайшіе къ князьямъ люди—бояре—были необразованы. Досуги проводили за зеленымъ виномъ и безъ просвѣщенія, безъ военной силы, все ниже, и ниже падала Русь и готова была погибнуть навсегда.

Дмитрій Іоанновичъ Донской.

И такъ шли годы, десятки, сотни лѣтъ, и не нарождались на Руси богатыри, которые могли бы уничтожить татарскую неволю.

Но не далъ Господь Руси погибнуть совершенно. Смѣлыя головы были. Было изъ кого собрать и обучать дружины, силенъ былъ русскій народъ и ждалъ только полководца, храбраго воеводу. И вотъ, почти черезъ полтораста лѣтъ неволи, такой воевода народился. Это былъ Московскій князь *Димитрій Іоанновичъ*.

Въ 1363 году онъ занялъ Владиміръ, бывшій тогда великокняжескимъ городомъ, и удачными побѣдами заставилъ смириться сосѣднихъ князей.

Съ этого времени одна мысль въ головѣ у великаго князя: освободить Русь отъ татаръ, побѣдить несчислимыя татарскія полчища и сбросить постыдную неволю. Со временъ Батыя никто еще не смѣлъ трогать татаръ и безропотно платили дань татарамъ русскіе люди.

Димитрій Іоанновичъ рѣшилъ приготовить войско и пріучить его побѣждать татаръ.

Въ 1375 году онъ послалъ часть своихъ силъ, подъ командою воеводы князя Димитрія Михайловича Волынскаго Боброка на Казанское ханство. Русскія войска осадили Казань, разбили татаръ и заставили хана Асана просить мира и заплатить большой выкупъ.

Дружинники, бывшіе съ Боброкомъ, увидали, что татары не такъ страшны и вѣря въ то, что татаръ можно побѣдить, ободрили русскія войска.

Но татары не остались въ долгу и разгромили Нижегородское княжество, а затѣмъ пошли на Рязань.

Димитрій Іоанновичъ поспѣшилъ на помощь Олегу, князю Рязанскому, и вдвоемъ они разбили на р. Вожѣ татарскую рать и прогнали ихъ отъ себя. Это была побѣда, но побѣда маленькая. Татарскія силы были невелики и разбитымъ оказался не главный ханъ татарскій.

Когда донесли объ этомъ въ татарскую орду хану *Мамаю*, Мамай очень разсердился. Ему казалось невозможнымъ, чтобы сто лѣтъ безропотно платившій дань татарамъ русскій народъ могъ что-либо сдѣлать. И онъ рѣшилъ примѣрно наказать князя Димитрія Іоанновича.

Мамай собралъ громадныя силы. Тутъ были татары, армяне, черкесы, были даже наемные итальянцы. Литовцы со своимъ княземъ Ягелломъ обѣщали помогать татарамъ. Новое нашествіе грозило Руси неисчислимыми бѣдами.

Эта страшная многоязычная рать начала свое медленное движеніе въ іюнѣ 1380 года. Къ 1-му сентября у татаръ было назначено соединеніе съ литовцами и тогда рѣшено было разгромить Русь.

Но Димитрій Іоанновичъ не растерялся. Пользуясь медленностью движенія татаръ, онъ сталъ собирать войска, приглашая и сосѣднихъ князей.

Надоѣла татарская неволя. Видѣлась впереди свобода русскаго народа и охотно подъ знамена Московскаго князя шли дружина за дружиной. И ширилась, и росла русская рать. Но Димитрій Іоанновичъ тщательно скрывалъ свои приготовленія, а когда пришли отъ хана люди съ требованіемъ дани, Димитрій Іоанновичъ покорно выплатилъ эту дань.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ бывшій при ханѣ посломъ Захарій Тютчевъ донесъ, что ханъ идетъ походомъ на Русь и медлитъ потому, что ждетъ Семенова дня—1-го сентября, тогда къ нему должны подойти литовскіе полки Ягеллы.

Тогда Димитрій Іоанновичъ рѣшилъ напасть на Мамая раньше соединенія его съ Ягеллой, напасть въ чужихъ земляхъ, не дожидаясь, когда онъ подойдетъ къ Москвѣ. Онъ рѣшилъ самъ наступать и наступать для побѣды.

Приказавъ всѣмъ своимъ отрядамъ собраться на Коломну, Димитрій Іоанновичъ послалъ впередъ отрядъ развѣдчиковъ подъ начальствомъ Родіона Ржевтскаго Андрея Волосатаго и Василія Тупика.

Нетерпѣніе, жажда боя охватили великаго князя и, не дождавшись донесеній отъ этихъ развѣдчиковъ, онъ послалъ вторую «сторожу» на развѣдку. Сюда пошли Климентъ Полениннъ, Иванъ Свяславъ и Григорій Судокъ. Этотъ отрядъ на пути встрѣтилъ Василія Тупика, ѣхавшаго съ донесеніемъ.

Василій Тупикъ донесъ великому князю, что ханъ наступаетъ со своей ордою, но не спѣшитъ, потому что ожидаетъ, когда на Руси уберутъ поля, чтобы захватить весь урожай, и когда къ нему подойдутъ союзники.

Тогда Димитрій Іоанновичъ послалъ по своимъ отрядамъ приказаніе спѣшить къ Коломнѣ, чтобы 15-го августа, въ Успеньевъ день, всѣмъ быть въ полной готовности на сборномъ мѣстѣ.

Недалеко отъ Москвы, въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ тѣ времена жилъ святой отшельникъ Сергій. Народъ чтилъ этого человѣка за праведную жизнь и Господь покорилъ его волѣ и самихъ животныхъ. Въ молитвѣ и постѣ проводилъ дни и ночи св. Сергій, и Господь одарилъ его своею благодатью. Къ нему просить благословенія на подвигъ поѣхалъ великій Князь.

Татары.

Великій князь шелъ отстаивать православную вѣру христіанскую, на которую покушался Мамай, который хотѣлъ уничтожить ее и ввести по всей Руси магометанскую вѣру. За вѣру шло воевать русское воинство и на эту борьбу вдохновенные шли наши предки.

И св. Сергій привѣтливо принялъ къ себѣ великаго князя и, когда въ

маленькой и тѣсной деревянной церкви великій князь преклонилъ колѣно передъ святымъ отшельникомъ, св. Сергій сказалъ:

— Господь будетъ тебѣ помощникомъ и заступникомъ. Онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебя!

И, когда узнали объ этомъ въ станѣ русскомъ, на слова св. Сергія стали смотрѣть, какъ на пророчество, и на великаго князя Димитрія Іоановича, какъ на избранника Божія, и вражда, и ссоры затихли въ русскомъ лагерѣ, всѣ рѣшили безпрекословно повиноваться великому князю, и столь необходимая на войнѣ дисциплина стала, наконецъ, въ русскихъ рядахъ.

Видъ Троицко-Сергіевской лавры, находящейся въ 60-ти верстахъ отъ Москвы.

23. Куликовская битва.

Тремя отрядами подошли русскія войска къ Коломнѣ. Въ правомъ шелъ великій князь черезъ деревню Котлы, въ среднемъ князь Владиміръ Андреевичъ—Болвановскою дорогою и въ лѣвомъ, черезъ Бронницы, князья Бѣлозерскіе.

25-го августа на Дѣвичьемъ полѣ, въ Коломнѣ, великій князь произвелъ смотръ войскамъ и раздѣлилъ начальниковъ на четыре полка.

Передовой полкъ былъ порученъ князьямъ Дмитрію и Владиміру Всеволодовичамъ.

Большой полкъ взялъ на себя самъ великій князь.

Полкъ правой руки былъ подъ начальствомъ серпуховскаго князя Владиміра Андреевича.

Полкъ лѣвой руки былъ подъ командой Глѣба Брянскаго.

Всего войска было до 150 тысячъ человѣкъ и составляли его почти исключительно люди Московскаго и другихъ мелкихъ, подручныхъ ему княжествъ.

На другой день, послѣ смотра, войска тронулись въ походъ и пошли лѣвымъ берегомъ рѣки Оки. Для охраненія и наблюденія за непріятелемъ, впередъ двинулась конница подъ начальствомъ боярина Семена Мелика.

Къ 7-му сентября великій князь дошелъ до Дона и здѣсь остановился. Сюда отъ конницы ему привели плѣннаго татарина, бывшаго однимъ изъ приближенныхъ Мамая.

Этотъ татаринъ показалъ, что Мамай находится за Дономъ у Кузьминой гати, т. е. въ трехъ переходахъ, и подвигается впередъ очень медленно. Ждетъ союзниковъ. О близости русскихъ татары ничего не знаютъ. Литовцы съ Ягеллой находятся у Одоева, на берегахъ р. Упы.

Выслушавъ показанія плѣннаго, великій князь Дмитрій Іоанновичъ собралъ начальниковъ полковъ и воеводъ на совѣтъ. Нужно было рѣшить: переходить ли рѣку и сражаться, имѣя въ тылу Донъ и Непрядву, или ожидать татаръ на лѣвомъ берегу Дона?

Голоса раздѣлились. Одни говорили, что опасно переходить Донъ, когда сзади можетъ подоспѣть Ягелло со своими литовцами, а въ тылу будетъ рѣка. Но тутъ встали союзные съ нами молодые литовскіе князья Ольгердовичи.

— Опасно переходить Донъ, говорите вы,—сказали они,—а не переходить Донъ, это значитъ показать свое малодушіе, ободрить татаръ. Перейдемъ на правый берегъ Дона, покажемъ врагу, что мы его не боимся, пойдемъ къ нему навстрѣчу!

Но тогда имъ возражали. Говорили, что драться съ несмѣтною силою Мамаевой, имѣя позади себя широкую и глубокую рѣку,—безуміе. Не будетъ куда отступить.

Но высокъ былъ подъемъ духа у русскихъ князей.

— Тѣмъ лучше!—говорили Ольгердовичи.—Пусть наша дружина знаетъ, что ей нѣтъ отступленія! Пусть храбро дерется, памятуя завѣтъ князя Святослава, что «мертвые сраму не имутъ». А что татары сильнѣе насъ, такъ и то не бѣда, потому что «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!»

И всѣ ждали, что скажетъ великій князь.

И вотъ, онъ поднялся. Черная борода темною тѣнью ложилась на его лицо, глубоко задумчивы и вдохновенны были глаза. Восторгомъ предвидимой побѣды сіяли они. Глубоко вѣровалъ онъ въ помощь Божію и зналъ, что побѣда въ рукахъ того, кто наступаетъ, не думая объ отступленіи.

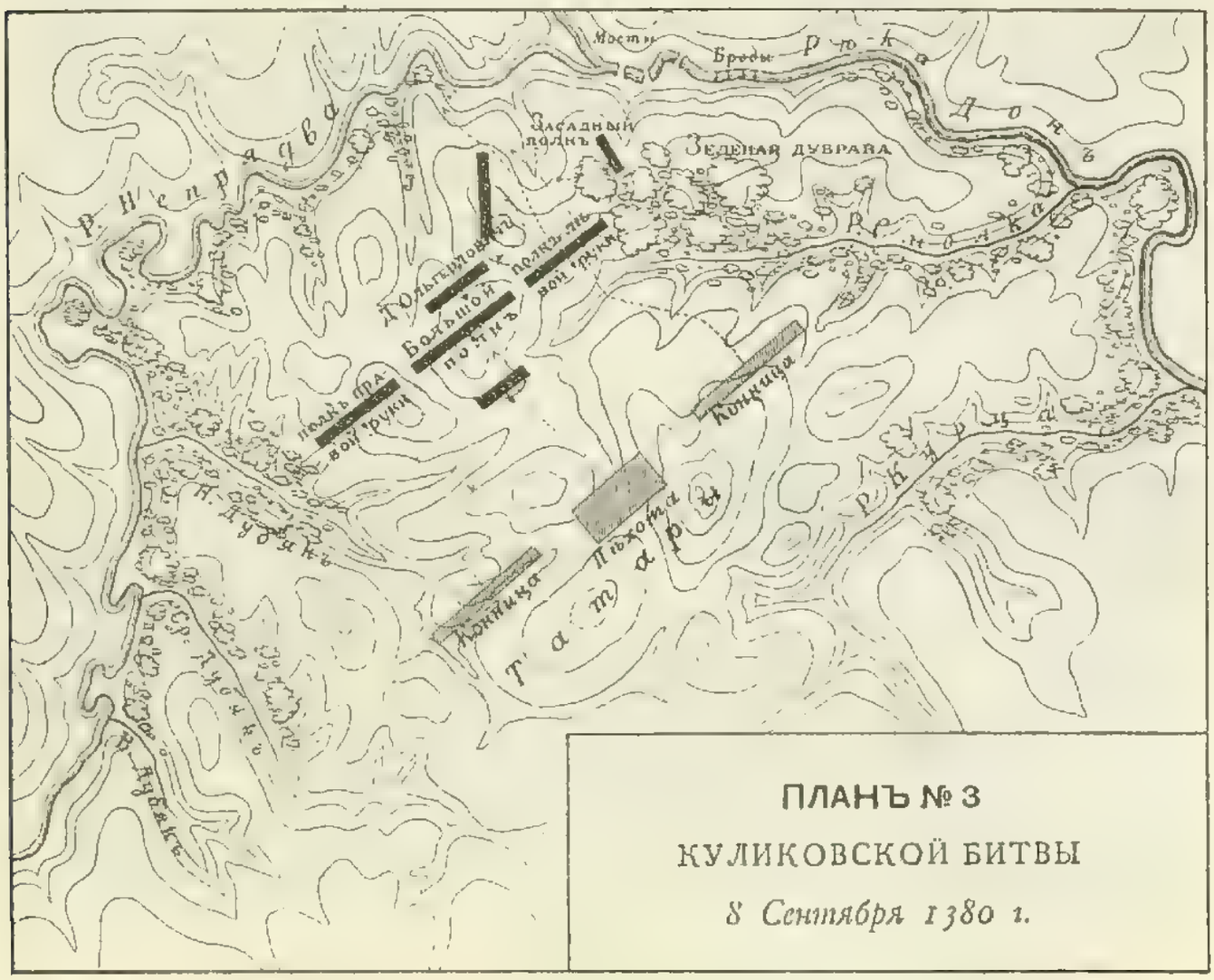
— Возлюбленные друзья и братья!—сказалъ онъ.—Вѣдайте, что я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть, или рѣку Донъ стеречь, но чтобы русскую землю отъ плѣненія и разоренія избавить или голову свою за всѣхъ положить; *честная смерть лучше плохой жизни.* Лучше было бы мнѣ не идти противъ татаръ, нежели, пришедши и ничего не сдѣлавши, воротиться вспять. Теперь же пойдемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ и все отъ гибели сохранимъ, или сложимъ свои головы за святыя церкви, за православную вѣру и за братію нашу—христіанъ!

Въ пятницу 7-го сентября начали строить мосты для пѣхоты, а конница разыскала для себя броды.

Ночью наши войска переправились и стали у впаденія рѣки Непрядвы въ Донъ.

Позднимъ вечеромъ прискакалъ къ Дмитрію боярипъ Меликъ со сторóжей (летучимъ разъѣздомъ) и донесъ, что Мамай уже подошелъ къ Гусиному броду, знаетъ о наступленіи русскихъ войскъ и спѣшитъ имъ навстрѣчу.

Итакъ, на широкомъ полѣ, называвшемся Куликовымъ полемъ, въ углу между рѣками Дономъ и Непрядвою стали русскія войска. А въ семи верстахъ отъ



ПЛАНЪ № 3

КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

8 Сентября 1380 г.

нихъ, на высокомъ холму, расположилась рать Мамаева, и издали былъ видѣнъ его пестрый златоверхій шатеръ.

Между тѣмъ русскія сторóжи, шарившіе кругомъ, донесли, что на западѣ они видѣли пыль несмѣтную и слышали гомонъ людей и бряцаніе оружія, то надвигался на помощь Мамаю литовскій князь Ягелло.

Медлить было нельзя.

Густой туманъ протянулся по полю и прикрылъ и холмы, и дубравы, и самый тихо-плещущій Донъ. И пользуясь этимъ туманомъ, тихо продвинулъ свои войска съ бивуака Дмитрій и поставилъ ихъ въ боевой порядокъ. Полкъ правой руки, подъ начальствомъ Андрея Ольгердовича, сталъ у оврага Нижняго Дубика, полкъ лѣвой руки—князей Бѣлозерскихъ—прикрывался рѣкою Смолкою. Въ центрѣ

былъ большой полкъ, руководимый великимъ княземъ Глѣбомъ Брянскимъ и великимъ московскимъ боярином Тимофеемъ Васильевичемъ Вельяминовымъ.

Впереди выдвинули пѣхотный полкъ Николая Васильевича Вельяминова и конницу отряда Семена Мелика. Въ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ большого полка, поставили особый отрядъ Дмитрія Ольгердовича. И, наконецъ, за лѣвымъ флангомъ, въ густыхъ дубовыхъ порослях, сталъ главный резервъ—засадный полкъ князя Владиміра Андреевича и боярина Боброка.

Было девять часовъ утра 8-го сентября, когда полки разошлись по своимъ мѣстамъ. Великій князь, сопровождаемый своею хоругвью, объѣхалъ на конѣ войска и ободрялъ воиновъ. Потомъ онъ слѣзъ съ коня, снялъ съ себя великокняжескіе золотомъ крытые доспѣхи, надѣлъ ихъ на своего любимаго дружинника боярина Михаила Бренка, приказалъ ему сѣсть на своего коня, а за нимъ возить великокняжескій стягъ. Самъ же Дмитрій надѣлъ платье простого дружинника, сѣлъ на солдатскую лошадь и поѣхалъ въ передовой полкъ.

Къ нему кинулись его приближенные и уговаривали его не рисковать своею драгоцѣнною жизнью, но оставаться сзади, въ тылу, наблюдая оттуда за боемъ.

Дмитрій остановилъ коня и обернулся къ боярамъ.

— Братія моя милая,—сказалъ онъ,—добрыя рѣчи ваши достойны похвалы. Но, если я вашъ глава—то впереди васъ хочу и битву начать. Умру или живъ буду—буду всегда вмѣстѣ съ вами.

И послѣ этого онъ рѣшительно поскакалъ впередъ.

Между тѣмъ туманъ разсѣялся и показалось солнце. И въ лучахъ его засверкали стальные доспѣхи, мечи и копья русскихъ воиновъ и жаромъ загорѣлись красные щиты нашей пѣхоты. А напротивъ темною и тусклою тучею рисовалась рать Мамаева. Щиты татаръ были темные, плетеные изъ тростника, и сѣрые кафтаны ихъ сливались въ мутное, темное пятно.

И вотъ, около одиннадцати часовъ утра оба войска двинулись навстрѣчу одно другому. Тяжелымъ, мѣрнымъ шагомъ, плотно, щитъ къ щиту, локоть къ локтю, шла пѣхота, а впереди ея, топча густую пожелтѣвшую осеннюю траву, шагомъ подавалась конница. И, сойдясь шаговъ на двѣсти, оба войска остановились. Сначала слышно было только фыркапье и ржаніе лошадей, да тяжелое дыханіе людей. Потомъ начали ругаться.

— Собаки! нехристи!—кричали изъ русскихъ рядовъ, и бранью отвѣчали имъ татары.

Вдругъ изъ татарскихъ рядовъ выскочилъ громаднаго роста воинъ на косматой, широкогрудой, приземистой и крѣпкой, костистой лошади. Потрясая копьемъ, выхвалялся онъ своею силою.

— Я—Чели-бей,—кричалъ онъ,—кто помѣряется силой со мной. Трусы, собаки! Нѣтъ у васъ витязей храбрыхъ!

Черное лицо съ косыми глазами было свирѣпо, острокопечная шапка на его головѣ моталась во всѣ стороны, а самъ онъ, избочась, глумился надъ нашимъ войскомъ.

И вотъ изъ русскихъ рядовъ выскочилъ статный и стройный немолодой уже воинъ. Это былъ инокъ Пересвѣтъ. Въ молодости былъ онъ храбрымъ воиномъ, потомъ ушелъ въ монастырь къ святому Сергію и святой Сергій благословилъ его идти на подвигъ противъ татаръ. Въ солдатской одеждѣ, простымъ воиномъ по-

шелъ Пересвѣтъ, считая лучшимъ подвигомъ, величайшимъ счастьемъ — смерть за родину.

Клубкомъ свернулся могучій конь Пересвѣта, загорѣлись огнемъ темные глаза его и помчался онъ на Чели-бея.

Столкнулись могучимъ ударомъ кони и оба пали на колѣни, а всадники съ одного удара оба упали мертвыми.

Послѣ этого началась битва.

Выдвинувъ копья впередъ, а задніе, положивши копья на плечи переднихъ, пошелъ нашъ передовой полкъ на татаръ. И съ визгомъ и воплями устремились на него татары. И копья ломались, какъ солома, а стрѣлы падали дождемъ, а пыль закрыла лучи солнца, мечи сверкали, какъ молніи, и люди падали, какъ трава подъ косою. Въ этой ужасной схваткѣ, какъ простой воинъ, сражался за родину и великій князь Дмитрій. И скоро земля стала скользкой отъ липкой крови и стало трудно ходить изъ-за тысячи тѣлъ, поваленныхъ на землю. Передовой полкъ нашъ былъ смятъ и опрокинутъ, и татары, торжествуя побѣду, бросились на большой полкъ. Съ налета татары опрокинули Московскую дружину, убили боярина Бренка, одѣтаго въ великокняжескую одежду, и уже закачался стягъ Дмитріевъ, подрубленный татарами. Но Глѣбъ Брянскій и Тимофей Вельяминовъ успѣли во-время придти на помощь и удержали большой полкъ на его мѣстѣ.

Тогда татары отхлынули назадъ, взяли свѣжія подкрѣпленія, бросились съ отчаяннымъ визгомъ черезъ рѣку Смолку и ударили на наше лѣвое крыло. Здѣсь были убиты князья Бѣлозерскіе и смѣшавшійся полкъ ихъ, не слыша ихъ голоса, сталъ отступать. Уже татары обходили насъ слѣва и съ тыла, когда бывшій въ резервѣ полкъ Дмитрія Ольгердовича со свѣжими силами ударилъ на нихъ.

Но татары прорвались черезъ него и погнали все наше лѣвое крыло къ рѣкѣ Непрядвѣ, не замѣчая ничего въ зеленой дубравѣ.

Молодой князь Владиміръ Андреевичъ, увидѣвши спины бѣгущихъ татаръ, порывался атаковать ихъ сзади, но его удерживалъ бояринъ Боброкъ. Онъ видѣлъ, что еще рано. И только тогда, когда почти вся рать татарская столпилась сзади русскихъ и дикими воинственными криками торжествовала свою побѣду, Боброкъ вылетѣлъ съ Владиміромъ Андреевичемъ на нихъ. Отчаянно врубились въ татарскіе ряды отборные дружинники и кони ихъ, застоявшіеся въ лѣсу, быстро настигали убѣгавшихъ.

Тогда успѣвшій оправиться большой полкъ нашъ перешелъ въ наступленіе. Разсѣявшіеся по всему полю, перемѣшавшіеся въ тылу съ нашими татары не могли сдержать стремительнаго натиска русскихъ и побѣжали.

На спускѣ съ Краснаго холма, окруженный мурзами и женами, въ шитомъ золотомъ и шелками халатѣ сидѣлъ Мамай, наблюдая за боемъ. Здѣсь татары пытались удержаться, но наша конница снова врубилась въ ихъ ряды и татары дрогнули. Первымъ ускакалъ съ поля битвы Мамай со своими приближенными, а за нимъ въ полномъ безпорядкѣ понеслось и все татарское войско. Наша конница преслѣдовала татаръ на протяженіи сорока верстъ до рѣки Красной Мечи.

Солнце перевалило за полдень, когда затрубили трубы, созывая оставшихся въ живыхъ нашихъ воиновъ и высоко поднялись стяги, обозначая мѣста сбора полковъ.

Собрался и передовой конный полкъ, въ рядахъ котораго дрался Дмитрій, но великаго князя не было. Двоюродный братъ и другъ Дмитрія, князь Влади-

міръ Андреевичъ, разослалъ своихъ людей на поиски. Уже смеркалось, когда его нашли. Онъ лежалъ безъ чувствъ подъ деревомъ, шлемъ и латы были изсѣчены ударами мечей, но самъ онъ былъ невредимъ.

Въ воскресенье 9-го сентября Дмитрій Донской объѣхалъ Куликово поле. Медленно ступалъ его конь между тысячами труповъ, покрывавшихъ громадное поле. Иногда великій князь останавливался, узнавая князя, или дружинника и, снявши шлемъ, медленно крестился. И грустно, и радостно было у него на сердцѣ. Жаль было павшихъ воиновъ, но радостна была побѣда, радостно было, что смертью его воиновъ куплена свобода и счастье всему русскому народу.

Наши потери были велики. Однихъ князей мы потеряли пятнадцать человѣкъ, а дружинниковъ и ратниковъ пало около 150 тысячъ!

Ягелло, узнавъ о побѣдѣ Дмитрія, отступилъ обратно въ Литву, а объ Олегѣ Рязанскомъ ничего не было слышно.

Собравши большую добычу, торжественно, при колокольномъ звонѣ церквей, возвратились дружины Дмитріевы въ Москву.

Куликовская битва—это одинъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ нашихъ дѣдовъ. Высоко сказался въ ней духъ нашихъ начальниковъ и рядовыхъ солдатъ. Когда наши войска были прорваны татарами и бой перешелъ уже къ самымъ мостамъ, черезъ которые должно было идти отступленіе, наши войска не пали духомъ, они продолжали драться и наступать.

Наступалъ воевода Боброкъ, наступалъ потомъ и большой полкъ. Мало того, не остановились наши войска и послѣ побѣды, но сильно и далеко преслѣдовали непріятеля. На Куликовской битвѣ, бывшей такъ давно, пятьсотъ съ лишнимъ лѣтъ, мы можемъ учиться доблести нашихъ дѣдовъ.

На полѣ Куликовскомъ нынѣ стоитъ памятникъ, а вся православная Русь поминаетъ въ Дмитріевскую субботу воиновъ, погибшихъ за родину. Она вспоминаетъ ту субботу 9-го сентября 1380 года, когда, печальный и блѣдный отъ полученныхъ наканунѣ ударовъ, объѣзжалъ поле битвы Дмитрій Донской и тихо молился за усопшихъ воиновъ.

24. Послѣ Куликовской битвы.

Какъ ни велика была побѣда наша, но одной ея мало было, чтобы сломить татарскую неволю. Куликовская битва была только зарею свободы русскаго народа. Нужно было бы продолжать борьбу съ татарами, а Русь, какъ повѣствуютъ намъ о томъ лѣтописцы, *оскудѣла ратными людьми*. Нечего было думать о наступленіи. Не хватало силъ и для обороны.

Мамай, озлобленный на русскихъ, дѣятельно готовился къ походу. Но онъ не успѣлъ двинуться на Русь. Въ Ордѣ произошли междоусобія. Мамай былъ убитъ въ Крыму и престоломъ его завладѣлъ ханъ Тохтамышъ.

Тохтамышъ потребовалъ прежней покорности отъ Москвы и, не добившись отвѣта, 23-го августа 1381 года, явился подъ стѣнами Москвы.

Въ это время, трудами Дмитрія Іоанновича, Москва уже имѣла каменный кремль, частью тотъ самый, которымъ мы любуемся теперь при проѣздѣ черезъ Москву.

Татары окружили городъ и три дня кидались на городскія стѣны на приступъ. Но со стѣнъ на нихъ лили кипятокъ, сбрасывали камни, стрѣляли изъ самострѣловъ и впервые на Руси гремѣли порохомъ заряжаемыя ружья, называемыя *тюфяками*, и желѣзныя пушки.

И не взять бы татарамъ Москвы никогда, да нашлись въ ней слабые люди, которые повѣрили обѣщаніямъ хана Тохтамыша, что если Москвичи впустятъ добромъ татаръ въ городъ, то никакого имъ вреда не будетъ. Князь Остей, начальствовавшій Московскимъ ополченіемъ, открылъ татарамъ ворота. Татары ворвались въ городъ, зажгли его, перебили жителей и бросились грабить окрестности. Одинъ изъ татарскихъ отрядовъ, грабившихъ подъ Москвою, наткнулся у Волоколамска на князя Владиміра Андреевича и былъ имъ разбитъ. Великій князь Дмитрій, собравши что могъ, тоже спѣшилъ противъ Тохтамыша. И Тохтамышъ удалился отъ Москвы.

Дмитріевская суббота. Дмитрій Донской, сопровождаемый князьями и боярами объѣзжаетъ Куликово поле послѣ битвы, 9-го Сентября 1380 года.

25. Какъ было устроено русское войско у великихъ князей Московскихъ.

Побѣда Дмитрія Іоанновича на берегахъ рѣки Дона, на Куликовомъ полѣ, дала ему прозвище Донского. Она подорвала могущество татаръ, съ Руси исчезли татарскіе баскаки и Русь начала оправляться. Правда, нѣтъ, нѣтъ, да на сторожахъ по Дону и Окѣ раздадутся тревожные крики: «татары идутъ», и пламенемъ пожаровъ и густыми дымами покроется земля русская, но татары уже стали менѣе

смѣлыми, а на Руси перестали бояться ихъ и встрѣчали ихъ храбро. Къ тому же на подмогу рати нашей явились пушкари—артиллеристы. Грома пушекъ русскихъ боялись татары и отступали.

Но самое главное, что случилось на Руси, это то, что прекратились распри между князьями, что начала *собираться* Русь около Москвы. Сынъ Дмитрія Донского, Василій, и особенно внукъ его, Василій Васильевичъ Темный, много потрудились надъ умиротвореніемъ Руси и подготовили сыну Темнаго, Іоанну III Васильевичу Москву, достаточно уже сильную, съ хорошо обученной дружиной.

Къ этому времени и дружина княжеская устраивается по иному. Раньше дружинники были только солдатами. Со своимъ княземъ бродили они, воюя чужія земли или обороняя свою землю, занимаясь исключительно военнымъ дѣломъ, не думая о землѣ, о хлѣбопашествѣ. Они свободно переходили отъ одного князя къ другому, ища, гдѣ служба опаснѣе и прибыльнѣе. Но междоусобія затихали, татары рѣже нападали на Русь, каждый князь устраивался въ своемъ родномъ городѣ, рѣже предпринимал походы. Вспомнимъ прежнихъ князей. Святославъ всю жизнь провелъ въ походахъ, Владиміръ Мономахъ самъ пишетъ, что всѣхъ крупныхъ походовъ его было 83, а маловажныхъ онъ и упомнить не можетъ [1]), онъ рѣдко жилъ въ своемъ городѣ. Но по мѣрѣ того, какъ Русь подвигалась на сѣверъ, какъ устроились князья сначала въ Суздалѣ, а потомъ въ Москвѣ, они прочно осѣли въ городахъ, осѣла съ ними и дружина. Съ этого времени она уже перестаетъ называться дружиной, а въ старыхъ лѣтописяхъ, въ которыхъ мы читаемъ о времени Дмитрія Донского, князей Василіевъ и Ивана III, мы видимъ новое названіе ея — *княжескій дворъ*. Отсюда и пошло названіе приближенныхъ къ князю людей, людей ратныхъ, посвятившихъ себя службѣ Государю и Родинѣ, *дворянами*. Для того, чтобы дворяне не уходили отъ князя, чтобы они прочно устраивались въ его землѣ, уже во времена Ивана III вошло въ обычай дарить имъ земли, *помѣстья*, часто съ людьми, ихъ населявшими. Часть дворянъ пользовалась только доходами со своихъ помѣстій, сама же въ нихъ не жила, неся *придворную* службу при княжескомъ дворѣ, исполняя всѣ порученія князя, другая же часть жила въ своихъ помѣстьяхъ, была *помѣщиками*. Эти дворяне-помѣщики обязаны были, по требованію князя, являться на военную службу не только сами, но и приводить съ собою конныхъ вооруженныхъ людей. Лошадей и оружіе эти дворяне помѣщики должны были содержать всегда и въ мирное время въ исправности.

Воинъ судовой рати, временъ царя Ивана III, въ шеломѣ, доспѣхахъ изъ желѣзной цѣпи съ стальными плитками, съ копьемъ, щитомъ и мечомъ.

[1]) См. стр. 40.

Вотъ какимъ, значитъ, образомъ получилось на Руси дворянство. Люди, посвятившіе себя военному дѣлу, отрѣшившіеся отъ покоя и мира, шли въ дружину. Когда дружина, вмѣстѣ съ княземъ, осѣла на землѣ, дружинники получили во владѣніе помѣстья съ крестьянами, изъ которыхъ должны были выставлять ратныхъ людей, т. е. солдатъ, которыхъ обязаны были содержать, т. е. одѣвать, кормить и поить, вооружать и снабжать лошадьми за свой счетъ. Дворяне русскіе были военными людьми, были солдатами своего князя и такъ, за малыми исключеніями, дворянство и до нашихъ дней продолжаетъ служить своему Государю на военной службѣ.

Старшіе дворяне сохранили за собою старое названіе *бояръ*. Это были самые близкіе къ князю люди. Солдаты, которыхъ дворяне приводили съ собою, назывались *слугами*, или *дворными людьми*.

Горожане выставляли свои *городовые* полки. Они состояли изъ ремесленниковъ и рабочихъ. Если же и тогда не хватало войска, то брали крестьянъ. Крестьяне считались тогда по *сохамъ*. 3 семьи назывались сохою. Во время войны съ ливонскими рыцарями, Александръ Невскій взялъ по 1 конному вооруженному человѣку съ 4-хъ сохъ, то-есть каждыя 12 семей крестьянскихъ должны были снарядить одного ратника.

Кромѣ того, въ составъ русской рати входили еще наемные полки. Нѣкоторые князья нанимали къ себѣ на службу татаръ, которые приходили цѣлыми полками вмѣстѣ со своими царевичами.

Такимъ образомъ, ко времени образованія Московскаго княжества, русское войско состояло изъ: *княжескаго двора*, который отвѣчаетъ теперешнимъ отборнымъ гвардейскимъ частямъ—Собственному Его Величества Конвою и гвардейскому пѣхотному полку, изъ *дворянскихъ дружинъ*, подходящихъ къ нынѣшнимъ служащимъ полкамъ, изъ *городовыхъ полковъ*, нѣчто въ родѣ запасныхъ частей, и земской, или, какъ ее называли тогда, *рубленой рати*, бравшейся отъ сохи и подходящей къ теперешнему ополченію.

По родамъ оружія войска раздѣлялись на конницу, пѣхоту и артиллерію.

Такъ какъ главнымъ нашимъ врагомъ тогда были татары, воевавшіе на лошадяхъ, то и русское войско было по большей части конное. Конными были *княжескій дворъ*, конными были и *дворяне* съ дворовою ратью, со своими слугами. Конница называлась тогда *кованою ратью* и дѣлилась на полки. Полки назывались по своимъ воеводамъ.

Лошади въ конницѣ нашихъ предковъ были различныхъ породъ. Воеводы, тысяцкіе и начальники полковъ, а также люди княжескаго двора щеголяли легкими, быстрыми и нарядными лошадьми. Лучшія лошади приводились изъ Турціи и Аравіи и назывались у нашихъ предковъ *фарями*—арабскія лошади и *аргамаками*—турецкія лошади. Подъ нижними чинами изъ дворянъ были лошади татарскія, приведенныя изъ-за Волги. Это были мелкія лошади съ короткими шеями и тяжелыми головами. Называли ихъ *бахматами*. Слуги сидѣли на простыхъ крестьянскихъ лошадяхъ, которыхъ тогда всѣхъ безразлично, и жеребцовъ, и кобылъ, называли *меринами*.

Вся кованая рать ѣздила по-казачьи на высокихъ сѣдлахъ и на коротких стременахъ и управляла уздечками безъ мундштуковъ. Шпоръ не носили, а посылали лошадь нагайкой. Высокое положеніе на сѣдлѣ позволяло всадникамъ сворачиваться для стрѣльбы изъ лука во всѣ стороны, но зато сидѣли наши предки далеко не прочно въ сѣдлѣ.

Одѣты были разнообразно. Войско, даже княжескій дворъ, походило на ополченцевъ и нигдѣ не было однообразнаго платья. Люди побогаче имѣли броню, или доспѣхи, сдѣланные или изъ колецъ, или изъ желѣзныхъ или стальныхъ плитокъ. Люди побѣднѣе имѣли *тегиляи*. Тегиляемъ называлось суконное платье съ короткими рукавами и высокимъ стоячимъ воротникомъ, полы его опускались далеко ниже колѣнъ. Оно было плотно подбито ватою, или пенькою и простегано. Перерубить его было очень трудно, а потому оно вполнѣ замѣняло металлическій доспѣхъ. Плечи, руки и ноги прикрывались особыми доспѣхами. На голову надѣвали или *шеломъ*, стальной колпакъ, или бумажную стеганую ватою шапку ерихонку, или шапку турецкую.

Хотя къ этому времени уже появились на Руси первыя ружья, но, такъ какъ они были очень тяжелы, дороги и неудобны въ дѣйствіи, ихъ не имѣли въ своемъ вооруженіи, а главнымъ оружіемъ конницы попрежнему оставалось оружіе ручное: мечи, сабли, палаши, копья и бердыши. Продолжали быть въ ходу и луки со стрѣлами. Иной всадникъ весь былъ обвѣшанъ оружіемъ. Лукъ со стрѣлами за спиною, бердышъ или копье въ рукѣ, сабля сбоку и кинжалъ спереди. Несмотря на это, воины ловко справлялись со всѣмъ этимъ оружіемъ и дѣйствовали лихо и смѣло.

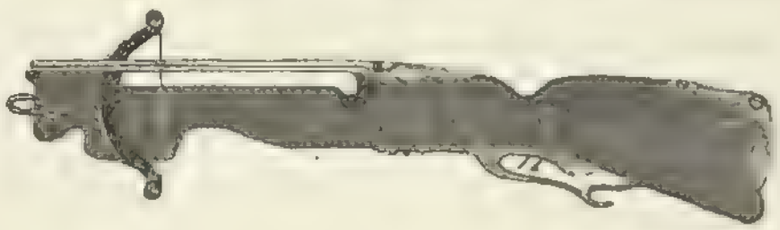
Воинъ кованой рати, временъ царя Ивана III, въ колпакѣ, тегиляѣ, съ бердышемъ, саблей и лукомъ со стрѣлами, на бахматѣ.

Пѣхота попрежнему передвигалась по рѣкамъ на судахъ, а потому носила названіе *судовой рати*. Если конница была одѣта пестро и разнообразно, то пѣхота была еще пестрѣе. Въ нее шла бѣднота, не могшая купить себѣ коня. У пѣхотинцевъ щиты еще остались, но это уже не были длинные красные, кожаные *червленые* щиты, которые имѣла дружина Святослава, а маленькіе круглые, плоскіе или выпуклые щиты. Щиты эти дѣлались изъ кожи, желѣза или изъ мѣди. У бояръ они часто украшались золотомъ. бахромою, а внутри отдѣлывались кумачемъ или бархатомъ.

Артиллерія впервые появилась у нашихъ предковъ въ 1389 году, то-есть при Дмитріи Донскомъ. Тогда, какъ пишетъ лѣтописецъ, привезли: «изъ нѣмецкой земли арматы и стрѣльбу огненную и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти».

Что же это были за «арматы»? Сначала это были кованыя изъ желѣза длинныя пушки, установленныя на деревянномъ безъ колесъ лафетѣ и заряжающіяся съ дула каменными или желѣзными ядрами. Называлась артиллерія вообще *нарядомъ*, а руководили ею наемные иностранцы, по большей части нѣмцы. На пушкѣ, близъ казенной части, выбивалось грубое изображеніе воина, соловья, обезьяны и тому подобное, и по этимъ изображеніямъ и самая пушка называлась «воиномъ, обезьяной»...

Въ 1488 году итальянецъ Павлинъ Дебосисъ вылилъ первую мѣдную пушку, и съ той поры появились у нашихъ дѣдовъ и мѣдныя пушки. Но всѣ эти пушки были очень тяжелы, неуклюжи и неповоротливы. Перевозить ихъ было очень трудно. Поэтому ихъ употребляли больше при осадѣ городовъ для пробиванія городскихъ стѣнъ и башенъ. Уже и въ тѣ времена предки наши знали преимущества нарѣзныхъ пушекъ и у нихъ были особыя *винтовальныя пищали*, но обращаться съ ними не умѣли и потому потомъ строили уже только гладкоствольныя пушки.



Аркебузъ (усовершенствованный лукъ).

Были и ружья. Наши дѣды, четыреста лѣтъ тому назадъ, называли ихъ ручными пищалями. Стрѣляли изъ такой пищали двое. Одинъ, укрѣпивъ ружье на особой желѣзной вилкѣ, наводилъ его, а другой фитилемъ зажигалъ порохъ. Дальность пищалей была не велика. Желѣзная или свинцовая пуля летѣла шаговъ на сто. Мѣткость была очень плохая. Тогда стрѣлы, пущенныя изъ лука опытною рукою боярина или дворовaго, летѣли на двѣсти шаговъ, пробивая кожаный щитъ. Только громъ пищалей, да вылетавшее изъ нихъ пламя нѣсколько устрашали непріятеля. И потому-то въ эти далекія времена борьбы за Москву наши дѣды предпочитали стрѣльбу изъ луковъ, да рукопашный бой на топорахъ, саблях, пикахъ и бердышахъ, стрѣльбѣ изъ ненадежныхъ, часто разрывавшихся пищалей.

Какъ и во времена первыхъ князей, какъ и теперь войска собирались подъ знаменами. Каждая область и каждый городъ имѣли свой *стягъ*. Самымъ важнымъ стягомъ, къ которому всѣ собирались, былъ великокняжескій стягъ великаго князя Московскаго. У Дмитрія Донского въ Куликовскую битву стягъ этотъ былъ атласный черный и на немъ написанъ былъ нерукотворенный образъ Спасителя. Потомъ Московскіе великіе князья стали изображать на своихъ знаменахъ гербъ Московскаго княжества—св. Георгія Побѣдоносца на сѣромъ конѣ, поражающаго змія.

Была у нашихъ дѣдовъ и военная музыка. Были и трубы, и рога, и бубны, и барабаны. Нельзя сказать, чтобы на ней красиво играли. Музыканты были неважные. Дули кто во что горазд, получался лишь шумъ и грохотъ, сквозь который рѣзко и властно прорывались звуки трубъ. За воеводами, на особыхъ подводахъ, возили громадные барабаны, въ которые били сразу восемь человѣкъ. Барабаны эти назывались *набатами*. Били въ набатъ для того, чтобы обозначить начало отступленія. И до сихъ поръ у насъ это слово сохранилось. Мы и теперь ударяемъ въ набатъ при пожарѣ или иномъ несчастьи, хотя совершенно позабыли, откуда взялось такое слово.

За время тяжелаго монгольскаго ига рядовой русскій воинъ — ратникъ, дворянинъ, или слуга дворовый остались прежними храбрыми и пылкими, охочими до боя людьми. На походѣ они довольствовались малымъ и иногда по дню и по два ничего не ѣли. Но бояре отяжелѣли. Татарская неволя сказалась на нихъ. Жизнь великаго князя была уже не такъ проста, какъ при Святославѣ и Влади-

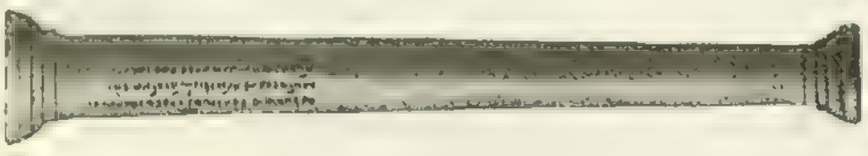
мірѣ, князь дальше сталъ отъ дружины. Еще Дмитрій Донской и Александръ Невскій бьются въ бояхъ, какъ рядовые бойцы, но князья Московскіе уже этого не дѣлали. Оберегая драгоцѣнную жизнь своего князя, княжескій дворъ не допускалъ своего великаго князя въ кровавую сѣчу со врагомъ. Бояре оставались часто во время походовъ дома, многіе изъ нихъ занимали разныя должности при князѣ по управленію его дворомъ, а не воевали, и, когда назначали ихъ на старости лѣтъ воеводами, они не знали военнаго дѣла и часто понапрасну проигрывали сраженія.

Рать дѣлилась на десятки. Во главѣ каждаго десятка стоялъ *десятникъ*, соотвѣтствующій теперешнему младшему унтеръ офицеру; десятки собирались въ сотни, которыми командовали *сотники*, отвѣчающіе теперешнимъ ротнымъ, эскадроннымъ и сотеннымъ командирамъ. Нынѣшнему полку съ его командиромъ соотвѣтствовала тысяча съ *тысяцкимъ воеводою*. Должность тысяцкаго воеводы обыкновенно переходила отъ отца къ сыну, была наслѣдственной, сотники же и десятники назначались изъ бояръ и дворянъ.

Войско, набираемое изъ большого города или изъ цѣлаго княжества, подчинялось *воеводѣ*. Если оно назначалось для осады города, то воевода назывался *осаднымъ*, если для дѣйствія въ полѣ, то *полковымъ*.

На мѣсто рубленыхъ изъ дерева городовъ, во время и особенно послѣ монгольской неволи, предки наши начали ставить каменныя крѣпости. Нужда заставила. Каленыя ядра, которыя бросали изъ тогдашнихъ пушекъ, или чиненыя порохомъ гранаты легко зажигали стѣны прежнихъ городовъ. Нужно было иначе ихъ укрѣплять. И вотъ по образцу нѣмецкихъ замковъ, настроенныхъ рыцарями вдоль Балтійскаго моря, и наши дѣды начинаютъ воздвигать крѣпости изъ камня. Обыкновенно крѣпость состояла изъ *дитинца*, или внутренняго города, или дѣтинца или *кремля*, и внѣшней ограды, называемой *кромнымъ* городомъ, или *острогомъ*. Стѣны складывались изъ большихъ камней, а вдоль стѣнъ прокапывались глубокіе рвы. По угламъ ставились круглыя или четырехугольныя башни, изъ которыхъ при помощи бойницъ можно было стрѣлять вдоль стѣнъ. Такъ укрѣплены были Москва, Новгородъ, Псковъ, Копорье, Орѣшекъ (теперешній Шлиссельбургъ), Ямъгородъ (нынѣшній Ямбургъ), Порховъ, Изборскъ и Гдовъ.

Остатки каменныхъ стѣнъ этихъ городовъ сохранились и до нашихъ дней. Такъ еще и теперь стоятъ въ развалинахъ, но съ ясно видимыми башнями, сводами, бойницами крѣпость Иванъ-городъ подлѣ Нарвы, Копорье, сохранились остатки старыхъ стѣнъ и въ Новгородѣ и въ Псковѣ.



Первыя пушки въ Москвѣ.

На мѣстахъ прежнихъ богатырскихъ заставъ и сторожей стали строить маленькіе городки, или острожки, укрѣпленные валомъ съ тыномъ и рвомъ, а на проѣздныхъ шляхахъ становились заставы. Многіе русскіе люди, не пожелавшіе прикрѣпляться къ землѣ и становиться въ подчиненіе къ помѣщику, уходили совсѣмъ за границу русской земли и селились по Дону и Днѣпру. Они никого не призна-

вали надъ собою и называли себя вольными людьми—*казаками*. Это были первые развѣдчики въ татарской землѣ и отъ нихъ отъ первыхъ узнавали русскіе люди, что дѣлается у татаръ.

Какъ и раньше при осадѣ городовъ, наши предки окружали тыномъ и рвомъ городъ и приближались къ нему на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Потомъ, связавши повозки обоза цѣпями и устроивъ на этихъ повозкахъ укрытіе для своихъ воиновъ, осторожно подкатывали телѣги къ стѣнамъ и съ этихъ телѣгъ начинали громить непріятеля каменными и чугунными ядрами. Такое сооруженіе изъ повозокъ лѣтописцы того времени называютъ «*гуляй-городомъ*».

Тяжело отозвалась татарская неволя и на военной нашей силѣ. Дружины Кіевскихъ князей, занимавшіяся наступательной, завоевательной войной, грозившія самому Царьграду, проводившія полъ-жизни въ заграничныхъ походахъ, то противъ грековъ и болгаръ, то противъ половцевъ и печенѣговъ, обратились въ войска для обороны. Сжалась и сократилась Русь. Надолго стала она неспособна наносить сама удары, но лишь оборонялась. Св. Александръ Невскій и Дмитрій Донской выдѣлились въ это время—и чѣмъ? Тѣмъ, что всегда наступали, не считая врага, а только спрашивая: гдѣ онъ? И была съ ними побѣда. Они укрѣпили свои княжества. При Александрѣ вновь расцвѣлъ и возвысился Новгородъ, при Дмитріи все выше и выше начала поднимать голову Москва. И вскорѣ кому-нибудь изъ нихъ нужно было признать себя младшимъ. Споръ между этими двумя русскими городами, до сихъ поръ жившими мирно, начался въ княженіе на Москвѣ правнука Дмитрія Іоанновича—Ивана III Васильевича...

26. Сверженіе татарскаго ига. Борьба Москвы съ Новгородомъ.

Зарею новой славы повѣяло при великомъ князѣ Иванѣ III надъ Русью. Чуждавшіеся русскихъ князей во время татарской неволи, инозе́мные государи снова вспомнили о Руси святой и великой. Только называли ее въ тѣ поры уже не Русью, а Московіей. Русь святая лежала въ обломкахъ. По Кіеву ходили татары и ляхи, и святая православная вѣра и весь старинный укладъ русской жизни блюлись въ Москвѣ. Московскихъ людей видали въ Ордѣ, съ Московскими людьми сносилась и распадавшаяся подъ ударами турокъ великая Греческая имперія. Дочь императора Греческаго, Софія Палеологъ, была просватана великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ III и не побоялась поѣхать въ далекую Московію. Вмѣстѣ съ нею въ Москву былъ переданъ и гербъ греческой Византійской имперіи—двуглавый черный орелъ. Гербъ этотъ сталъ гербомъ великаго княжества Московскаго, а потомъ и всей Россійской Имперіи. Мы видимъ и теперь двуглаваго орла на своихъ священныхъ знаменахъ и штандартахъ, мы видимъ его на монетахъ, на присутственныхъ зданіяхъ, на всемъ, что принадлежитъ государству. На пуговицѣ солдатской и на той, какъ знакъ того, что солдатъ принадлежитъ государству, выбитъ двуглавый орелъ.

Въ дни своей славы и могущества, Византійская греческая имперія избрала своимъ государственнымъ гербомъ орла. Орелъ съ давнихъ временъ считается царемъ птицъ, какъ левъ—царемъ звѣрей. И вотъ одни государи избрали знакомъ своего государства орла, какъ, напримѣръ, греки, австрійцы, нѣмцы, взявшіе его отъ стараго Рима, другіе—льва, какъ англичане, бельгійцы, абиссинцы. Орелъ былъ

Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту.

знакомъ Греческой имперіи и такъ какъ земли Греціи тогдашней шли отъ главнаго ея города Византіи, или Константинополя, на востокъ и на западъ, то и орлу своему греки нарисовали двѣ головы, одна глядитъ на востокъ и другая—на западъ.

На гербѣ великаго княжества Московскаго на груди орла изобразили старый гербъ Москвы—св. Георгія Побѣдоносца.

Какъ вѣра православная, принесенная греками на Русь при Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, толкнула Русь на путь славы и побѣдъ, такъ и двуглавый орелъ, новый гербъ московскій, оправдалъ себя. Маленькая одинокая Москва вскорѣ такъ расширилась, что теперь Московскій орелъ гордо смотритъ и навостокъ, и на западъ...

Съ Софіей Палеологъ въ Москву прибыло много грековъ, и скромный городъ съ маленькими и тѣсными кривыми улицами, застроенными крошечными бревенчатыми избами, начали застраивать большими и красивыми зданіями. Въ эти дни приступили и къ постройкѣ самаго стараго въ Москвѣ собора во имя Успенія Божіей Матери, собора, въ которомъ вѣнчались на царство князья и цари Московскіе, а теперь вѣнчаются Императоры Всероссійскіе.

Гордой греческой княжнѣ тяжело было сознавать, что мужъ ея находится въ зависимости отъ татаръ и платитъ имъ дань, и она стала требовать отъ Ивана, чтобы онъ порвалъ всякія отношенія къ татарамъ.

Когда къ нему въ 1480 году явились послы отъ хана требовать обычную дань, Иванъ III принялъ ихъ не униженнымъ данникомъ, а гордымъ великимъ

княземъ. Онъ порвалъ ханскую грамоту и бросилъ ее къ ногамъ пословъ. Нужно было ожидать мести со стороны татаръ. И, дѣйствительно, въ томъ же году ханъ Ахматъ двинулся съ громаднымъ войскомъ на Русь. Иванъ собралъ свой княжескій дворъ, собралъ дворянъ и городовые полки и занялъ всѣ переправы на Окѣ и Угрѣ. Ханъ не рѣшился напасть на наши полки и сталъ на другомъ берегу Угры. Между тѣмъ наступили морозы. Угра замерзла, казалось бы, татары могли напасть на русскихъ. Іоаннъ отошелъ къ городамъ Кременцу и Подольску. Ханъ Ахматъ не рѣшился преслѣдовать его, простоялъ безъ дѣла на Угрѣ до ноября и 11-го ноября ушелъ назадъ въ степь.

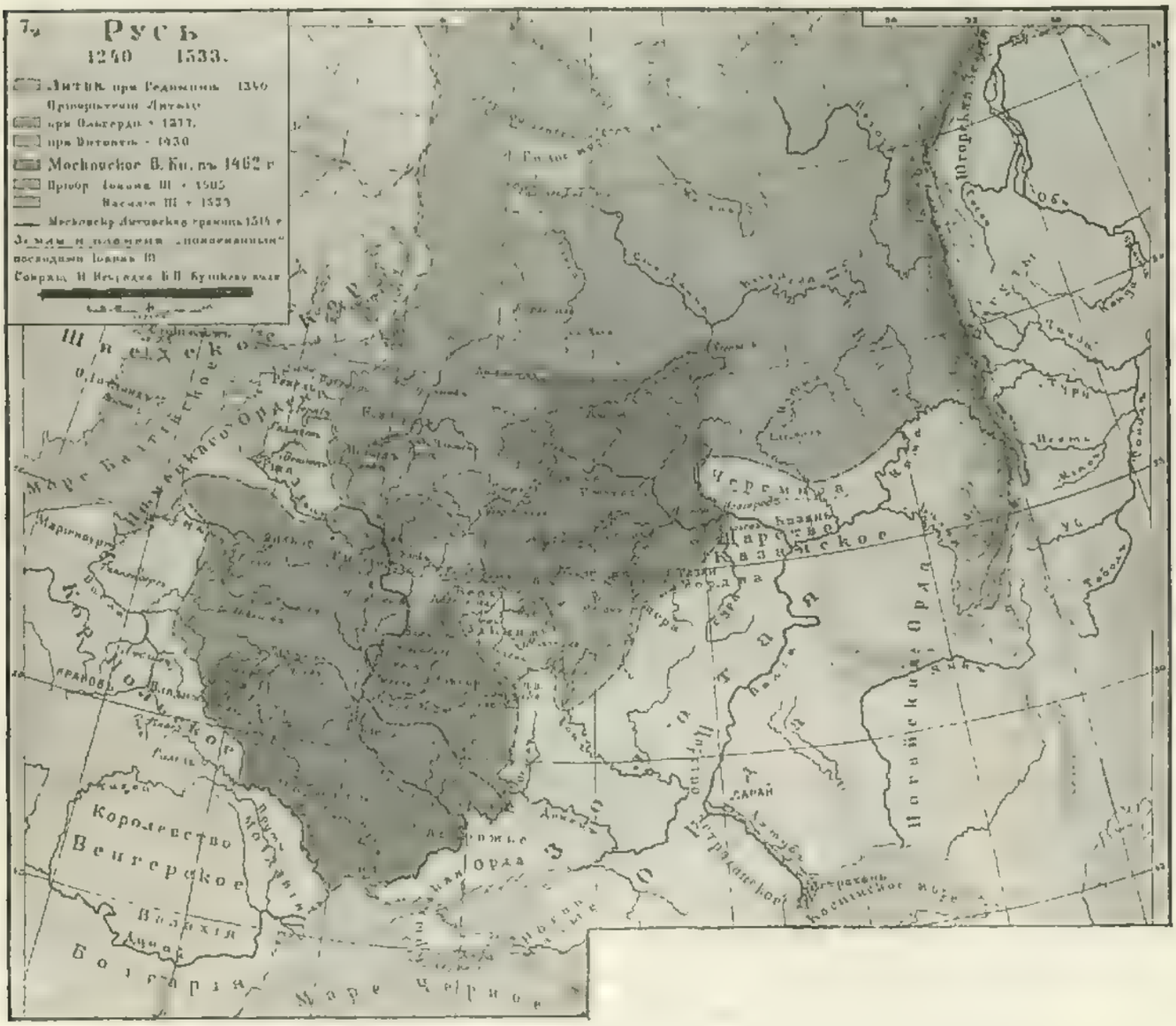
За годъ передъ этимъ, въ 1479 году, Иванъ III покорилъ Москвѣ и Новгородъ. Новгородская область, удаленная на сѣверъ, не была покорена татарами, и вольные повгородцы богато и весело жили, занимаясь торговлей. У нихъ сохранился древне-русскій обычай собираться на *вѣче*, нѣчто похожее на нынѣшнюю Государственную Думу, и выбирать здѣсь себѣ управителя, который назывался «посадникомъ».

Новгородцы не любили военнаго дѣла. Они были люди торговые. Дружина ихъ была не храбрая и не многочисленная. Когда пришла бѣда, они хотѣли передаться литовскому князю, но московскія дружины разбили ихъ ополченія, въ самомъ Новгородѣ обнаружилась измѣна, и вѣче рѣшило просить Ивана о пощадѣ.

Иванъ пощадилъ на первый разъ Новгородъ. Онъ взялъ съ него выкупъ, запретилъ передаваться Литвѣ и установилъ, чтобы архіепископъ новгородскій посвящался въ Москвѣ.

Безъ единаго царя и безъ князя, управляемый шумнымъ и говорливымъ вѣчемъ, Новгородъ скоро снова навлекъ на себя войну.

— Чего тамъ,—шумѣли новгородцы,—именовать намъ московскаго князя великимъ государемъ. Не желаемъ!



И въ бумагахъ, и письмахъ новгородцы перестали называть великаго князя Ивана великимъ государемъ. Иванъ пошелъ ихъ наказать. И въ то время, какъ войско его подходило къ Новгороду, говорливое вѣче, разбитое на партіи, шумѣло и кричало, не спѣша собирать дружины и городовой полкъ. Великій князь Иванъ обложилъ Новгородъ и, когда тамъ насталъ голодъ, вѣче перессорилось, лучшій новгородскій воевода, князь Шуйскій, перешелъ на сторону Москвы, и Новгородъ сдался...

На этотъ разъ Иванъ потребовалъ уничтоженія званія посадника и вѣча и самъ становился хозяиномъ Новгорода. Вѣчевой колоколъ былъ поставленъ на сани и въ февралѣ мѣсяцѣ 1479 года увезенъ изъ Новгорода въ Москву.

Но не унимались новгородцы. Не любо имъ было быть подъ Москвою. Нашлись измѣнники, что своего коренного русскаго князя имѣть не захотѣли, а пожелали идти подъ польскаго короля. Опять зашумѣло незаконно собравшееся вѣче.

Иванъ рѣшилъ покончить съ Новгородомъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ явился съ войскомъ подъ новгородскія стѣны. Недолго держались новгородцы и москов-

ское войско третій разъ прошлось по его улицамъ. Главные бунтари были казнены, часть новгородцевъ была переселена въ Москву, а земли Великаго Новгорода были розданы въ помѣстья московскимъ боярамъ и дворянамъ.

Это было крупное пріобрѣтеніе для Москвы. Изъ ближайшихъ къ ней русскихъ городовъ теперь только Смоленскъ и Псковъ были не въ ея власти. Но Смоленскъ принадлежалъ Литвѣ, и московскому войску пришлось вести рядъ тяжелыхъ войнъ съ Литвою, чтобы отобрать русскіе города у нея.

Началъ эти тяжелыя войны Иванъ III, но закончить ихъ пришлось внуку его, Іоанну IV Васильевичу, прозваннному Грознымъ.

27. Появленіе донскихъ казаковъ.

4-го декабря 1533 года скончался сынъ Ивана III, Василій Іоанновичъ, и на престолъ великихъ князей Московскихъ вступилъ трехлѣтній сынъ его, Іоаннъ.

Московское княжество къ этому времени достигло своихъ границъ. Уже не съ русскими городами, не съ княжескими дворами и не ихъ полками приходилось имѣть сношенія правившей за сына матери его, великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ, а съ иноземными государями. Польша и Литва стали сосѣдями Москвы на западѣ. И много коренныхъ русскихъ городовъ было въ рукахъ поляковъ. Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ, мать городовъ русскихъ, съ его святынями, — были во власти поляковъ. На сѣверѣ близко подошли шведы и нѣмцы, и берега Невы и Чудского озера, орошенные кровью новгородцевъ при Александрѣ Невскомъ, были въ рукахъ шведовъ. На востокѣ вся великая Волга, которую мы такъ привыкли считать русской рѣкой, была заселена татарами. Здѣсь властно правили цари казанскіе и астраханскіе, и только донскіе казаки, на легкихъ лодкахъ носясь по широкому простору Волги, оглашали звонкой русской пѣснью ея татарскіе берега.

На югѣ, сейчасъ за Рязанью, тянулась линія засѣкъ и заставныхъ острожковъ. За ними жили татары. Тамъ было широкое и дикое поле, тамъ росли дремучіе лѣса, и только отчаянные люди, люди, которымъ, какъ они сами про себя говорили, что имъ «либо въ стремя ногой, либо въ пень головой», шли въ это степное раздолье, чтобы тамъ въ боевой схваткѣ брататься съ татарами. Тамъ зарождалось великое войско донское. Тамъ по камышевымъ городкамъ, вдоль по тихому Дону, селились русскіе люди безъ страха. Туда шли отчаянные головорѣзы искать приключеній и счастья. Туда шли крестьяне, которыхъ тѣснили помѣщики. Туда шли тѣ, кто любилъ волю. Тамъ не спрашивали: кто ты и откуда? и почему къ намъ пришелъ? Тамъ былъ одинъ вопросъ: «въ Бога вѣруешь?» И всѣ, кто въ Бога вѣровалъ, кто крестился православнымъ крестомъ, становились здѣсь вольными людьми—донскими казаками.

Въ тѣ далекія времена казаки не занимались хлѣбопашествомъ. Они жили добычей. Не зря въ казачьей пѣснѣ и теперь поется—у насъ на Дону—не по вашему: не ткутъ, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ, а хорошо живутъ».—«Скучно станетъ, — поютъ казаки, — на Волгу пойдемъ, бѣдно станетъ — и денегъ найдемъ». Волга была кормилицей донскихъ казаковъ, но кормила ихъ не плодородными берегами, не глубокими, полными рыбой водами, а кормила кровавыми схватками съ татарами и грабежомъ ихъ купцовъ. Когда пропивалъ и проѣдалъ казакъ свою добычу, онъ шелъ на площадь и зычно взывалъ: «Атаманы, молодцы,

послушайте! На Волгу рыбки половить, или на Черное море, или на Хвалынское (Каспійское), кто со мною!»—И выходили казакъ за казакомъ. Они выбирали себѣ старшого, котораго называли атаманомъ, и подъ его предводительствомъ или верхомъ на коняхъ, или на легкихъ лодкахъ, пускались въ далекій путь. Они грабили татарскія селенія, нападали даже на турецкіе города и никого не боялись. Коренные русскіе люди, русскіе по роду своему, русскіе по вѣрѣ, они служили Государеву дѣлу. Это были лучшіе развѣдчики московскихъ дружинъ, лучшіе союзники и помощники русскихъ воеводъ. Подъ ударами мелкихъ казачьихъ шаекъ таяла орда незамѣтно, но вѣрно. Удаль казаковъ, ихъ смѣлые поиски въ самое сердце татарской земли увлекали за собою и русскихъ людей, и по ихъ примѣру все смѣлѣе и смѣлѣе обращались русскіе люди съ татарами.

Началось казачество во времена татарской неволи. Тогда уже первые смѣлые люди пошли въ самое сердце татарской земли, чтобы жить среди татаръ, жить набѣгами на нихъ и побѣдами надъ ними. Но особенно много русскихъ людей стало уходить въ казаки тогда, когда князья московскіе, чтобы удержать за собою дворянъ стали укрѣплять ихъ на землѣ и отдавать имъ крестьянъ. Многіе крестьяне не пожелали тогда быть крѣпостными у помѣщиковъ и ушли въ казаки.

При Іоаннѣ IV впервые упоминается въ грамотахъ о казакахъ, какъ о военной силѣ. Іоаннъ IV благодаритъ казаковъ за ихъ помощь во время войнъ съ Казанскимъ царствомъ.

Вскорѣ казаки оказали Московской землѣ громадную услугу и прославили имя донцовъ навсегда.

28. Великій князь Іоаннъ IV вѣнчается первымъ царскимъ вѣнцомъ. Походы на Казань.

Матери малолѣтняго великаго князя московскаго Іоанна Васильевича, во время управленія Москвою за сына, не мало пришлось потерпѣть отъ казанскихъ татаръ. Съ тѣхъ поръ, какъ Москва придвинулась къ Окѣ и по ней дошла и до Волги, Казанское царство стало такъ близко къ московской землѣ, что татары часто опустошали ея окраины. И мальчикомъ великій князь много слышалъ разговоровъ, много пережилъ и страховъ, и тревогъ отъ казанскихъ татаръ.

Мальчикъ росъ необыкновенный. Набожность и жестокость, доходящая до звѣрства, самымъ страннымъ образомъ перемѣшались въ немъ. Нрава былъ неукротимаго. Настойчивый, требовательный, властный.

Въ 1547 году Іоаннъ Васильевичъ достигъ совершеннолѣтія и торжественно вѣнчался уже не княжескимъ вѣнцомъ, а вѣнцомъ царскимъ, *Царемъ всея Руси*. И дѣйствительно, вся независимая ни отъ поляковъ, ни отъ шведовъ, ни отъ нѣмцевъ Русь была собрана уже вокругъ Москвы трудами князей московскихъ и побѣдами московскихъ войскъ. Первому Царю московскому, Іоанну Васильевичу, предстояло отнять у враговъ коренные русскіе города и начать наступательную войну противъ сосѣдей. Росла и ширилась Русь. Земли становилось мало. Нужно было добыть эту землю. Нужно было дать благосостояніе своимъ дѣтямъ и внукамъ и добывать землю должно было войско. Впереди крестьянина-землепашца, впереди купца пошелъ русскій воинъ. По политой его кровью землѣ прошелъ

плугъ землепашца, и подвигамъ русскихъ воиновъ, нашему воинству православному, обязаны мы всѣмъ, что мы имѣемъ.

Московскую Русь распирало во всѣ стороны. Нужно было дать мѣсто для избытка населенія, дать земли переселенцамъ.

Цари московскіе думали не о себѣ, не о своихъ дѣтяхъ, но готовили землю на много поколѣній впередъ. И теперь ихъ трудами мы пользуемся и не страшно намъ малоземелье потому, что есть, куда выселить избытокъ народа.

Молодой шестнадцатилѣтній царь рѣшилъ въ корнѣ положить конецъ татарской неволѣ, наступить татарамъ на самое сердце ихъ—захватить царство Казанское.

Въ ноябрѣ 1547 года по всѣмъ городамъ и селамъ, по помѣщикамъ и дворянамъ разосланъ былъ приказъ царскій собираться съ людьми, конями и оружіемъ въ городъ Владиміръ. 11-го декабря туда же отправился и Царь, а за нимъ повезли на многихъ саняхъ *пушечный и пищальный нарядъ*.

Была распутица. Вмѣсто морозовъ и снѣговъ шли дожди; крестьянскія лошади, которыхъ поставляли окрестныя села и деревни, еле волочили тяжелыя пушки. Отъ этого они пришли съ большимъ опозданіемъ, лишь къ февралю 1548 года. На бѣду настала снова оттепель и пушки тонули въ рыхломъ льду рѣки Волги. Передовой полкъ нашъ, переправившись кое-какъ къ Казани, оттѣснилъ татаръ въ городъ, но приступить къ осадѣ не могъ. Не было для этого снарядовъ. Простоявъ недѣлю подъ казанскими стѣнами, онъ отошелъ назадъ за Волгу.

Первый походъ на Казань кончился неудачей. Но молодой царь не смутился. Онъ увидѣлъ свои ошибки и рѣшилъ ихъ исправить. Въ томъ же году въ ноябрѣ мѣсяцѣ самъ царь прибылъ во Владиміръ, чтобы лично наблюдать за сборами войска. Къ 30-му ноябрю все было готово и царь приказалъ *наряду*, то есть артиллеріи, идти вмѣстѣ съ войсками. Этотъ годъ, напротивъ, зима стояла суровая. Тяжело пришлось московской рати. Люди обмерзали на ночлегахъ въ глухихъ лѣсахъ, грѣясь у костровъ. Но терпѣли ратные люди холодъ, помня присягу, и шли впередъ и впередъ. Опять въ февралѣ подошли къ Казани, и опять началась оттепель. Пошли дожди. Порохъ, положенный въ пушки, подмокалъ и стрѣлять было нельзя. По распустившейся, размокшей дорогѣ обозы съ продовольствіемъ не поспѣвали за войсками и вскорѣ въ войскахъ начался голодъ. Видя, что дальше оставаться подъ стѣнами Казани нельзя, Царь второй разъ отступилъ отъ этого города.

Эти два неудачные похода подъ Казань послужили царю Іоанну школою. Это были тѣ маневры и ученья, которые мы дѣлаемъ теперь въ мирное время, чтобы научиться все предвидѣть, все предусмотрѣть и умѣть водить войска, продовольствовать ихъ, управлять ими. На нихъ увидѣлъ Царь Іоаннъ, что зимнее время съ частыми перемѣнами погоды неудобно, что нужно выбрать другое время года. Его войска научились за эти походы ходить, обращаться съ оружіемъ. Въ первый походъ пошли мужики-новобранцы, изъ второго вернулись солдаты, готовые на подвиги. И когда Царь въ 1552 году задумалъ снова идти на Казань, онъ имѣлъ уже у себя вполнѣ готовое войско.

На этотъ разъ походъ объявленъ былъ лѣтомъ. Пѣхота должна была идти на судахъ судовою ратью, конница вдоль береговъ. Прибывшіе дворовые люди были заранѣе росписаны по полкамъ, и полная военная дисциплина была введена въ нихъ.

16-го іюня Іоаннъ направился въ Коломну. Но едва пронеслась по южнымъ степямъ вѣсть о томъ, что Царь со всѣмъ войскомъ ушелъ изъ Москвы, какъ союзникъ казанскихъ татаръ, крымскій ханъ, двинулся со всею ордою на Москву, Но царская Москва съ ея воеводами уже не боялась татаръ. Тульскій воевода. Григорій Темкинъ, отбилъ всѣ приступы татаръ на Тулу, и когда Іоаннъ получилъ объ этомъ донесенія, онъ продолжалъ свой путь къ Казани.

Крымскіе татары, разбитые русскими, бѣжали отъ Тулы.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Іоаннъ тронулся изъ Коломны. Впередъ пошелъ *яртаулъ*, подъ командою князей Шемякина и Троекурова. Подъ прикрытіемъ его шли плотники—*посошные люди*, взятые отъ сохъ для постройки мостовъ и устройства гатей на рѣкахъ и болотахъ. Въ тѣ времена путь отъ Коломны на Волгу пролегалъ черезъ густые, непроходимые лѣса. Медвѣди, волки, лисицы и рыси, лоси и олени кишѣли въ этихъ лѣсахъ. Рѣки были полны рыбой, и вся многочисленная рать Іоаннова продовольствовалась охотой. И это было лучшее ученье для ратниковъ. Стрѣлки изъ луковъ и пищалей научались мѣтко стрѣлять. люди, проводя дни то въ походѣ, то въ погонѣ за звѣремъ, становились легкими и увертливыми. Долгій походъ и охота замѣняли нашимъ дѣдамъ солдатское ученье. 16-го августа войска начали переправляться черезъ Волгу. Тяжелыя пушки, рубленныя изъ бревенъ башни, которыя подвозили къ стѣнамъ во время осады тащили на большихъ баржахъ. Три дня и три ночи тянулась переправа. 19-го августа русская рать расположилась станомъ въ виду Казани. Молодой Царь послалъ казанскому царю *Едигеру* письмо съ предложеніемъ сдать городъ. но Едигеръ отвѣтилъ бранью и предложеніемъ взять Казань силою. На другой день къ русскому Царю прибѣжалъ изъ Казани перебѣжчикъ, который разсказалъ, что въ Казани собрано много запасовъ, что 30-ти тысячное войско занимаетъ казанскія стѣны и что князь Япанча съ конныхъ войскомъ пошелъ на Арское поле, гдѣ строитъ засѣки и собираетъ, и, вооружаетъ жителей окрестныхъ деревень. У Япанчи было 30.000 конныхъ солдатъ которымъ было приказано непрерывно тревожить русское войско.

Сраженіе готовилось страшное и кровопролитное, но Іоаннъ IV не испугался этого и твердо началъ готовиться на приступъ.

29. Осада и взятіе Казани московскими войсками Царя Іоанна IV 2-го октября 1552 года.

Казань лежитъ недалеко отъ Волги, при сліяніи рѣчекъ Казани и Булака. Въ тѣ времена и по тогдашнему оружію, она была сильною крѣпостью. Въ серединѣ ея на высокомъ холмѣ былъ построенъ кремль. Стѣны ея были вырублены изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ въ два ряда, а промежутокъ былъ засыпанъ землею, камнями и пескомъ. 8 башень съ восемью воротами вели въ этотъ кремль. Внутри кремля стояли царскіе дворцы и большая магометанская мечеть съ пятью высокими башнями. Кругомъ кремля раскинулся городъ. Тѣсныя улицы, маленькіе домики съ плоскими крышами, ряды лавокъ — все это было окружено высокими дубовыми стѣнами съ 14-ю башнями и воротами. Тогдашняя артиллерія наша, стрѣлявшая каменными и желѣзными ядрами, не въ силахъ была ни пробить, ни

разрушить этихъ стѣнъ. Ядра увязали въ старомъ дубѣ, не пробивая даже его насквозь.

Къ востоку отъ города было единственое ровное мѣсто — Арское поле, но и оно крѣпко было защищено поваленными деревьями, образовавшими рядъ засѣкъ. Съ другихъ сторонъ Казань защищена была многочисленными рѣчками, озерами и болотами. Въ самой Казани, обильно снабженной продовольствіемъ, заперлось 30 тысячъ отборныхъ татарскихъ воиновъ. Они жаждали отомстить Іоанну IV за его первые два похода и они вѣрили въ побѣду.

Ихъ царевичъ Едигеръ вдохновлялъ ихъ.

— Два раза,—говорилъ онъ,—московы нападали на нашъ городъ и два раза со срамомъ уходили. Уйдутъ и третій и больше не придутъ. Мы пойдемъ за ними и возьмемъ и самую Москву и опять они будутъ платить намъ дань, и опять будутъ валяться у насъ въ ногахъ.

И вѣрили татары въ побѣду, и не боялись московскаго войска.

А московское войско 20-го, 21-го и 22-го августа 1552 года по шести мостамъ перешло черезъ р. Казанку. На разсвѣтѣ 23-го августа былъ назначенъ смотръ московской рати. На лѣвомъ берегу рѣчки Верхней Ички Іоаннъ распустилъ свое великое царское знамя. Тихо заколебалось оно подъ порывами утренняго вѣтра и ясно стало видно вышитое на немъ изображеніе Нерукотвореннаго Образа Спасителя, а на древкѣ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, засверкалъ золотой крестъ. Крестъ этотъ былъ и при Дмитріи Донскомъ во время Куликовской битвы [1]). И къ знамени этому со всѣхъ концовъ великаго стана московскаго съѣхались воеводы и собралась царская дружина. Всѣ слѣзли съ коней, тѣсно обступили Царя и тихо, и стройно, въ одинъ голосъ и немного въ носъ, какъ пѣли тогда русскіе люди и какъ теперь поютъ старообрядцы, запѣли молебенъ. Широкимъ крестомъ крестилось православное воинство, впервые призванное послѣ Святослава не оборонять, но наступать и завоевывать Руси Великой новыя земли. Каждый сознавалъ, какъ велика и трудна задача, данная ему, и молился истово и усердно. Кончился молебенъ. Молодой Царь обернулся къ войскамъ и сказалъ:

— «*Князья, бояре и воеводы!* — сказалъ онъ и звучно раздался его голосъ среди напряженно слушавшей толпы, — *Пристало время нашему подвигу — сразиться за вѣру. Призывая на помощь милосерднаго Бога и не сомнѣваясь ни въ чемъ, потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за святую нашу вѣру христіанскую, за единородныхъ нашихъ братьевъ, много лѣтъ плѣненныхъ и жестоко страдающихъ отъ безбожныхъ казанцевъ; вспомнимъ слово Христово: ничто-же сею больше, еже души полагать за други своя,— припадемъ чистыми сердцами къ Создателю Нашему Христу, попросимъ у Него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ и не порадуются враги наши погибели нашей. Да и намъ послужите, сколько вамъ Богъ поможетъ; не пощадите головъ своихъ за благочестіе: оно—не смерть, а животъ; если не нынѣ, то когда-нибудь умремъ, а отъ этихъ безбожныхъ,*

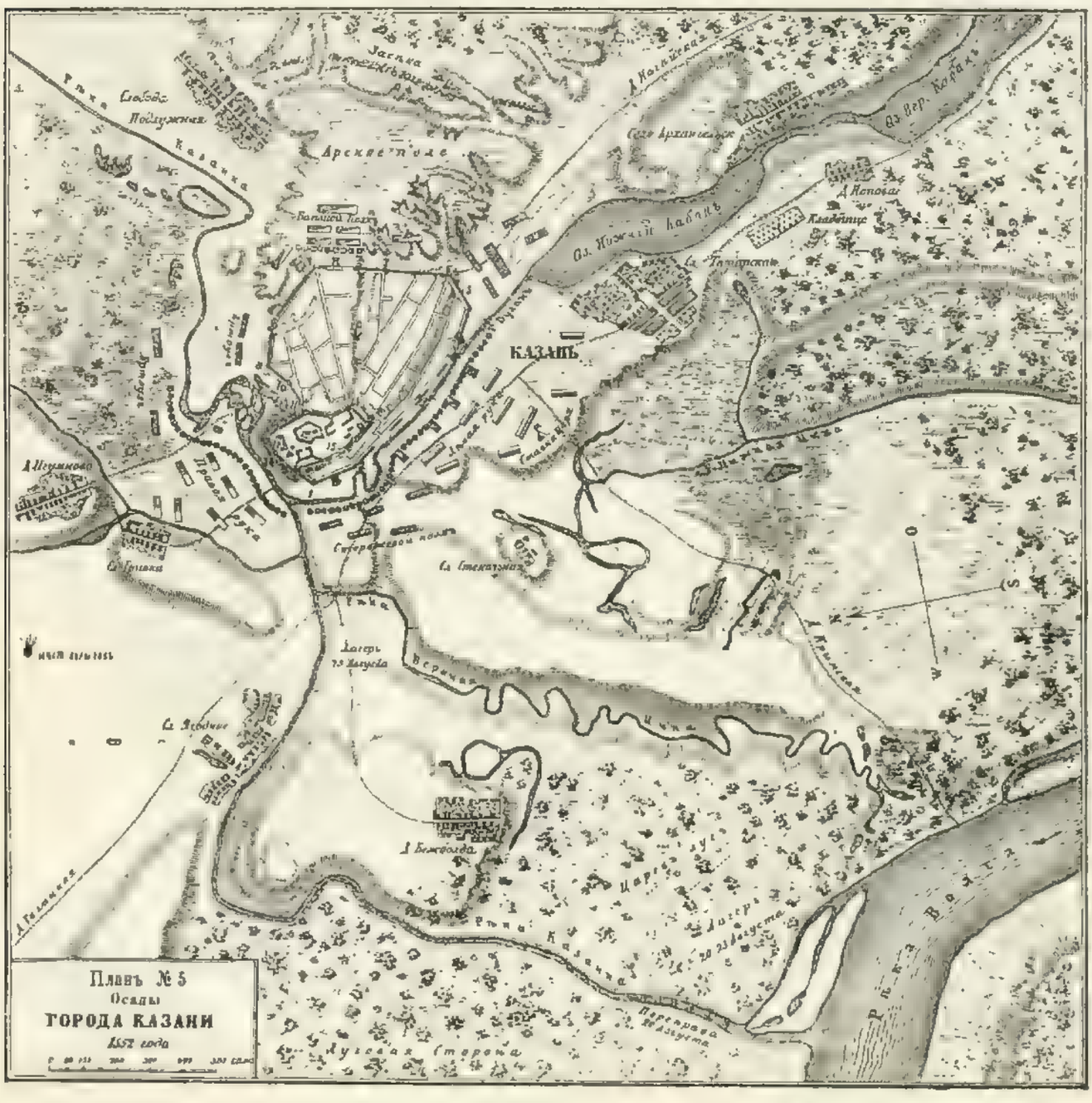
[1]) Люди, находящіеся въ полкахъ, расположенныхъ въ Москвѣ или подъ Москвой, а также пріѣзжающіе въ Москву, могутъ видѣть это знамя и теперь. Оно хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

какъ впередъ избавиться? Я съ вами самъ пришелъ на это; лучше хочу здѣсь умереть, нежели видѣть, за грѣхи свои, Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ мучимыми отъ безбожныхъ казанцевъ. Можетъ статься, милосердый Богъ, видя неотложную нашу вѣру и подвиги за благодать, дастъ намъ помощь, по волѣ Своей: и я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ, своею любовью и вознаградить недостатки ваши, сколько милосердый Богъ поможетъ; а кому случится пострадать, я радъ женѣ ихъ и дѣтей вѣчно жаловать».

Тихо, съ непокрытыми головами прослушали царское слово ратники, воеводы, бояре и князья. И слезы повернулись у нихъ на глазахъ. И завѣтнымъ желаніемъ каждаго было умереть за Царя и за Русь...

Іоаннъ сѣлъ на коня и приказалъ расходиться по мѣстамъ и начинать наступленіе. Тихо было въ городѣ и, казалось, что онъ никѣмъ не занятъ, что татары бросили его совсѣмъ... Но татары только притаились.

Едва *яртаулъ* — по нынѣшнему авангардъ, силою около семи тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ князей Юрія Шемякина и Ѳедора Троекурова, сталъ



подходить къ городскимъ стѣнамъ и былъ всего въ 200 саженяхъ отъ Казани, на него выскочило 5 тысячъ конныхъ и 10 тысячъ пѣшихъ татаръ и атаковали его. Ударъ ихъ былъ такъ силенъ и рѣшителенъ, что наши дрогнули... Но на помощь подоспѣли другіе воеводы съ ручными пушками, и татары были прогнаны. Этимъ началось сраженіе. Наши войска заняли свои мѣста, окружили Казань, стали въ 100 саженяхъ отъ ея стѣнъ и начали готовить артиллерію для того, чтобы пробивать казанскія стѣны. Ночь прошла спокойно.

На другой день, надъ русскимъ станомъ пронеслась жестокая буря. Посрывала шатры, опрокинула царскую палатку, подняла волну на Волгѣ и потопила много барокъ съ продовольствіемъ. И были тогда въ нашемъ станѣ многіе малодушные, которые полагали, что имъ придется отступить со срамомъ. Но иначе думалъ молодой Царь. Онъ послалъ гонцовъ съ приказаніемъ заготовлять новое продовольствіе и продолжилъ осаду, рѣшивъ даже зимовать подъ Казанью, если раньше Казань не сдасся.

Московскіе люди, тѣмъ временемъ, плели изъ ивовыхъ прутьевъ большіе круглые плетни, называемые *турами*, насыпали ихъ землею и подвигали къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Мѣстами рыли рвы и ставили тынъ, такъ постепенно окружали они казанскія дубовыя стѣны своими земляными. За турами устанавливали тяжелыя пушки. Татары пытались мѣшать этимъ работамъ. Изъ городскихъ воротъ вылетала ихъ конница и стремительно атаковала нашихъ рабочихъ, но ихъ прикрывали донскіе казаки, пришедшіе на помощь Іоанну, и русскія конныя дружины. Въ храброй сѣчѣ они побивали татаръ и прогоняли ихъ опять въ городъ. Не забудемъ, что бои происходили на маломъ пространствѣ, всего триста шаговъ отдѣляли насъ отъ татаръ, голоса были слышны и вся жизнь города доносилась до нашихъ войскъ, работавшихъ подъ казанскими стѣнами.

Когда кругомъ Казани была устроена другая крѣпость изъ плетней и земли, русскіе заняли ея стѣны и начался орудійный и пищальный бой. Тогда о бездымномъ порохѣ и помину не было. Съ каждымъ выстрѣломъ изъ пушечнаго жерла вылетали громадные клубы бѣлаго дыма. Они закутывали совершенно крѣпость и въ тихую, безвѣтряную погоду ничего нельзя было видѣть нѣсколько минутъ. Громъ пушекъ былъ ужасенъ. Ихъ заряжали тогда съ дула, насыпали порохъ, потомъ закатывали ядро, послѣ этого въ отверстіе, имѣющееся въ казенной части, вставляли пальникъ, который тихо тлѣлъ, пока не раздавался громовой ударъ выстрѣла, вылетало яркое пламя и большіе, точно облако, клубы бѣлаго дыма. Татары отвѣчали тѣмъ же. На городскихъ стѣнахъ появились ихъ воины и на нашу пальбу отвѣчали стрѣльбою изъ ручныхъ пушекъ, или пищалей, изъ луковъ и метали въ нашихъ камнями. До 150 орудій, большихъ пушекъ, мортиръ и малыхъ такъ называемыхъ гаковничныхъ пушекъ (гаубицъ, по нынѣшнему) громили день и ночь казанскія стѣны, и скоро всѣ большія пушки казанцевъ были подбиты. Но русскому войску грозила бѣда съ другой стороны.

Татарскій князь Япанча, оставшійся почти со всею конницею внѣ Казани, въ лѣсу за Арскимъ полемъ, мѣшалъ подвозу продовольствій къ нашимъ войскамъ, и голодъ угрожалъ уже осаждающимъ. Малепькими конными отрядами выслѣживалъ онъ и нападалъ на русскіе обозы, тревожилъ нашу конницу и сильно мѣшалъ осадѣ. Тогда Іоаннъ, послѣ совѣта съ боярами, рѣшилъ отдѣлить большой конный отрядъ для борьбы съ Япанчею. Отрядъ этотъ былъ порученъ князю Шуйскому

Князь Шуйскій выманилъ конницу Япанчи изъ лѣса и потомъ атаковалъ ее казаками и русскими конными дружинами. Отрѣзанные отъ лѣса, татары дрались отчаянно. Большая часть ихъ была перебита въ кровавой сѣчѣ и болѣе трехсотъ взято въ плѣнъ. Іоаннъ приказалъ привязать этихъ плѣнниковъ къ кольямъ и выставить ихъ на нашихъ окопахъ. Онъ думалъ, что жалкій видъ плѣнниковъ разжалобитъ татаръ и заставитъ ихъ скорѣе сдать городъ. Но не таковы были татары. На стѣнахъ появился священникъ татарскій — *мулла*, и громко крикнулъ: «умрите лучше отъ нашихъ стрѣлъ, нежели погибать отъ рукъ проклятыхъ христіанъ». Послѣ этого выступили татарскіе лучники и, пустивъ тучи стрѣлъ, разстрѣляли несчастныхъ плѣнниковъ.

Но, несмотря на пальбу, продолжавшуюся уже больше недѣли, татарскія стѣны не поддавались. Тогда, 31-го августа, Іоаннъ призвалъ бывшаго при войскѣ ученаго нѣмца, называвшагося тогда *размысломъ*, а по теперешнему говоря—инженера, и приказалъ ему устроить подкопъ отъ рѣки Булака между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Кромѣ того, приказано было устроить подкопъ и подъ водопроводъ, шедшій отъ ключа близъ рѣки Казанки и снабжавшій осажденныхъ водою.

И вотъ, прорыта была глубокая подземная дорога, которая проходила подъ казанскія стѣны. Наконецъ, копавшіе услыхали надъ собою татарскіе голоса. Это говорили татары, ходившіе къ стѣнѣ за водою. Это показало *размыслу*, строившему подкопъ, что онъ конченъ. Тогда вкатили туда нѣсколько бочекъ съ порохомъ, провели фитили и 4-го сентября взорвали ихъ. Взрывъ былъ ужасенъ. Взлетѣлъ на воздухъ не только водопроводъ, но часть стѣны со всѣми бывшими на ней защитниками.

Ужасъ и смятеніе охватили татаръ. Этимъ смятеніемъ воспользовались наши войска и ворвались сквозь проломъ въ городъ. Но татары сейчасъ же оправились. Они начали лить на врывавшихся въ крѣпость воиновъ кипящую смолу, кидать каменья, лить расплавленное олово и кипятокъ. И русскіе отхлынули. Не пасталъ еще послѣдній часъ Казани!

Тогда наши завалили источникъ, снабжавшій татаръ водою, падалью и нечистотами. Среди казанцевъ отъ употребленія худой воды начали развиваться болѣзни, половина защитниковъ валялась по койкамъ и большое уныніе было среди татаръ.

А Іоаннъ дѣятельно готовился къ новому приступу. И днемъ, и ночью объѣзжалъ онъ свои войска, обращаясь съ милостивымъ словомъ къ воинамъ, раздавая награды за храбрость. Наши пушки громили казанскія стѣны и ночью, какъ записалъ лѣтописецъ,—«*да не опочиваютъ поганіи*».

6-го сентября князь Шуйскій съ конницей и казаками выступилъ въ Арскій лѣсъ, чтобы прикончить съ Япанчею. Тамъ, въ глубинѣ лѣса стоялъ высокій деревянный острогъ, въ которомъ заперся Япанча съ остатками своей конницы. Шуйскій разгромилъ его артиллеріей, выгналъ татаръ и почти всѣхъ изрубилъ. Потомъ онъ прошелъ далеко за Казань, дошелъ до р. Камы и на 150 верстъ разорилъ страну, и пожогъ дома казанскихъ князей и помѣщиковъ. Громадные гурты скота, десятки тысячъ овецъ и барановъ пригналъ князь Шуйскій изъ набѣга, продолжавшагося 10 дней.

Но настала осень. Полили дожди. Наши воины мокли въ окопахъ и на валахъ укрѣпленій. Появились болѣзни. Народъ былъ темный. Въ войскѣ не только

простые ратники, но и сотники, и воеводы, и князья вѣрили въ колдовство. Въ полкахъ казанскихъ разсказывали, что казанцы высылали на стѣны нечистую силу, и та наводила на русскихъ дожди и болѣзни. Тогда Іоаннъ привезъ изъ Москвы животворящій крестъ. Отслужили молебенъ, обнесли крестъ кругомъ войска, и настала хорошая осенняя погода. Стали ясные дни.

Наши предки, стоя передъ казанскими стѣнами, выдумывали все новыя и новыя средства нанести уронъ татарскому войску. Дьякъ Вырубовъ построилъ въ двухъ верстахъ отъ Казани на Арскомъ полѣ громадную бревенчатую башню. Была она, по запискамъ тогдашнихъ людей, шести сажепей вышины. Ее вооружили 10-ю большими пушками и 50-ю малыми, на вершину ея поставили лучшихъ стрѣлковъ и ночью подкатили къ казанскимъ стѣнамъ. Эта башня была выше стѣнъ, съ нея отлично было видно все, что дѣлалось въ Казани и наши воины начали избивать татаръ въ улицахъ. Защитникамъ Казани пришлось прятаться въ подземельяхъ, въ рвахъ подъ стѣнами, и стрѣльба татарская начала затихать. Подъ прикрытіемъ этой подвижной башни наши войска пододвинули свои туры къ самой крѣпости и заняли рвы у крѣпостныхъ стѣнъ.

Тогда татары сдѣлали отчаянную вылазку. Воспользовавшись послѣобѣденнымъ отдыхомъ въ нашемъ станѣ, они стремительно налетѣли на передовой отрядъ князя Воротынскаго и уже захватили было артиллерію. Но подоспѣли сосѣднія дружины, артиллерія была спасена и татары прогнаны.

Къ 30-му сентября наши *розмыслы* окончили подкопъ подъ главныя Арскія ворота крѣпости. Окопъ взорвали. Съ трескомъ полетѣли вверхъ дубовыя балки, камни и пыль. Въ образовавшійся проломъ кинулась дружина князя Воротынскаго. Завязался страшный рукопашный бой. Грудь съ грудью столкнулись татары и русскіе. Отъ лязга мечей и копій, отъ ударовъ по металлическимъ доспѣхамъ не слышно стало голосовъ. Въ тѣснотѣ проходѣ татары хватали нашихъ воиновъ за руки и мѣшали дѣйствовать оружіемъ. Часть нашихъ воиновъ ворвалась въ казанскія улицы. Воротынскій послалъ гонца просить у Іоанна помощи, считая, что Казань уже взята. Но Іоаннъ приказалъ отступить. Еще не достаточно были потрясены татары, чтобы сдать Казань...

Спѣшно заканчивали въ русскомъ войскѣ подкопы подъ казанскія стѣны. А татары на мѣстахъ проломовъ ставили туры, заваливали ихъ камнями и вмѣсто каменныхъ стѣнъ насыпали земляныя укрѣпленія.

Наконецъ, 1-го октября «приблизился часъ всѣмъ испить общую чашу», какъ отмѣтилъ этотъ день лѣтописецъ, участникъ взятія Казани.

Іоаннъ прислалъ татарскому Царю гонца съ предложеніемъ сдачи.

«Все равно, — писалъ онъ, — Казань будетъ взята. Лучше избѣжать лишней крови»...

— Всѣ помремъ, или отсидимся!—гордо отвѣчали татары.

Тогда Іоаннъ назначилъ приступъ на 2-е октября.

Утромъ 1-го октября всѣ православные воины пріобщились святыхъ тайнъ, готовясь къ смертному бою. Съ полудня загремѣли пушки, а рвы начали наполнять лѣсомъ и рубить мосты. Первыми въ Казань должны были идти казаки. За ними полки боярскихъ дворовыхъ людей подъ начальствомъ лучшихъ дворянъ. Каждому полку былъ указанъ проломъ, въ который онъ долженъ былъ кинуться. За первой линіей шла вторая, главная линія. Ею командовали воеводы: князь

Воротынскій, князь Хилковъ, князь Троекуровъ, князь Андрей Курбскій, Семенъ Шереметевъ и Дмитрій Плещеевъ. Наконецъ, въ третьей линіи шла царская дружина. Всѣ дороги, ведшія къ Казани, съ поля, были заняты полками. Войска должны были быть готовы къ 3-мъ часамъ утра и ждать взорванія подкоповъ, послѣ чего кинуться на приступъ.

Никто не спалъ въ эту темную осеннюю ночь. Но тихо было въ русскомъ станѣ. Съ біеніемъ сердецъ, съ короткою молитвою проводили эту ночь и воеводы, и князья, и дѣти боярскія, и дворовые люди, и ратники, и казаки.

Въ 1-мъ часу ночи князь Воротынскій прислалъ къ Іоанну гонца извѣстить, что подкопы готовы и заряжены 48 бочками пороха, или, какъ тогда называли порохъ, *зелія*.

— Татары услыхали наши работы,—взволнованно говорилъ гонецъ.—Они будятъ свои войска. Медлить нельзя. Еще часъ, другой и они изготовятся къ бою. Въ подземныхъ ходахъ слышенъ стукъ телѣгъ и грохотъ подвозимыхъ пушекъ...

— Нашъ часъ насталъ,—медленно проговорилъ Іоаннъ и приказалъ окружавшей его дружинѣ передать приказъ о взрывѣ.

Опытные *розмыслы* подожгли пороховые нити и все напряглось въ рускомъ станѣ. Минуты казались часами. И вдругъ—ба-бахъ!.. раздался одинъ, другой, третій взрывы и въ тишинѣ октябрьской ночи ревомъ отдались о далекіе лѣса. Яркимъ пламенемъ вспыхнули они, зажгли бревна стѣнъ и хворостъ туровъ и запылали пожаромъ. Дикимъ ревомъ отвѣтили на эти взрывы татары и бросились занимать проломы.

Іоаннъ въ это время молился въ походномъ церковномъ шатрѣ. И первый взрывъ раздался тогда, когда діаконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія и произносилъ слова:

«*И будетъ едино стадо и единъ пастырь*»...

— Хорошій знакъ,—говорили кругомъ бояре,—скоро Русь будетъ вся единая, съ однимъ великимъ Царемъ!

Во время великой ектеніи, когда діаконъ произносилъ слова: «и покорите подъ ноги его всякаго врага и супостата»—загремѣли новые взрывы и всѣмъ стало ясно, что побѣда за нами, что Господь Богъ съ нами.

И черезъ гонцовъ узнали это въ передовыхъ полкахъ.

При громѣ пушекъ, съ восторженными кликами: «съ нами Богъ!» бросились наши дружины въ проломы. Но татары не оробѣли. Стѣны копій встрѣтили нашихъ ратниковъ. Кипящая смола лилась со стѣнъ, кипяткомъ и раскаленнымъ пескомъ бросали въ лица нашихъ воиновъ. Сѣча стала неистовой. Но, вотъ, татары сломлены и русскія дружины ворвались въ городъ и побѣжали по улицамъ. Но здѣсь видъ богатыхъ лавокъ, парчи и шелка, мѣховъ и серебра привлекъ вниманіе воиновъ. Забывши священный долгъ каждаго воина бороться до конца, до полной побѣды, наши дѣды бросились грабить. Ряды борющихся на городскихъ стѣнахъ стали рѣдѣть. Татары ободрились... И дрогнули наши. Дрогнули и побѣжали. Все смѣшалось. Еще минуту тому назадъ побѣдоносныя, дружины наши бѣжали теперь безпорядочными толпами съ криками «сѣкутъ, сѣкутъ»!

Іоаннъ находился въ это время съ 20-ти тысячною дружиною у стѣнъ города на Арскомъ полѣ. Увидавъ бѣгущихъ, онъ поблѣднѣлъ.

— Неужели!—подумалъ онъ,—и этотъ славный штурмъ отбитъ!

Его дружина спѣшилась. Высоко подняли стягъ Іоанновъ надъ головою царя, и къ нему начали сбираться бѣглецы. Тогда величаво двинулась царская дружина въ городъ. Въ серединѣ, подъ знаменемъ вели подъ уздцы Іоаннова коня, и царь въѣзжалъ впервые въ заповѣдный городъ, окруженный лучшими своими воинами. И при видѣ этой рати, закованной въ тяжелые доспѣхи, украшенные золотомъ и серебромъ, испугались татары. Едигеръ съ остатками своего войска заперся въ кремлѣ, въ ханскомъ дворцѣ. Полтора часа еще длился бой подъ стѣнами дворца. Наконецъ, нашимъ удалось отбить ворота и ворваться во дворецъ.

Здѣсь на самомъ видномъ мѣстѣ татары выставили красивыхъ женщинъ Казани въ лучшихъ, ткаными золотомъ и убранныхъ драгоцѣнными камнями уборахъ. Но воины царской дружины прошли мимо нихъ, не посмотрѣвши. Они знали свое дѣло. Они истребляли остатки татарской рати и искали царя казанскаго Едигера.

И вдругъ, на башнѣ кремлевской они увидали смятеніе. Татарскіе воеводы въ лучшихъ доспѣхахъ вывели на нее Едигера и, замахавъ бѣлыми платками и клапяясь, давали знать, что они сдаются.

Стихъ бой. Тяжело дыша, вытирая ладонями горячій потъ и грязь, обступили наши дружинники башню...

Тогда вышелъ на край ея татаринъ, говорившій по русски и громкимъ голосомъ сказалъ:

—«Нока стоялъ нашъ городъ и главное мѣсто наше, гдѣ былъ царскій престолъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за городъ; теперь отдаемъ вамъ царя живого и здороваго, ведите его къ своему Царю! А мы выйдемъ на широкое поле, испить съ вами послѣднюю чашу!»

И сдавъ Царя съ тремя вельможами, татары пустили въ нашихъ тучу стрѣлъ и бросились къ рѣчкѣ Казанкѣ. Но здѣсь ихъ встрѣтили князья Курбскіе съ копницей и перебили ихъ всѣхъ до одного.

Казань пала. Съ разрушенными стѣнами и башнями, заваленная трупами убитыхъ защитниковъ, досталась она нашимъ дѣдамъ. Іоаннъ приказалъ очистить ея улицы, прошелъ въ ханскій дворецъ, милостиво припялъ въ немъ Едигера, а потомъ вернулся въ свой станъ и отслужилъ благодарственный Господу Богу молебенъ.

Донскіе казаки, участвовавшіе во взятіи Казани, сложили про свои подвиги пѣсню. Пѣсня эта дошла и до насъ. Вотъ она:

На усть было матушки Волги рѣки
Собирались казаки-охотники,
Донскіе казаки сы Яицкими;
Атаманушка былъ у казаковъ
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Есаулушка былъ у казаковъ
Съ тихаго Дона Донской казакъ,
Тотъ Гаврюшка, сынъ Лаврентьевичъ.
Ермакъ заговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— «Вы, други мои, Донскіе казаки,
Донскіе, Гребенскіе сы Яицкими!
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте:

Проходитъ, други, лѣто теплое,
Настаетъ зима холодная—
И гдѣ то мы, други, зимовать будемъ?
На тихій Донъ идтить—переходъ великъ,
А на Яикъ пойтить—такъ ворами слыть,
А подъ Казань грести—Государь стоитъ,
У Государя силы много-множество,
Немного, не мало: сорокъ тысячей,
Тамъ намъ, казакамъ, быть половленнымъ,
По темнымъ темницамъ поразсаженнымъ,
А мнѣ, Ермаку, быть повѣшеннымъ
Надъ самой матушкой Волгой рѣкой!»
Тутъ не черныя черни зачернѣлися,
Не бѣлые снѣжочки забѣлѣлися,
Зачернѣлись лодки-коломенки,
Забѣлѣлись парусы бязинные,
Тутъ казаки поиспужалися,
По темнымъ лѣсамъ разбѣжалися,
Одинъ оставался атаманушка,
Тотъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ;
Онъ рѣчь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
— «Ой вы, други мои, Донскіе казаки!
Донскіе, Гребенскіе сы Яицкими!
А чтожъ вы, други, попужалися?
По темнымъ лѣсамъ разбѣжалися?
Это ѣдетъ къ намъ посланникъ царевъ.
Садитесь вы въ лодки коломенки,
Забивайте кочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловыя,
Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
По матушкѣ Волгѣ, подъ Казань городъ,
Я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду,
Я самъ Государю отвѣчать буду!»
Пристали къ крутому красному бережку,
Выкидали потопчины [1]) дубовыя,
Выходили на крутъ красный бережокъ.
Тутъ то Ермакъ убирается,
Тутъ то Тимофѣевичъ снаряжется,
Вздѣваетъ сапожки сафьяновые на босу ножку,
Кармазинную черкеску на опашечку,
Соболиную шапочку на правый бочекъ;
Идетъ Ермакъ къ самому Царю,
Къ томъ шатру полотняному,
Идетъ Ермакъ отряхается,

[1]) Потопчины—мостки.

А Государь глядитъ въ окно, улыбается.
Пришолъ Ермакъ къ самому Царю.
Сталъ Государь его спрашивать:
— «Хорошъ, пригожъ молодецъ народился,
Въ три ряды черны кудри завивался
На каждой кудринкѣ по жемчужинкѣ—
Не ты-ли Ермакъ Тимофѣевичъ?
Не ты-ли воровской атаманушка?
Не ты-ли ходилъ гулялъ по синю морю?
Не ты-ли разбивалъ бусы-корабли?
Татарскіе, мужичьи, мои Государевы?»
Ермакъ говоритъ, какъ труба вструбитъ:
— «Батюшка, надежда, свѣтъ великій Государь!
Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были морскіе охотники,
Ходили, гуляли по синю морю
Немпого, немало, ровно тридцать лѣтъ,
Разбивали мы бусы-корабли:
Татарскіе, мужичьи, Государевы,
Которые были не орленые,
Признавали мы ихъ за фальшивые:
Коли-бъ они были Государевы,
На нихъ были орлы двуглавые,
А то они—не гербованные!»
Государь возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— «Хорошо, Ермакъ, на судѣ стоялъ,
Хорошо передъ Государемъ отвѣтъ держалъ,
Но ой! Ты удалый, добрый молодецъ,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Достань ты мнѣ славный Казань городъ,
Возьми у меня силы сколько надобно!»
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— «Батюшка, надежда, свѣтъ великій Государь!
Не надо мнѣ твоей силы много-множества,
Прикажи идти съ Донскими казаками-охотниками,
А ты подойди со своею арміею
Подъ славный подъ Казань городъ,
А я на бѣлой зарѣ двери растворю
И армію въ городъ впущу!»
— «Ой, мой удалый, добрый молодецъ
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Какъ знать войдитъ въ Казань городъ?
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— «Батюшка, надежда, свѣтъ великій Государь:
Если рыть подкопы глубокіе подъ Казань городъ,

Закатить боченки зелья лютаго,
Поставлю тебѣ двѣ свѣчи воску яраго
И поставлю часового своего надежнаго,
Донского казака, есаулушку любимаго—
Ты узнаешь, какъ въ Казань городъ войти;
Какъ догорятъ двѣ свѣчи воску яраго!»
Скликаетъ Ермакъ Тимофѣевичъ донскихъ казаковъ:
— «Ой вы, Донскіе казаки-охотники,
Вы Донскіе, Гребенскіе сы Яицкими!
Садитесь вы въ лодочки-коломенки,
Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ рѣкѣ
Въ тотъ славный Казань городъ,
Къ тому повелителю Казанскому!»
Пріѣзжаетъ Ермакъ въ Казань городъ,
Встрѣчаютъ его жители казанскіе,
Берутъ Ермака подъ бѣлы руки,
Ведутъ къ повелителю Казанскому,
Въ тѣ палаты бѣлокаменныя.
Видитъ повелитель, радуется,
Ермаку Тимофѣевичу низко клапяется,
Беретъ Ермака за праву руку,
Ведетъ въ палаты бѣлокаменныя,
Сажаетъ за столы дубовые,
За скатерти шелковыя,
Ставитъ явство сахарное,
Пойло ставитъ разнопьяное.
Тутъ Ермака повелитель началъ просить:
— «Ой ты, Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Помоги отстоять Казань городъ!»
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— «Могу отстоять, когда послушаешь:
Я займу мѣста притинныя,
Поставлю свои караулы крѣпкіе
Надъ пушками долгомѣрными
И буду стрѣлять отъ Царя Бѣлаго!
Ой вы, мои Донскіе казаки,
Занимайте мѣста притинныя,
Становите свои караулы крѣпкіе
Надъ тѣми воротами уѣздными,
Переворачивайте пушечки долгомѣрныя
Во славной во Казань городъ,
Отбивайте со вратовъ засовы желѣзные.
Поставьте знаменько Царя Бѣлаго!»
На бѣлой зарѣ на утренней
Воску яраго свѣчи догораютъ,
Глубокіе подкопы разрываются

Стѣны каменныя разваливаютъ;
Царя Бѣлаго армеюшка во врата убирается,
Нашъ Бѣлый Царь радуется,
Входитъ въ славный во Казань городъ,
Впередъ Ермака Государь здравствуетъ:
— «Поздравляю тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, съ радостью!»
— «А тебя Государь, поздравляю съ побѣдою!»
Беретъ Государь Ермака за праву руку,
Ведетъ по славному городу Казанскому,
Выходитъ, Государь, во чисто поле,
Разставляетъ шатры полотняные,
Призываетъ Ермака Тимофѣевича.
Государь возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ.
— «Ой ты, удалой мой, добрый молодецъ,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Чѣмъ ты хочешь, тѣмъ буду жаловать:
Селами или подселками,
Или великими городами, помѣстьями?»
Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ:
— «Батюшка, надежда, свѣтъ великій Государь!
Не жалуй ты меня городами, поселками
И большими помѣстьями—
Пожалуй ты намъ тихій Донъ
Со вершины до низу, со всѣми рѣками, потоками,
Со всѣми лугами зелеными,
И съ тѣми лѣсами черными.

Эта очень старая пѣсня, сочиненная донскими казаками, подтверждаетъ и то, что дошло до насъ о взятіи Казани. Конечно, притворная измѣна Ермака—выдумка, но дѣйствительно вѣрно, что казаки первыми ворвались въ проломы, образовавшіеся отъ пороховыхъ взрывовъ, вѣрно также и то, что царь Іоаннъ пожаловалъ донскихъ казаковъ за подвиги подъ Казанью своею Царскою грамотою. Врядъ ли именно Ермакъ, о которомъ мы скоро услышимъ, какъ о покорителѣ Сибири, былъ подъ Казанью. Вѣрнѣе, донцы вставили сюда имя любимаго героя, чтобы еще болѣе прославить его.

4-го октября Іоаннъ въ Казани заложилъ первую православную церковь во имя Благовѣщенія Богородицы, а три года спустя, въ 1555 году, въ Москвѣ, въ память покоренія Казани, былъ построенъ храмъ о девяти верхахъ во имя Покрова Богоматери близъ Кремля Храмъ этотъ теперь носитъ названіе храма Василія Блаженнаго.

Пала Казань и вмѣстѣ съ нею погибло и само царство Казанское. Погибло не сразу. Не разъ еще приходилось отцамъ нашимъ спускаться по Окѣ и Волгѣ и приводить въ повиновеніе вновь покоренные народы.

Въ скоромъ времени силою русскаго оружія была покорена и Астрахань. И Волга, величайшая рѣка Россіи, стала русской рѣкой. Поплыли по ней караваны судовъ, завязалась торговля съ кавказскими народами, дошли русскіе люди и до

персидскаго царства и впервые услыхали въ Москвѣ и о далекой Индіи. Со взятіемъ Казани, этой большой татарской крѣпости, открылись русскимъ людямъ широкія ворота на востокъ. По рѣкѣ Камѣ добрались они до Уральскихъ горъ и тамъ нашли и желѣзо, и мѣдь, и серебро, и золото, и камни самоцвѣтные. Помапила предпріимчивыхъ русскихъ людей неизвѣстная, невѣдомая даль, новыя земли, которыя лежали за синимъ Уральскимъ хребтомъ.

Доблести русскаго войска, нашимъ дружинникамъ, дворянамъ и дворовымъ людямъ, словомъ, нашему воинству православному, да настойчивости царя Іоанна обязаны мы тому, что владѣемъ великою рѣкой съ ея хлѣбородными берегами. Сдай наше войско, побѣди наши дружины царь Едигеръ, кто знаетъ, можетъ быть, и до нынѣ татары сидѣли бы на Московскомъ престолѣ, а мы,—мы были бы ихъ данниками и работниками.

При взятіи Казани, особенно отличились воеводы Воротынскій, руководившій всѣми войсками, Адашевъ, совѣтникъ Іоанна, какъ бы начальникъ его штаба, Шуйскій и Курбскій, начальники конницы, Мстиславскій, Серебряный и Морозовъ, начальникъ артиллеріи. При осадѣ Казани, первый разъ наши войска занимались правильною осадою города и умѣло пользовались артиллеріей. Объ осадѣ этой до насъ сохранилось и дошло много описаній. Самыя подробныя—это записки князя Андрея Курбскаго. Кромѣ того, въ «Царскихъ книгахъ» царей московскихъ записаны всѣ слова и дѣйствія Іоанна. Вообще, съ этихъ поръ пишущему исторію уже легче. Больше осталось записокъ и потому вѣрнѣе и подробнѣе можно дѣлать описанія.

Сборы казаковъ въ походъ.

IV.

ВОИНЫ РУССКИХЪ ЗА ОБЛАДАНІЕ МОРЕМЪ.

30. Первая война за Прибалтійскій край. Взятіе Нарвы 11-го мая 1558 года.

Красивыя статуи, картины, изображающія жизньлюдей такъ, какъ она есть на дѣлѣ, большія изящно построенныя зданія:—все это было на далекомъ западѣ: въ древней Греціи, откуда къ намъ пришло христіанство, и въ Италіи, гдѣ былъ Римъ, мѣсто проповѣди апостоловъ Петра и Павла:—тамъ процвѣтали науки и искусства. Оттуда, уже въ тѣ времена, когда Русь страдала отъ татарской неволи, эти науки и искусства перешли и въ сосѣднія земли къ французамъ, нѣмцамъ, голландцамъ и шведамъ. Раньше Руси было не до просвѣщенія. Принужденная одна, своими силами, отбиваться отъ натисковъ татаръ, попавшая въ татарскую неволю, Русь долго жила безъ просвѣщенія, безъ образованія, безъ того, что зовется у насъ иноземнымъ именемъ—*цивилизаціи*. Жила, какъ живетъ теперь Китай — замкнуто. Рядомъ кипѣла могучая жизнь, а у насъ, въ тихихъ деревняхъ, въ сонной Москвѣ, жили, благодаря Бога, что день прошелъ спокойно, что никто не убилъ, никто не ограбилъ. «День да ночь—сутки прочь»—говорили на Руси.

Мы видѣли, какъ высоко поднявшуюся, ставшую наряду съ самыми образованными государствами запада Кіевскую Русь придавила и прихлопнула татарская неволя. Началась жестокая борьба съ татарами, борьба только за право жить. Побѣда Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ нанесла первый ударъ могуществу татаръ. Іоаннъ III, усилившій Москву, заговорилъ съ ханомъ уже смѣлымъ и самостоятельнымъ языкомъ, и, наконецъ, съ паденіемъ Казани и Астрахани татары могли угрожать Руси только на югѣ. Но тамъ уже крѣпло и ширилось донское казачество, сильно сдерживавшее татаръ и недававшее имъ поблажки.

Тихо стало на Руси. Царская дружина и боярское войско отвоевали покой отъ татаръ. Но Царь Іоаннъ понималъ, что такъ жить, какъ жили тогда русскіе,—«день да ночь — сутки прочь» нельзя. Въ общемъ развитіи государствъ Русь не могла отставать. Отстанетъ и сдѣлается добычею болѣе образованнаго сосѣда.

Іоаннъ зналъ, что русскіе уже и такъ отстали отъ запада, что самимъ, безъ помощи другихъ, имъ не догнать этого запада, что нужны учители разныхъ наукъ,—учители военнаго дѣла прежде всего!

Послѣ взятія Казани и наши западные сосѣди иначе стали смотрѣть на Русь, или, какъ они называли,—Московію. Они сознали, что Московія растетъ, становится опасной. И имъ захотѣлось разрушить снова Московское царство. Но разрушить войною они не рѣшались и вотъ надумали они лишить ее самаго нужнаго для народнаго роста:—просвѣщенія. На нашихъ глазахъ мы видимъ, что дѣлаетъ просвѣщеніе съ народомъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Японія была маленькимъ государствомъ, никто и вниманія не обращалъ на нее. Она не пускала къ себѣ иностранцевъ, не стремилась къ образованію,—но вотъ она широко распахнула двери учителямъ. Нѣмецкіе офицеры и унтеръ-офицеры отлично подготовили войско, англійскіе мастера научили ихъ строить корабли, и Японія выдержала съ успѣхомъ жестокую борьбу съ величайшей державой міра—Россіей...

Іоаннъ стремился дать своему народу образованіе. Онъ выписывалъ отъ нѣмцевъ учителей разныхъ ремеслъ и искусствъ. А сосѣди, окружившіе съ запада Русь, не пропускали этихъ людей въ Москву.

Сосѣдями этими были: на сѣверъ—*Ливонскій орденъ*, съ которымъ такъ успѣшно боролся св. Александръ Невскій, а южнѣе—*Польско-Литовское королевство*.

Іоаннъ понялъ, что *только войско можетъ помочь Руси* въ этомъ дѣлѣ, только войною, военною силою можно добыть Руси такъ необходимое ей просвѣщеніе. *Нужно найти свободную дорогу на западъ, а еще лучше стать при морѣ*, такъ какъ моремъ легче всего сообщаться съ сосѣдями.

Іоаннъ рѣшилъ искать случая объявить войну литовцамъ и войною пробиться опять къ Невѣ и Финскому заливу, на берегахъ которыхъ боролся со шведами—св. Александръ.

Случай представился въ 1557 году. Дерптскій епископъ обязанъ былъ платить дань Московскому Царю.

Дани онъ этой не выплатилъ и два раза обманулъ Московскаго Царя. Тогда Іоаннъ началъ готовиться къ войнѣ, запасать продовольствіе для войскъ и въ январѣ 1558 года двинулъ легкое войско подъ начальствомъ Шигъ-Алея Это войско состояло уже не изъ однихъ русскихъ. Въ него входили отряды татаръ, мордвы и черкесовъ.

Земля, которую приказано было Шигъ-Алею не завоевать, а только наказать, занимала нынѣшнія губерніи: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую, то-есть, то, что теперь носитъ названіе Прибалтійскаго края. Главными городами этой земли были и тогда, какъ и теперь — Ревель, Рига, Нарва и Дерптъ. Населеніе состояло изъ крестьянъ, мѣстныхъ уроженцевъ: — латышей и эстон-

Іоаннъ Грозный.

Скульптура Антокольскаго

цевъ, находившихся въ рабскомъ состояніи у своихъ завоевателей—нѣмецкихъ рыцарей ливонскаго ордена меченосцевъ. Рыцари эти правили страною. Они жили въ крѣпкихъ, изъ громадныхъ камней построенныхъ, крѣпостяхъ, или замкахъ, съ высокими башнями, окруженныхъ глубокими рвами, съ подъемными, на цѣпяхъ, желѣзными мостами. Замки эти были во всѣхъ большихъ городахъ и, кромѣ того, всѣ мѣста, гдѣ жили рыцари, имѣли такіе замки. Такъ, въ Маріенбургѣ, Феллинѣ, Венденѣ, Валкѣ, Везенбергѣ и многихъ другихъ мѣстахъ были устроены такіе прочные замки. Развалины ихъ стѣнъ и башенъ сохранились во многихъ мѣстахъ до нашего времени; такъ, отлично сохранившіяся развалины можно видѣть въ Нарвѣ, Везенбергѣ, Феллинѣ, Юрьевѣ (Дерптѣ), Маріенбургѣ, Ревелѣ, Ригѣ и другихъ городахъ Прибалтійскаго края.

Замки эти были вооружены сильною, по тогдашнему времени, артиллеріею. Ливонцы не надѣялись на свои дружины, состоявшія изъ латышей, и во многіе замки были призваны наемныя нѣмецкія войска. Такимъ образомъ впервые московскому войску пришлось столкнуться не съ полудикими ордами татаръ, а съ правильно обученнымъ нѣмецкимъ наемнымъ войскомъ.

Такъ какъ ливонцы жили въ замкахъ, то и овладѣть страною можно было, только занявши или разрушивши эти замки. Но Шигъ-Алею было приказано не задерживаться осадою городовъ, но лишь огнемъ и мечемъ наказать непокорнаго Дерптскаго епископа.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1558 года русское войско вошло въ предѣлы Ливонской земли со стороны Пскова и раздѣлилось на нѣсколько мелкихъ отрядовъ. Отряды эти двинулись къ Ревелю и Ригѣ, разоряя страну, сжигая деревни, уничтожая запасы хлѣба и сѣна. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ нѣмецкіе отряды пытались остановить наши войска, но всюду были разбиты.

Начальникъ Ливонскаго ордена, или, какъ онъ назывался—*магистръ*, запросилъ у Іоанна перемирія и обѣщалъ послать въ Москву посольство для переговоровъ о мирѣ. Іоаннъ согласился и остановилъ свои отряды въ 50 верстахъ отъ Ревеля и въ 30-ти отъ Риги.

Однако миръ не состоялся и вотъ по какому глупому случаю.

На берегахъ рѣки Наровы, верстахъ въ 20 отъ впаденія ея въ море, при Царѣ Іоаннѣ была построена пограничная крѣпость *Ивангородъ*. Ея стѣны и башни въ развалинахъ сохранились и до нынѣшняго времени. По ту сторону Наровы, на лѣвомъ ея берегу, стоялъ нѣмецкій замокъ *Нарва*. Со стѣнъ одной крѣпости можно было видѣть, что дѣлается внутри другой. Былъ великій постъ. Въ Ивангородѣ медленно звонили колокола, созывая молящихся. Въ полусумракѣ весенняго вечера было видно, какъ толпами сходились русскіе въ церковь. Крѣпость была полна народа. Нѣмцы, стоявшіе на стѣнахъ Нарвы, видѣли это и кому-то изъ нихъ, должно быть спьяна, пришла дикая мысль пустить нѣсколько картечныхъ ядеръ въ самую толпу народа. Воевода Ивангородскій запретилъ своей артиллеріи отвѣчать, но сейчасъ же очередной гонецъ вскочилъ на лошадь и съ поста на постъ погнали въ Москву донесеніе о происшествіи.

Изъ Москвы пришло разрѣшеніе стрѣлять по Нарвѣ. Заговорила наша артиллерія. Камни и каленыя ядра полетѣли со стѣнъ Ивангорода и вскорѣ въ Нарвѣ запылалъ пожаръ. Какъ только въ стѣнахъ Нарвы образовался проломъ—русскія дружины ворвались въ городъ и заняли его. Нѣмцы сдались, выговоривъ себѣ

только свободный выходъ изъ крѣпости. 11-го мая 1558 года Нарва въ первый разъ была занята русскими войсками. Опять явилась возможность намъ стать у моря, завести свои корабли. Никакой успѣхъ такъ не радовалъ Іоанна, какъ взятіе этого небольшого замка. Оно открывало путь къ морю, путь къ просвѣщенію, торговлѣ и богатству.

Снова пошли наши дружины походомъ по ливонской землѣ. Вскорѣ палъ подъ ударами нашей артиллеріи Нейшлотъ, лежавшій у Чудскаго озера, и вся рѣка Нарова оказалась въ нашихъ рукахъ. За Нейшлотомъ палъ Везенбергъ и наше войско подошло къ Дерпту.

Дерптъ представлялъ изъ себя сильную крѣпость. Въ немъ, кромѣ вооруженныхъ жителей, стоялъ двухъ-тысячный нѣмецкій отрядъ.

Въ началѣ іюля наши войска, подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, подошли къ стѣнамъ города. Обложивъ городъ со всѣхъ сторонъ, построивъ вокругъ него земляныя батареи, укрѣпленныя турами, наши начали громить его изъ пушекъ. Осажденные сначала храбро оборонялись, но наши войска подвигали все ближе и ближе свои валы, пушки разстрѣливали городъ со всѣхъ сторонъ и нѣмцы не выдержали. Городъ сдался 18-го іюля 1558 года. Князь Шуйскій забралъ въ немъ 552 орудія. Старинный русскій городъ опять попалъ въ родныя руки и старое имя Юрьева ему было возвращено царемъ Іоанномъ [1]).

Взятіе Дерпта, большого и сильно укрѣпленнаго города, испугало ливонцевъ. Русскія войска теперь почти нигдѣ не встрѣчали сопротивленія. Особенно охотно сдавались дружинамъ московскаго царя наемные нѣмецкіе полки. Шуйскій подошелъ къ самому Ревелю, гдѣ съ большимъ войскомъ заперся магистръ Ливонскаго ордена, но осадить его не рѣшился. Крѣпки были его стѣны. Между тѣмъ настала осень, а вслѣдъ за нею надвигалась и зима. Шуйскій ушелъ изъ Ливоніи, оставивъ во всѣхъ замкахъ небольшіе отряды.

Русскимъ удалось при Іоаннѣ завоевать Ливонію, удалось дойти до открытаго моря, но удержать Ливонію въ своихъ рукахъ, твердою ногою стать при морѣ пустить по немъ свои корабли въ заморскія страны имъ не удалось.

Какъ тяжело больной медленно оправляется отъ болѣзни и первое время не имѣетъ еще силъ, такъ и Русь, пережившая всѣ ужасы татарской неволи, только-что собравшаяся подъ престоломъ Москвы, не была достаточно сильна для борьбы съ западными державами. Самъ Іоаннъ называлъ своихъ воеводъ «неискусными и необвыкшими въ полкоустроеніяхъ». Побѣдами своими наше войско было исключительно обязано личной храбрости солдатъ и воеводъ, готовности сложить свои головы за Царя и Святую Русь. Не хватало искусства. Не хватало выучки. Притомъ Русь была одна. У царя Московскаго не было ни друзей, ни союзниковъ. Родственные намъ по вѣрѣ и по крови славяне томились еще въ польской и турецкой неволѣ, до нихъ было далеко. На югѣ лежали царства враждебныхъ намъ татаръ, на востокѣ—Уральскія горы, или какъ тогда называли, каменный поясъ отдѣлялъ Московское царство отъ невѣдомыхъ и страшныхъ сибирскихъ земель.

Посмотрите на карту. Какая маленькая была Московія царя Московскаго! Какъ тѣсно обступили ее чужія земли. Невольно удивляешься духу и мужеству русскаго войска, которое смѣло шло впередъ, добывая земли.

---

[1]) Юрьевъ одно время снова носилъ нѣмецкое имя Дерпта, но по волѣ Императора Александра III былъ переименованъ снова въ Юрьевъ. Онъ четыре раза мѣнялъ свое названіе.

Ливонская земля была разорена походами Шигъ-Алея, Шуйскаго, Мстиславскаго и Серебрянаго. Латыши, готовые стать на нашу сторону, смотрѣвшіе на русскихъ, какъ на избавителей отъ нѣмецкой неволи,—теперь ненавидѣли насъ не меньше, чѣмъ нѣмцевъ. Разоряя ливонскій край, мы наносили больше убытка латышамъ, нежели нѣмцамъ. Наши воеводы изъ большихъ городовъ заняли только Юрьевъ и Нарву. Цѣлы были Рига и Ревель, цѣлъ былъ магистръ ордена и ядро его рыцарей, а съ ними цѣла была и Ливонія.

Въ 1560 году Іоанну снова пришлось собирать большое войско и посылать его въ Ливонію. Въ дѣла ливонскія вступился могущественный король польскій Сигизмундъ II Августъ. Ливонцы нашли себѣ друзей и защитниковъ. За нихъ стояли и шведы. Надо было торопиться съ завоеваніемъ Ливоніи. Начиналась вторая война за обладаніе прибалтійскимъ краемъ.

31 Вторая война за прибалтійскій край.

Весною 1560 года съ передовыми войсками, по знакомымъ дорогамъ, вступилъ въ Ливонію князь Курбскій, а за нимъ съ главною ратью шелъ воевода князь Иванъ Мстиславскій.

Прибывши въ Юрьевъ, Курбскій еще до подхода главныхъ силъ сдѣлалъ два набѣга и разбилъ ливонскія войска подъ городами Вейсенштейномъ и Феллиномъ.

Феллинъ былъ сильною крѣпостью и овладѣть ею до подхода князя Мстиславскаго Курбскій не рѣшился. Оборонять Феллинъ долженъ былъ ливонскій магистръ Фюрстенбергъ съ большою наемною нѣмецкою дружиной. Въ Феллинѣ

было много денегъ. Мстиславскій узналъ, что Фюрстенбергъ хочетъ тайно отправить эти деньги къ морю, чтобы на корабляхъ увезти казну къ Ревелю.

Чтобы помѣшать этому, Мстиславскій отрядилъ 12-ти тысячное войско подъ начальствомъ воеводы Барбашина, который окольными путями прошелъ къ сѣверу отъ Феллина и занялъ дороги къ морю. Въ то время, какъ Барбашинъ остановился на полуденный отдыхъ недалеко отъ городка Гермеса и истомленные зноемъ и тяжелымъ походомъ заснули русскіе воины,—отчаянно храбрый ливонскій рыцарь Филиппъ фонъ-Белль съ 500 конницы и 400 пѣхоты — все изъ лучшихъ рыцарей, напалъ на сонное войско. Онъ опрокинулъ наши заставы и уже дошелъ до бивака главныхъ силъ, когда вскочившая при первомъ шумѣ конница Барбашина заскакала сзади него лѣсами и начала бить его въ самомъ русскомъ станѣ. Фонъ-Белль, одиннадцать знатныхъ и 120 простыхъ рыцарей были взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Мстиславскій съ Курбскимъ осадили Феллинъ. Искусные воеводы, взявшіе на своемъ вѣку не одинъ замокъ, научившіеся осаждать крѣпости у этихъ же нѣмцевъ, окружили Феллинъ земляными валами, установили тяжелыя пушки и начали громить стѣны города ядрами. Ливонцы и наемные нѣмцы храбро оборонялись.

Замокъ Феллинъ лежалъ на горѣ надъ рѣкою и нелегко было нашимъ войскамъ устанавливать пушки. Но каждую ночь подавались наши валы ближе и ближе, становились выше, и скоро камни и кирпичи посыпались подъ ударами чугунныхъ ядеръ. Образовались проломы. Въ нихъ полетѣли въ городъ раскаленныя до-бѣла ядра и камни. Они падали на запасы сѣна и соломы, на дрова, на деревянныя крыши домовъ. Начались пожары.

Третью недѣлю шла осада. Нѣмецкіе наемники не получали уже нѣсколько мѣсяцевъ жалованья. Они начали волноваться. Ихъ командиры вступили въ переговоры съ Шуйскимъ.

Старый магистръ Фюрстенбергъ призвалъ ихъ, онъ предлагалъ имъ свое имущество вмѣсто платы. Нѣмцы согласились, но, когда въ крѣпости начались пожары, они измѣнили ливонцамъ и, выговоривши себѣ у Мстиславскаго право свободнаго выхода, отперли ворота крѣпости. Мимо русскихъ потянулись закованные въ желѣзо стройные нѣмецкіе полки. За ними на многихъ подводахъ везли имущество князя Фюрстенберга.

Русскія войска отняли эти подводы и вошли въ Феллинъ.

Но измѣнниковъ нѣмцевъ ожидала худшая участь. Ихъ схватили въ Ригѣ и всѣхъ перевѣшали, какъ измѣнившихъ присягѣ.

Начальника города Феллина, магистра Фюрстенберга, князь Мстиславскій отправилъ вмѣстѣ съ добычей въ Москву. Царь Іоаннъ милостиво принялъ плѣнника и онъ покойно дожилъ свои дни на Руси.

Послѣ взятія Феллина—еще много городовъ и замковъ было занято нашими войсками въ этотъ второй Ливонскій походъ. Но цѣлы были Ревель и Рига, а съ ними цѣло было и сердце Ливонской земли. Какъ только, въ октябрѣ 1560 года, Мстиславскій и Шуйскій ушли на зимовку въ Россію, магистръ Ливоніи, Кетлеръ, отправился искать защиты отъ Московскаго царя. Онъ нашелъ союзниковъ, но дорогою цѣной. Ревель со всею Эстоніею (нынѣшняя Эстляндская губернія) отошелъ къ шведамъ, а вся остальная Ливонская земля (нынѣшняя Лифляндская и Курляндская губерніи) отошли подъ покровительство къ польскому королю. Такимъ образомъ завоеванія, сдѣланныя русскими войсками Царя Іоанна IV подъ началь-

ствомъ князей Шуйскаго, Курбскаго, Мстиславскаго и Серебряпаго, безъ согласія русскихъ, отходили къ шведамъ и полякамъ. Іоаннъ не уступилъ имъ—и началась упорная кровопролитная война дѣдовъ нашихъ съ поляками и шведами, длившаяся двадцать лѣтъ.

Князь Михаилъ Черниговскій въ Ордѣ.

ПЕРВАЯ ВОЙНА СЪ ПОЛЬШЕЙ.

32. Наши неудачи. Болѣзнь царя Іоанна IV. Учрежденіе опричниковъ. Созывъ земскаго собора—первой Государственной Думы въ 1565 году.

Въ тѣ времена, про которыя мы теперь говоримъ, Польша была самостоятельнымъ и великимъ королевствомъ. Она занимала не только тѣ мѣста, которыя теперь носятъ названіе Привислинскаго края и генералъ-губернаторства Ковенско-Гродненскаго (губерніи: Калишская, Сѣдлецкая, Варшавская, Кѣлецкая, Ломжинская, Сувалкская, Люблинская, Радомская, Ковенская, Гродненская и Минская), но полякамъ принадлежали и исконные русскіе города: Полоцкъ, Смоленскъ, Вильна, Черниговъ, Кіевъ—вся земля малороссійскихъ казаковъ. Польскій король владѣлъ и землями, которыя теперь принадлежатъ нашимъ сосѣдямъ, нѣмцамъ и австрійцамъ. Польское королевство того времени было больше нашей родины—Московскаго государства, а польскій король почитался выше, нежели царь Московскій. Онъ былъ сильнѣе его. Сильнѣе войскомъ, сильнѣе артиллеріей, сильнѣе просвѣщеніемъ страны, богаче деньгами. Польскіе солдаты были солдатами храбрыми, проникнутыми любовью къ своей родинѣ и вѣрностью своему королю. Съ ними заодно воевали малороссійскіе казаки. Родные намъ по крови, но чуждые намъ по вѣрѣ:—всѣ поляки были католики—поляки воевали такъ же пылко и храбро, какъ и наши дружины. Въ бояхъ съ ними закалялся русскій народъ, побѣда доставалась не дешевою цѣною и военное счастье было то на нашей, то на польской сторонѣ. Съ этого времени начинается та тяжелая борьба русскихъ съ поляками, которая длилась съ перерывами слишкомъ двѣсти лѣтъ. Рѣшался вопросъ, чему быть—русскому царству съ Москвой во главѣ, или—королевству польскому съ Варшавой. Какъ онъ рѣшился—мы знаемъ. *Доблестямъ нашего войска, русской крови, пролитой подъ стѣнами Полоцка, Смоленска, Вильны, Пскова, а потомъ и Варшавы, обязаны мы тѣмъ, что говоримъ русскимъ языкомъ, что исповѣдуемъ православную вѣру, что мы—русскіе.*

Прослѣдимъ же внимательно, какъ началась эта борьба, какими кровавыми трудами добыли наши солдаты намъ нашу самостоятельность.

Въ 1561 году началась война съ поляками изъ-за Ливоніи, изъ-за открытаго моря, изъ-за путей къ просвѣщенію.

Два года она шла вяло. Войска точно избѣгали встрѣчи другъ съ другомъ и только грабили и сжигали деревни пограничной полосы.

Въ январѣ 1563 года изъ Москвы во главѣ громаднаго войска двинулся самъ государь. 80.000 крестьянъ, взятыхъ отъ сохи, составляло его войско, везли *большой нарядъ*, многія осадныя пушки. Царь направился на сильную польскую крѣпость По-

лоцкъ. 31-го января онъ обложилъ его, а 15-го февраля Полоцкъ (теперь уѣздный городъ Витебск. губ.), наполовину сгорѣвшій, былъ занятъ царскимъ войскомъ.

Но этою побѣдою, къ сожалѣнію, и окончились наши успѣхи въ войнѣ съ поляками. Начался рядъ неудачъ. Съ юга на нашу родину два раза наступали татары, одинъ разъ они подошли на пятьдесятъ верстъ къ Москвѣ. Войско нужно было для обороны нашихъ границъ съ юга, войска нужны были и для защиты занятыхъ нами замковъ въ Лифляндіи и для войны съ поляками.

Воевода князь Петръ Шуйскій, взявшій Дерптъ, погибъ въ эту войну по своей винѣ, по своей неосторожности. Съ нимъ вмѣстѣ погибло много воиновъ и вся наша артиллерія, посланная для осады города Вильно. Это было въ 1564 году, на третій годъ войны. Шуйскій шелъ со своимъ войскомъ отъ Чашниковъ къ Оршѣ въ январскую стужу. Заботясь болѣе объ удобствѣ солдатъ, не думая о служебномъ долгѣ, онъ склонился на просьбы мелкихъ начальниковъ и для облегченія людей разрѣшилъ снять тяжелые доспѣхи и часть оружія и сложить ихъ на сани, которыя ѣхали сзади общей колонны. И тогда, какъ часто бываетъ и теперь, разрѣши людямъ одно, а они сдѣлаютъ другое, надѣясь на авось да какъ-нибудь, воины сняли доспѣхи, сложили ихъ на сани, другіе нашли неудобнымъ тащить на себѣ бердыши и копья и положили ихъ тоже на сани, третьи сложили туда же и пищали. И вотъ по узкой, лѣсной дорогѣ, завалепной снѣгомъ, потянулось уже не войско, а толпа безоружныхъ крестьянъ, а сзади скрипѣлъ длинный обозъ съ пушками, доспѣхами, ружьями, копьями и саблями. Ни дозоровъ, ни передового полка выдвинуто не было. А между тѣмъ поляки уже слѣдили за нашею ратью. Недалеко отъ Орши, сквозь лѣсную чащу, налетѣлъ на нихъ польско-литовскій отрядъ воеводы Николая Радзивилла. Застучали въ лѣсу пищали и смѣло врубились въ безоружную толпу польскіе солдаты. Шуйскій, отчаянно защищавшійся, былъ убитъ. Снѣгъ покраснѣлъ отъ крови нашихъ солдатъ. Всѣ, кто могъ бѣжать, кого не окружили еще со всѣхъ сторонъ—бѣжалъ. Весь обозъ и артиллерія достались полякамъ.

Пришла бѣда,—говоритъ русская пословица,—отворяй ворота. Словно черная туча надвинулась на русскую землю. Зашло яркое солнце, освѣщавшее первые годы царствованія Іоанна IV. Покоритель Казани и Астрахани, первый изъ царей московскихъ, ставшій у моря въ Нарвѣ, онъ долженъ былъ унижаться передъ крымскимъ ханомъ и просить его оставить въ покоѣ Русь. Въ Ливоніи полки наши терпѣли пораженія. Артиллерія гибла; казалось, что настали для Руси послѣднія времена.

Мраченъ и озабоченъ сталъ царь. Иногда умъ его затмевался болѣзнью. Въ эти часы онъ искалъ измѣны среди бояръ, не вѣрилъ имъ, казнилъ за одно рѣзкое слово, за правду, сказанную въ глаза. Многіе смѣлые воеводы погибли отъ руки палача. Покоритель Ливоніи, князь Андрей Курбскій, измѣнилъ царю и бѣжалъ къ польскому королю. Напрасно онъ писалъ оттуда письма царю, умоляя его укротить свой гнѣвъ противъ ни въ чемъ не повинныхъ бояръ. Эти письма раздражали еще болѣе царя. Онъ искалъ помощниковъ Курбскаго и казнилъ по одному подозрѣнію. Болѣзнь сдѣлала царя мнительнымъ и жестокимъ. Онъ окружилъ себя особеннымъ войскомъ, небольшимъ отрядомъ людей, которымъ онъ только и довѣрялъ. Эти люди должны были отречься отъ всего, кромѣ царскаго дѣла. *Опричь*—что значитъ на старо-русскомъ языкѣ—*кромѣ*—опричь царя они ничего не должны

были знать. Потому и называли ихъ *опричниками*. Опричники должны были быть вѣрны и честны, они должны были вымести измѣну изъ Руси, потому на сѣдлѣ у нихъ нашиты были метла и собачій хвостъ. Во главѣ опричниковъ былъ поставленъ Малюта Скуратовъ.

Опричники могли бы много принести добра Русской землѣ. Они замѣнили царскую дружину, они могли бы стать началомъ будущаго постояннаго войска. Слово—опричникъ—какъ человѣкъ, отрѣшившійся отъ себя, могло бы стать славнымъ и честнымъ. Имъ должно бы гордиться, потому что нѣтъ выше подвига, какъ забыть себя, забыть свои удобства, свой покой, самую жизнь свою отдать Государю и родинѣ. Каждый солдатъ долженъ былъ бы съ гордостью говорить—*я опричникъ*,—опричь Царскаго и Государственнаго—народнаго дѣла, для меня нѣтъ ничего.

Опричники царя Іоанна IV могли бы стать образцомъ постояннаго коннаго войска.

Къ сожалѣнію, и самъ Малюта Скуратовъ былъ нехорошій человѣкъ и его солдаты были набраны изъ людей недостойныхъ. Они не сдѣлались настоящими опричниками. Опричь царскаго дѣла они обдѣлывали свои дѣла. Пользуясь безнаказанностью, близостью къ больному царю, они грабили, похищали женъ и дѣтей, творили безобразія и убійства по Москвѣ. Народъ ихъ боялся больше разбойниковъ. Хорошее начинаніе было загублено плохими людьми. Малюта Скуратовъ оставилъ по себѣ тяжелую память въ народѣ—память непстоваго палача и предателя.

Окруженный такими негодными людьми, недовѣряющій боярамъ, больной царь раздражался извѣстіями изъ Ливоніи. Временами ему казалось, что все погибло, что лучше отступиться отъ Ливоніи, отдать ее королю Сигизмунду, прекратить напрасное кровопролитіе.

Въ такое тяжелое, смутное время царь пожелалъ узнать, что думаетъ его народъ, пожелалъ выслушать совѣта отъ людей всѣхъ сословій. *Лѣтомъ 1565 года былъ собранъ въ Москвѣ земскій соборъ. Это была наша 1-я Государственная Дума,* съѣздъ представителей всѣхъ сословій. *Это была дума чисто русская, потому что тогдашнюю Русь составляли только русскіе.*

Дума выслушала подробный докладъ о нашихъ неудачахъ въ Ливоніи, о гибели лучшихъ воеводъ, о томъ. что война еще потребуетъ очень много жертвъ народныхъ, что она потребуетъ, чтобы народъ выставилъ еще людей отъ сохи, чтобы внесены были новыя подати.

Внимательно выслушали царя простые русскіе люди. Тутъ были и бояре, и священники, и купцы, и крестьяне—больше всего было крестьянъ. На нихъ тяжелѣе всего отзывалась война,—ихъ отвѣта ожидалъ царь, ихъ совѣта рѣшилъ царь послушать.

И вотъ что отвѣтили простые русскіе люди 1-й Государственной Думы, бывшей болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, своему царю при обстоятельствахъ гораздо болѣе тяжкихъ, нежели мы имѣли въ японскую войну.

— *Ливонская земля*—отвѣчалъ царю Іоанну земскій соборъ—*должна принадлежать Руси. Она земля прародителей царя Русскаго, начиная съ великаго князя Ярослава.*

И война продолжалась.

33. Подвигъ артиллеристовъ (пушкарей) подъ Венденомъ въ 1579 году.

Русскіе воины временъ войнъ съ Польшей и Швеціей.
Пѣшій и конный стрѣльцы. Вправо наемный нѣмецкій воинъ.

Но несмотря на тяжелое положеніе нашихъ войскъ, несмотря на то, что неудачи ихъ преслѣдовали, доблесть ихъ оставалась прежняя. Наши витязи—воины, посошные люди, взятые отъ сохи, смерть предпочитали плѣну, а города оборонялн такъ, что искуснѣйшіе воеводы польскіе не могли ихъ взять.

Въ Польшѣ вмѣсто короля Сигизмунда былъ королемъ *Стефанъ Баторій*. Это былъ воинъ искусный. Всю жизнь онъ воевалъ. Побѣждалъ онъ и венгровъ и турокъ и тонко понималъ военное ремесло. Онъ не торопился наступать на Русь, но терпѣливо готовилъ свое войско. Онъ нанялъ на службу цѣлые полки лучшей тогда пѣхоты—венгерской и нѣмецкой. Его пушки отличались особенною силою и дальностью боя, войска были втянуты въ походы и самъ король ихъ велъ на побѣды. Трудно было нашимъ воеводамъ состязаться съ «Батуромъ-королемъ», какъ называли его наши лѣтописцы.

Въ 1578 году наши войска осаждали городъ Венденъ. Среди воеводъ нашихъ царило несогласіе. Спорили изъ-за того, кто старше, не было общаго начальника, не было согласія, и оттого и въ станѣ не было порядка и дисциплины. Отличныя войска наши портились. И на нихъ отражались эти ссоры воеводъ. Въ станѣ нашемъ охранную службу несла татарская конница. Татары презирали русскихъ, русскіе бранили татаръ. Татарамъ не довѣряли, но никто ихъ не замѣнялъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ поляки, воспользовавшись длинными ночами и туманными днями, незамѣтно для русскихъ соединились со шведами и, подъ начальствомъ Сапѣги и Бойе, неожиданно напали на нашъ станъ. Наши полки, однако, успѣли стать впереди окоповъ и мужественно бились съ поляками. Можетъ быть, предкамъ нашимъ

и удалось бы отразить натискъ польско-шведскаго войска, да татарская конница бѣжала съ поля битвы.

Наступили сумерки, а за ними и ночь. Наши полки отошли за окопы, продолжая стрѣлять изъ пищалей и луковъ. Побѣда все еще была не на сторонѣ поляковъ. Но почью четверо воеводъ ускакали изъ стана со всею конницею и противъ поляковъ остался небольшой отрядъ съ артиллеріею. Жутко ему пришлось одному. Но мужественные наши артиллеристы среди общаго бѣгства старшихъ начальниковъ не потерялись. Пушкарскіе воеводы поклялись со своими людьми лучше умереть, но живыми царскихъ пушекъ полякамъ не отдавать.

На утро начался страшный штурмъ на нашъ станъ. Все войско Сапѣги и Бойе бросилось на маленькій русскій отрядъ. Но наши пушкари не сдали пушекъ. Они всѣ были изрублены на орудіяхъ и *нарядъ* Московскаго царя достался врагу, покрытый тѣлами доблестныхъ нашихъ артиллеристовъ. 6.000 человѣкъ погибло тогда подъ стѣнами Вендена.

Триста съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ было это дѣло. Но съ тѣхъ поръ уже зародился твердый и устойчивый духъ въ нашей артиллеріи. Отъ прадѣда къ дѣду, отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ внуку пошелъ разсказъ о томъ, что пушкари наши живыми пушекъ не сдаютъ. И шли года, проносились вѣка, а артиллеристъ нашъ такъ же, какъ пушкарь Ивана Грознаго, смотрѣлъ на свою пушку какъ на святыню, которую живому сдавать не приходится.

Прошли вѣка, и новый врагъ нашъ, японецъ, сталъ брать наши пушки. Но тамъ, гдѣ онѣ ему доставались, онъ на нихъ, подъ ними, возлѣ нихъ находилъ тѣла убитыхъ пушкарей обожаемаго Государя Императора Николая II. Помнили они завѣтъ дѣдовскій. Въ страшную минуту гибели, имъ на разносимыхъ непріятельскими шрапнелями батареяхъ слышался тихій шопотъ пушкарей царя Ивана, погибшихъ подъ Венденомъ: — «Не сдавайтесь! Помните насъ, изрубленныхъ на пушкахъ. Мы теперь у Господа! Райскій вѣнецъ надъ нами. Примите и вы вѣнецъ мученическій на землѣ». И мертвыя достались батареи: Моравскаго подъ Тюренченомъ, подъ Вафангоу, Смоленскаго на Шахе. Мертвые командиры, мертвые офицеры, мертвые фейерверкеры, бомбардиры и канониры лежали подъ новыми стальными пушками, какъ мертвымъ достался «нарядъ» царя Ивана, съ мертвыми воеводами и пушкарями.

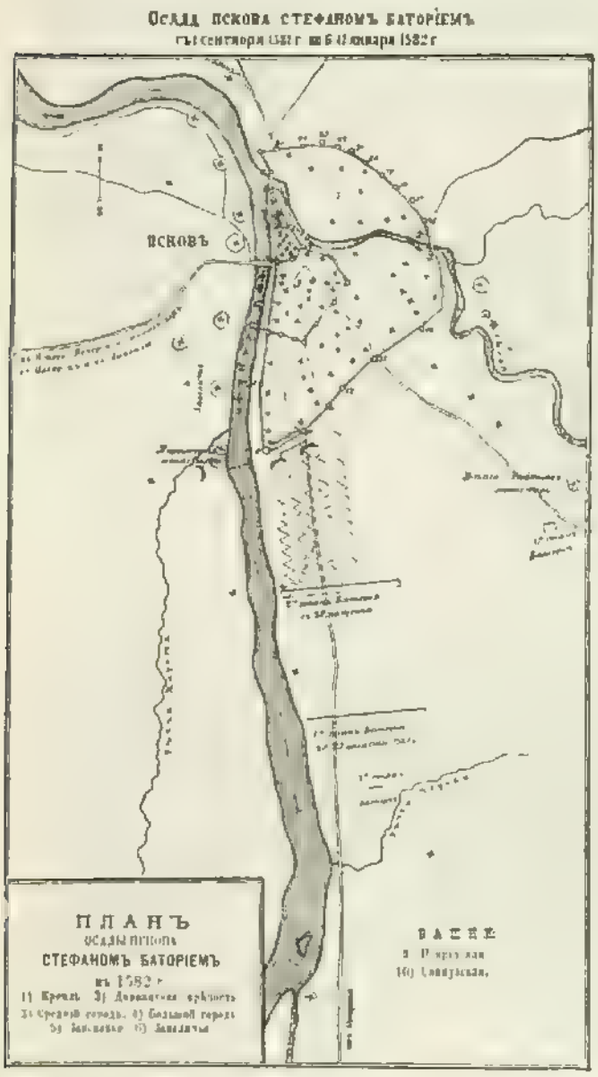
И, глядя на такое мужество, на такую вѣрность долгу и присягѣ, задумывались солдаты короля Батура и чуяли, что воевать съ Русью—не шуточное дѣло!..

Въ 1579 году Стефанъ Баторій занялъ Полоцкъ, потомъ овладѣлъ Великими-Луками. Лишившійся въ тяжелой и трудной войнѣ лучшихъ воеводъ, царь просилъ мира. Стефанъ Баторій потребовалъ уступки всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова и Новгорода и 400.000 золотыхъ за военныя издержки. Для того, чтобы сдѣлать царя Іоанна болѣе уступчивымъ, Стефанъ Баторій собралъ 60.000 лучшаго войска и двинулся съ нимъ ко Пскову.

Началась безпримѣрная въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ осада и оборона Пскова. Русскіе, какъ писалъ объ этомъ самъ король Стефанъ Баторій, не дорожили здѣсь жизнью, самыя жены псковичей дрались въ рядахъ съ мужьями, переносили непогоду и стужу подъ легкими наметами и умирали съ голода, но не сдавались, *чтобы не измѣнить Государю и Землѣ Русской.* И не сдали Пскова! И не измѣнили Государю! И дали Руси миръ честный и хотя тяжелый, но не безславный.

34. Оборона Пскова—1582 годъ.

Вся тысячелѣтняя исторія русскаго войска полна необыкновенными подвигами мужества, оказанными нашими войсками при оборонѣ крѣпостей. Не было случая, чтобы наши полки сдавали врагу крѣпость живыми. Были такія дѣла, когда врагъ побѣдоносно входилъ въ русскую крѣпость и не находилъ въ ней защитниковъ и видѣлъ разрушенными стѣны и взорванными пороховые погреба. Но оборона Пскова войсками князя Ивана Петровича Шуйскаго — одинъ изъ наиболѣе крупныхъ подвиговъ, совершенныхъ нашими побѣдоносными войсками.



Псковъ въ это время, триста съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, и по своему мѣстоположенію и по укрѣпленіямъ своимъ былъ необыкновенно крѣпкій городъ. Онъ расположенъ былъ на правомъ берегу рѣки Великой. Четыреста лѣтъ его укрѣпляли и устраивали русскіе и за эти четыреста лѣтъ построили: внѣшнюю каменную стѣну съ башнями, протяженіемъ 9½ верстъ; она имѣла 37 башенъ и 48 верстъ; внутреннюю каменную стѣну въ три сажени вышины и три сажени толщины; внутри ихъ еще былъ Кремль и Довмонтова крѣпость. Въ самихъ стѣнахъ были устроены внутреннія переходы, потайные ходы и лѣстницы, надъ которыми была построена деревянная крыша.

Главнымъ начальникомъ, которому ввѣрена была защита Пскова, былъ воевода князь Иванъ Петровичъ Шуйскій. Для защиты Пскова въ его стѣнахъ было собрано 30.000 войска. Торжественно, цѣлуя крестъ и Евангеліе, поклялся князь Шуйскій и другіе воеводы, а за ними и всѣ воины и жители Пскова—лучше умереть, но Пскова не сдавать полякамъ.

Всѣ попрощались другъ съ другомъ, поцѣловались, обошли родныя мѣста, поклонились старымъ иконамъ, а затѣмъ сожгли всѣ деревянныя постройки, которыя могли передать огонь крѣпости. Послѣ этого всѣ стали ожидать непріятеля съ твердымъ рѣшеніемъ умереть, но крѣпости непріятелю не сдавать.

18-го августа 1582 года со стороны города Острова показалась густая пыль, вскорѣ стали видны и зарева пожаровъ: то пригородные жители Пскова жгли свои жилища для того, чтобы не допустить въ нихъ поляковъ. Съ громаднымъ войскомъ наступалъ Стефанъ Баторій ко Пскову. До сихъ поръ Баторій ни разу не былъ побѣжденъ и ни одинъ городъ не могъ противостоять его войску. Развѣдавъ о Псковѣ, Баторій задумался, но не отказался отъ своего намѣренія осадить его и 26-го августа двинулся къ крѣпости.

Сейчасъ же загремѣла наша артиллерія. Во Псковѣ было много большихъ и длинныхъ, мѣдныхъ и чугунныхъ пушекъ, бросавшихъ камни на громадное разстояніе. Каждая пушка носила свое наименованіе, но особенно любимы были псковичами двѣ пушки: *трескотуха* и *барсъ*, кидавшія камни на нѣсколько верстъ.

Осыпаемые каменными и чугунными ядрами войска Баторія дрогнули и Баторій приказалъ отступить. Онъ отошелъ за Николо-Любятовъ монастырь и здѣсь расположилъ свой станъ. Рѣшено было начать земляныя работы и правильно осадить городъ.

Расположившись въ роскошномъ походномъ шатрѣ, Стефанъ Баторій приказалъ позвать къ себѣ для совѣта Замойскаго, учившагося у итальянскихъ подкопныхъ мастеровъ осадному дѣлу. На столѣ разложили планъ псковскихъ укрѣпленій и рѣшили повести осаду на южную оконечность крѣпости, на такъ называемыя Покровскую и Свиную башни.

— Вотъ что, Замойскій,—сказалъ Баторій.—Открытою силою намъ Псковъ не взять. Мы поведемъ правильную осаду. Пусть каждый народъ, составляющій войско наше, роетъ свои окопы и зигзагами подходитъ къ крѣпости. Пускай венгры направятъ свои земляные ходы на Покровскую башню, на Свиную двумя ходами пойдутъ поляки, правѣе ихъ станутъ нѣмцы, а еще правѣе—литовцы. Если нельзя намъ взять проклятыхъ москвичей силою—возьмемъ ихъ искусствомъ!

Молча поклонился своему королю Замойскій и въ ту же ночь принялся за составленіе плана земляныхъ работъ. Пять дней и пять ночей работалъ онъ со своими помощниками, обдумывая, какъ хитрѣе подойти ко Пскову. 1-го сентября псковичи со стѣнъ своихъ увидѣли, какъ у самаго берега рѣки Великой собрались густыя толпы непріятеля и начали копать глубокія борозды. И въ ночной тишинѣ темныхъ и свѣжихъ сентябрьскихъ ночей отчетливо слышали псковскіе часовые шорохъ земли, отрываемой лопатами, и стукъ кирокъ и мотыгъ. Трое сутокъ шли по канавамъ, прокопаннымъ солдатами, поляки, а въ это время другіе, тамъ сзади, въ тылу, плели круглыя бездонныя корзины изъ хвороста, называемыя *турами*, и подкатывали ихъ впередъ. Здѣсь туры насыпали землею и, укрываясь ими, приближались къ стѣнамъ псковскимъ. Подкатывали туры къ самой крѣпости, насыпали за ними земляные валы и устраивали батареи.

— Хитра штука, но намъ знакома,—сказалъ старый воевода Шуйскій и приказалъ въ этомъ мѣстѣ позади каменной стѣны набить толстый деревянный частоколъ. Сюда же стянули и полки, стоявшіе въ разныхъ мѣстахъ Пскова, и оборону этого мѣста поручили князю Хворостинину. Князь Шуйскій съ братьями неотлучно находился на этомъ мѣстѣ, наблюдая за работами поляковъ.

Между тѣмъ поляки вкатили на свои батареи 20 тяжелыхъ пушекъ и два дня подрядъ, 6-го и 7-го сентября, непрерывно громили своими орудіями псковскія стѣны. Тяжелыя, каменныя и чугунныя ядра, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, ударяли въ псковскія стѣны, и осыпался отъ ихъ ударовъ кирпичъ и камни и стѣны падали. Такъ на протяженіи 24 саженъ была выбита крѣпостная стѣна, Покровская башня совершенно разбита, а Свиная развалена до половины. На протяженіи 69 саженей стѣны были повреждены и по осыпавшимся камнямъ и кирпичамъ можно было черезъ нихъ пробраться. И вотъ, 8-го сентября, около полудня, заиграли блестками на осеннемъ солнцѣ шишаки польскихъ шеломовъ и латы, показались пестрыя полотнища знаменъ: то пѣхота строила полки, готовясь на штурмъ. За-

унывно и протяжно завывали трубы, зарокотали громадные барабаны и полки тронулись къ проломамъ...

Въ Псковѣ тревожно забилъ большой осадный колоколъ, оповѣщая жителей, что начался приступъ, и заговорила частыми ударами артиллерія южныхъ стѣнъ. Бѣлыми клубами понесся дымъ изъ орудійныхъ дулъ и закрылъ все поле и стало въ немъ, среди бѣла дня, какъ въ туманѣ. Но ближе и ближе надвигались поляки, уже гомонъ тысячи голосовъ, крики начальниковъ стали слышны въ городѣ, уже засвистала и завыла картечь на встрѣчу штурмующимъ колоннамъ и смерть стала косить людей...

Но вотъ, колышась, взлетѣли знамена польскія на осыпи проломовъ, вотъ устремились за ними ратники и начальники, мигомъ сбѣжали поляки во рвы и въ жестокой рѣзнѣ захватили двѣ башни: Покровскую и Свиную. Надъ запыленными и окровавленными грудами кирпичей и камней, усѣянными тѣлами защитниковъ, гордо развернулись большія знамена Стефана Баторія.

Измученные боемъ, истомленные двухдневною артиллерійскою пальбою, большинство раненые, русскіе воины начали покидать валы и уходить въ улицы города. Шуйскій, дравшійся страшнымъ рукопашнымъ боемъ, облитый кровью своего раненаго коня и поляковъ, въ отчаяніи слѣдовалъ за ними.

По тѣснымъ улицамъ, между низкихъ деревянныхъ домиковъ, всюду шли воины, блѣдные, измученные, въ продранныхъ одеждахъ, пробитыхъ доспѣхахъ. Ихъ лица стали сѣрыми и помертвѣлыми, ихъ голоса охрипли, и, мрачно опустивши головы, они отступали.

Они отступали.

А на встрѣчу имъ несся величественный звонъ набатнаго колокола и слышалось пѣніе молитвъ. Изъ соборнаго храма медленно выходилъ крестный ходъ. Сверкающее золотыми и серебряными ризами духовенство несло хоругви, образа и мощи св. Всеволода Гавріила, покровителя города.

На площади столкнулись отступающіе съ крестнымъ ходомъ. Тамъ, наверху—торжественно гудѣла мѣдь большого колокола, тутъ—стихло молитвенное пѣніе и смущенные столпились возлѣ крестнаго хода русскіе воины. Жуткая это была минута!

Съ израненнаго коня сошелъ Шуйскій и сталъ подъ образа.

— Православные!—воскликнулъ онъ,—и торжественно и вдохновенно прозвучалъ голосъ его въ этой жуткой тишинѣ.—Православные! Неужели мы не заступимся за Покровительницу и Владычицу Пскова Богоматерь, неужели выдадимъ родныя святыя мощи на поруганіе полякамъ! Православные! Псковъ гибнетъ! Выручимъ его...

Тяжелые вздохи были отвѣтомъ на его слова. Истово начали креститься воины и, вотъ, стали сходиться въ отряды. Вотъ повернули... Воеводы стали по мѣстамъ и вдругъ бросились назадъ и съ криками «съ нами Богъ!» ударили на поляковъ. Снова загремѣли пушки и особенно громко ревѣлъ «Барсъ», посылая громадные камни на укрѣпляемую вновь поляками Свиную башню.

Подъ нее рыли подкопъ. Изъ города возили бочки съ порохомъ. И вотъ, уже подъ вечеръ вспыхнуло алое пламя, раздался страшный трескъ и башня вмѣстѣ съ поляками взлетѣла на воздухъ и насыпалась подлѣ другая башня, изъ тѣлъ польскихъ.

Въ ужасѣ бѣжали поляки съ крѣпостной стѣны опять въ поле и тамъ начался страшный бой. Баторій подкрѣпилъ свои полки новыми силами и опять кинулся къ стѣнамъ. Тамъ теперь собрались всѣ псковичи. Не только воины, но мирные граждане и женщины псковскія были на стѣнахъ. Молодыя псковичанки подавали воинамъ камни, носили известь и кипятокъ и сыпали известью въ глаза полякамъ, кидавшимся на стѣны. Во время вылазки нашихъ полковъ наши отняли у поляковъ нѣсколько орудій, и старыя псковичанки принесли веревки и увозили ихъ на свои стѣны. Нѣсколько разъ кидалъ Баторій свои полки на Псковъ, но всякій разъ поляки были отбиты...

Часть псковичей дралась уже въ полѣ, внѣ стѣнъ, и тамъ отбила знамена, пушки и много плѣнныхъ.

Румяное солнце медленно опускалось за рѣку Великую, за желтые холмы сжатыхъ нивъ, когда вернулись русскіе полки во Псковъ и принесли съ собою знамена и притащили пушки и плѣнныхъ. Такъ отбитъ былъ первый штурмъ поляковъ на Псковъ. Не дешево досталась побѣда нашимъ войскамъ, почти двѣ съ половиною тысячи нашихъ воиновъ легли на полѣ брани убитыми и ранеными; поляки потеряли вдвое больше.

Теперь стало тихо въ польскомъ станѣ. Осенніе дни проходили спокойно. Иногда загремятъ пушки, нѣсколько тяжелыхъ ядеръ съ рѣзкимъ свистомъ прилетитъ въ городъ, проломитъ крыши домовъ, тамъ пробьетъ стѣну, тамъ упадетъ на площадь. По утрамъ къ стѣнамъ подходили польскіе стрѣльцы и пускали изъ луковъ стрѣлы, къ которымъ были привязаны посланія. Поляки уговаривали русскихъ сдаться, грозили ужасами осады и кровопролитныхъ штурмовъ и обѣщали за сдачу громадную награду.

Но неподкупны были воеводы псковскіе.

— Мы не слушаемъ ни лести вашей, не боимся мы и угрозъ вашихъ! — отвѣчали они въ запискѣ, пущенной со стрѣлою. — Не предадимъ мы вѣры отцовъ нашихъ, не измѣнимъ Отечеству и Царю. Мы знаемъ, что всѣ умремъ, и готовы на смерть. Идите, сражайтесь съ нами въ честномъ бою!..

Въ самомъ Псковѣ работали не покладая рукъ. Окончили новую стѣну противъ проломовъ, поставили за нею дубовый палисадъ и отразили нѣсколько штурмовъ. Все бодрѣе и бодрѣе становились защитники. Они твердо вѣрили въ побѣду и рѣшили бороться до послѣдняго.

У поляковъ, напротивъ того, силы падали. Въ осеннюю стужу въ палаткахъ и землянкахъ было плохо. Осада затягивалась. Солдаты польскіе хворали. Офицеры роптали. Не смѣя осуждать своего короля Стефана Баторія, они во всѣхъ неудачахъ винили Замойскаго.

— Онъ — говорили они: — въ своихъ итальянскихъ академіяхъ научился всему, кромѣ самаго главнаго — искусства побѣждать русскихъ...

Но Баторій не думалъ снимать осаду. Онъ готовился подъ стѣнами Пскова провести зиму, приказалъ рыть землянки съ печами и въ нихъ устраивалъ свое войско.

Баторій повелъ подъ стѣны псковскія подкопы, но русскіе узнали объ этомъ отъ одного перебѣжчика польскаго и сейчасъ же повели навстрѣчу польскимъ свои подкопы. Началась тяжелая подземная война. Ходы подкоповъ осыпались и живьемъ хоронили людей. Два подкопа русскіе перехватили и засыпали ихъ, взорвавъ подъ

землею бочки съ порохомъ. Тогда Баторій задумалъ сжечь городъ и сталъ кидать изъ пушекъ раскаленныя ядра; но городъ не загорѣлся. Наконецъ, 28-го октября Баторій началъ новый штурмъ. Подъ грохотъ всѣхъ своихъ пушекъ двинулъ онъ лучшія свои войска къ городскимъ стѣнамъ. Укрываясь большими деревянными щитами, шли королевскіе солдаты къ стѣнамъ и старались топорами и ломами разбить городскія стѣны. Въ одномъ мѣстѣ имъ удалось прорубить ворота, но осажденные кидали въ нихъ камни, лили расплавленную, кипящую смолу, сыпали пескомъ и известью—и врагъ отступилъ въ безпорядкѣ.

Другой разъ, 2-го ноября, Баторій самъ повелъ свои полки на штурмъ по льду рѣки Великой. Но псковичи встрѣтили штурмующія войска такою дружною пальбою изъ орудій, что поляки смѣшались и отступили.

Велика была гордость псковичей! Отбитые штурмы давали имъ силы сносить всѣ невзгоды осады...

Въ это время, прорвавшись черезъ польскія войска, къ нимъ прибылъ стрѣлецкій голова Ѳедоръ Мясоѣдовъ съ дружиной.

Отчаявшись взять Псковъ открытою силою, Баторій приступилъ къ обложенію стѣнъ псковскихъ, чтобы принудить его къ сдачѣ голодомъ. Но сами войска Баторія терпѣли еще больше отъ голода и холода. Баторій уѣхалъ отъ войска, поручивъ осаду Замойскому. Съ отъѣздомъ короля унынie охватило войско его. Разноплеменные отряды начали ссориться между собою, нѣмцы враждовали съ венграми, венгры съ поляками и литовцами.

Шуйскій постоянными вылазками тревожилъ поляковъ. Безъ теплой одежды они гибли. Часовые замерзали на постахъ. Многіе венгерцы перебѣгали къ русскимъ. Тогда Замойскій, озлобленный на Шуйскаго и отчаявшійся овладѣть городомъ открытою силой, рѣшилъ подлостью извести русскаго воеводу. Онъ подослалъ къ нему отъ имени Моллера, служившаго раньше у русскихъ, одного нѣмца съ письмомъ и небольшимъ ларчикомъ. Въ письмѣ къ Шуйскому Моллеръ писалъ, что онъ посылаетъ ему ларецъ съ золотомъ и проситъ его самого открыть посылку. Подозрѣвая недоброе, Шуйскій приказалъ открыть ларецъ со всевозможными осторожностями. И не зря! Въ ларчикѣ оказалось четыре пистолета съ дулами, обращенными въ четыре стороны, и около пуда пороха. Къ куркамъ пистолетовъ были привязаны ремни такъ, что если бы ларчикъ вздумали открывать, то курки спустились бы и послѣдовалъ бы взрывъ.

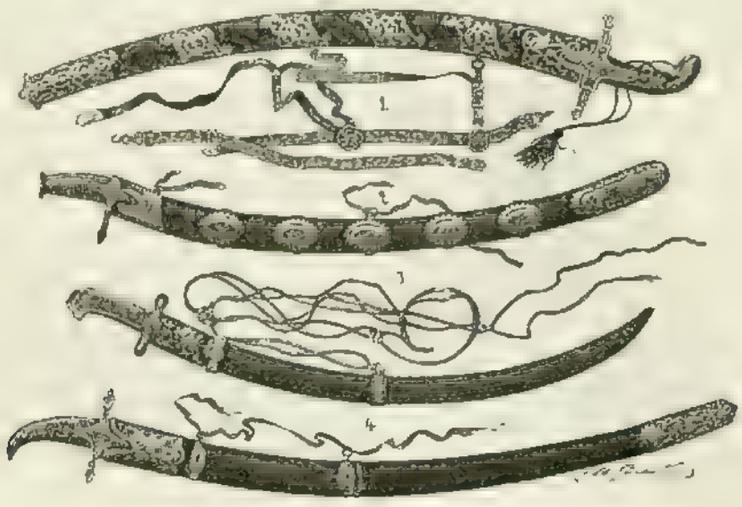
Въ глубокомъ негодованіи Шуйскій написалъ письмо Замойскому, укоряя его въ подлости, и вызвалъ его на поединокъ.

Но, въ то время какъ доблестно держались защитники Пскова, кругомъ были неудачи. Шведы и поляки побѣждали русскихъ въ Ливоніи.

Въ январѣ начались переговоры о мирѣ. 6-го января 1582 года былъ заключенъ между Баторіемъ и Іоанномъ миръ. Вся Ливонія, Полоцкъ и Велижъ отходили къ полякамъ, но Баторій отдавалъ Іоанну назадъ занятые имъ города: Великія Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ и Гдовъ.

Въ память избавленія Пскова и Псково-печерскаго монастыря отъ поляковъ и литовцевъ псковичи учредили ежегодное перенесеніе чудотворныхъ иконъ изъ этого монастыря въ Псковъ, совершаемое и до нашего времени въ 7-ю недѣлю послѣ Пасхи...

Въ слѣдующемъ 1583 году окончилась война со шведами. Іоаннъ уступилъ шведскому королю города: Нарву, Ямъ (Ямбургъ) и Копорье...



Древнее русское вооруженіе. 1) Тесакъ Царя Михаила Ѳеодоровича. 2) Сабля князя Д. М. Пожарскаго. 3) Сабля Кузьмы Минина и 4) Сабля Владиміра Мономаха.

35. Покореніе Сибири донскими казаками.

Такъ неудачами закончились войны со шведами и поляками. Мы не только не подошли къ столь нужному намъ морю, но исконные русскіе города Нарва, Ямъ и Копорье отошли подъ шведскую корону.

Когда случаются неудачи, и, особенно, когда случаются неудачи военныя, все хочется знать: какія же причины этихъ неудачъ, кто виноватъ въ нихъ? Почему русскіе люди не могли завоевать береговъ Балтійскаго моря, почему шведы побѣдили Московскаго царя? Можетъ быть, плохо дрались наши дѣды?—Нѣтъ. Славная оборона Пскова показываетъ намъ, что мужествомъ полны были войска царя Іоанна, что воеводы, по нынѣшнему говоря—генералы его, были искусны и храбры. Чего же не хватало тогда нашему православному воинству?

Ему не хватало обученія.

Несмотря на то, что сраженія тогда рѣшались рукопашнымъ боемъ, что побѣждалъ тамъ тотъ, кто смѣлѣе рубилъ и сильнѣе кололъ,—необходима была еще выучка солдатъ. За границей, въ Швеціи и Польшѣ солдатъ обучали повиноваться начальникамъ, то-есть дисциплинѣ, обучали слушать команду и стройно ходить, то вытягиваясь въ длинныя колонны, то разсыпаясь цѣпями. У насъ этого не было. Полки наши до поры, до времени жили по деревнямъ и учились военному дѣлу лишь когда уже начиналась война, а тогда было уже поздно. Тамъ уже была такъ-называемая *регулярная* армія, у насъ же войска были сборныя. Вотъ и причина—и главная—нашихъ неудачъ.

Мрачно доживалъ послѣдніе дни своего царствованія царь Іоаннъ IV Грозный. То, окруженный монахами, отстаивалъ онъ длинныя церковныя службы, ходилъ въ тихомъ шествіи крестнаго хода изъ монастыря въ монастырь, то среди опричниковъ ѣздилъ по городу, піца измѣну. Много головъ боярскихъ пало на плахѣ, отрубленныхъ палачомъ, много семей боярскихъ было сослано на далекій сѣверъ подъ Архангельскъ, или томилось въ Соловецкомъ монастырѣ. Грозенъ и лютъ былъ

царь Иванъ. Недаромъ и въ народѣ прозвали его Грознымъ Царемъ. Не всякій смѣлъ войти къ нему, не всякій могъ явиться передъ его царскія очи и разсчитывать на милость царскую. И вотъ, вдругъ въ 1582 году къ царю является посольство. Донскіе казаки, тотъ вольный народъ, который ушелъ изъ-подъ руки царской и поселился по Дону, тѣ люди, которые, парушая царскіе указы, ходили по Волгѣ и грабили и разоряли караваны судовъ русскихъ купцовъ, тѣ, кого ожидала лютая казнь—явились сами въ Москву съ великимъ даромъ Московскому царю.

Посланный отъ донского атамана Ермака Тимофеевича атаманъ Кольцо съ товарищами явились къ царю Іоанну и поклонились ему всѣмъ Сибирскимъ царствомъ.

Безъ всякаго приказа, безъ войска и воеводъ, доброю волею своею пошли донскіе казаки воевать Сибирь, а покоривши ее, поклонились ею своему природному царю Іоанну.

Какъ же это случилось?

А вотъ какъ.

Вскорѣ послѣ завоеванія Казани (въ 1552 году), въ 1558 году царь Іоаннъ IV Васильевичъ, чтобы обезпечить Пермскую землю, лежащую вверхъ по рѣкѣ Камѣ, подарилъ большіе участки у Уральскихъ горъ купцамъ Строгановымъ и разрѣшилъ имъ строить крѣпости, имѣть пушки и войска для защиты своихъ угодій. Строгановы настроили небольшія деревянныя крѣпостцы, дошли до самыхъ Уральскихъ горъ, добывая здѣсь лѣсъ, охотясь за пушнымъ звѣремъ и собирая камни самоцвѣтные. Но когда подошли они къ Уральскимъ горамъ, которыя тогда назывались Каменнымъ поясомъ, ихъ встрѣтили отряды Сибирскаго царя Кучума и не пустили ихъ за горы. Войско Строгановыхъ было наемное. Въ немъ были и нѣмцы, и шведы, и латыши, и татары. За стѣнами городковъ, стрѣляя изъ пушекъ и изъ ружей, прячась отъ стрѣлъ татарскихъ за бревнами, они дрались хорошо, но сдѣлать походъ въ невѣдомыя, далекія страны, пройти по широкимъ и быстрымъ рѣкамъ, драться неизвѣстно съ какими народами эти дружины не могли.

Ермакъ Тимофеевичъ.

Основатели Строгановскаго городка, братья Яковъ и Григорій, такъ и умерли, не рѣшившись перешагнуть за Каменный поясъ; наслѣдники ихъ, меньшой братъ Семенъ и сыновья Максимъ Яковлевъ и Никита Григорьевъ, рѣшили продолжать начатое дѣло. Въ это время къ нимъ и пришелъ Ермакъ.

Глухою осенью 1579 года, тогда, когда со дня на день ожидали, что Волга и Кама станутъ и покроются льдомъ, по бурнымъ волнамъ ихъ показались черныя лодки. То шелъ вверхъ по Камѣ грозный донской атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ съ казацкою вольницей. Шли съ нимъ Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита

Панъ и Матвѣй Мещерякъ съ товарищами. Все это были люди отчаянные. Не разъ останавливали они на Волгѣ корабли, отбирали товары у перепуганныхъ купцовъ и съ веселою пѣснею гребли дальше. Казанскій воевода *Иванъ Мурашкинъ* съ цѣлымъ войскомъ, по приказу царскому, гонялся за ними и не могъ поймать. И вотъ, въ вольномъ набѣгѣ своемъ, повернули донскія лодки въ Каму и подошли къ Строгановскому городку.

Средняго роста, широкоплечій, на диво сложенный, крѣпкій казакъ былъ Ермакъ Тимофеевичъ. Черныя кудри вились надъ ушами, взглядъ у него былъ быстрый, лицо чистое и пригожее. Пышно и богато одѣлся онъ, подходя къ Строгановскому городку, окруженный своими казаками.

Ласково принятый Строгановыми Ермакъ остался у нихъ, и здѣсь, послушавъ ихъ сѣтованія на набѣги Кучумовыхъ татаръ, крѣпко задумался. Смѣлою душою своею чуялъ Ермакъ, что зовутъ его Строгановы на славный подвигъ. Это не удалой набѣгъ на Волгу—это завоеваніе цѣлаго царства. Надолго, быть можетъ, навсегда придется уйти съ Дона, забыть приволье родныхъ степей. Но манилъ его подвигъ прекрасный.

И Ермакъ рѣшилъ съ казаками пойти за Каменный поясъ и одолѣть Кучумово царство.

Всю зиму стучали въ лѣсу топоры, визжали пилы: то казаки строили себѣ легкія лодки. Заготовляли «зелье»—то-есть порохъ, лили пули, устанавливали маленькія пушечки, солили мясо въ прокъ. Строгановы усилили небольшую дружину казаковъ тремя стами находившихся у нихъ на службѣ воиновъ—русскихъ, татаръ, литовцевъ и нѣмцевъ, придали имъ еще проводниковъ и переводчиковъ, и весною 1581 г. отрядъ Ермака въ 840 человѣкъ былъ совершенно готовъ къ походу.

Съ этими маленькими силами, ничтожными числомъ, Ермакъ отправился въ походъ, завоевывать громадную Сибирь. Онъ раздѣлилъ отрядъ на части, назначилъ въ каждой атамана, назначилъ есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ, и пошелъ за Уральскій хребетъ. Четыре дня плылъ Ермакъ на лодкахъ вверхъ по р. Чусовой до устья р. Серебряной, а потомъ два дня шелъ по Серебряной до Сибирской дороги. Здѣсь Ермакъ высадился на берегъ и построилъ укрѣпленіе, названное имъ «Кокуй-городъ». Сложивъ здѣсь запасы и обезпечивъ, такимъ образомъ, на всякій случай, путь отступленія, Ермакъ налегкѣ поплылъ въ р. Туру, за которой начиналось уже царство Сибирское. Здѣсь въ татарскомъ улусѣ казаки захватили важнаго князя—мирзу Таузака.

Ермакъ потребовалъ его къ себѣ и допросилъ о царствѣ Кучума. Таузакъ правдиво и точно разсказалъ Ермаку, каково царство Сибирское, и за то Ермакъ отпустилъ своего плѣнника на волю. Таузакъ отправился къ царю Кучуму и извѣстилъ его о движеніи на Сибирь невѣдомыхъ бѣлолицыхъ людей.

Татары еще не видали казаковъ, а уже боялись ихъ. Ермакъ еще былъ далеко, а уже прятали имущество татары и робость одолѣвала ихъ. Кучумъ противъ маленькой дружины Ермака послалъ большой конный отрядъ царевича Маметкула.

А Ермакъ шелъ спокойно по рѣкѣ Тоболу. Легко было на сердцѣ у донцовъ; веселыя, бодрыя пѣсни звенѣли въ чужеземной странѣ. Недалеко отъ урочища Бабасанъ встрѣтились донцы съ Маметкуломъ.

Дружина Ермака построилась въ боевой порядокъ въ пѣшемъ строю и начала пальбу изъ пищалей и аркебузовъ. Маметкулъ бросился въ атаку, но не

пріученныя къ грому выстрѣловъ, полудикія лошади татарскія не шли на огонь, пули и стрѣлы поражали ихъ, и атака татаръ была отбита. Маметкулъ бросился второй и третій разъ, но только уронъ его становился больше, падали лошади и люди, и донцы Ермака подавались все впередъ и впередъ. Маметкулъ отступилъ, и Ермакъ подошелъ къ устью р. Тобола.

На пятьдесятъ второй день похода Ермака, 22-го октября *1581 года*, подъ вечеръ, казачьи струги, шедшіе по р. Иртышу, подошли къ городищу Атикъ-мурзы.

Бой Ермака съ Кучумовыми полчищами въ Сибири.
Съ картины худ. Сурикова.

Здѣсь казаки причалили къ берегу и высадились. Невысокіе холмы, покрытые уже почернѣвшимъ дубнякомъ и елями, горѣли тысячью огней. То былъ станъ самого царя Сибирскаго Кучума, засѣвшаго съ Маметкуломъ въ крѣпкой засѣкѣ и рѣшившагося смертнымъ боемъ защищать свое царство. Гомонъ тысячи голосовъ, ржаніе коней слышно было по рѣкѣ на нѣсколько верстъ. Точно море глухо шумѣлъ станъ татарскій.

Тихо было въ казачьемъ лагерѣ. Такимъ маленькимъ казался этотъ станъ— всего одинъ полкъ, если считать по-нынѣшнему, шелъ противъ цѣлой арміи. Но это былъ полкъ богатырей, прекрасно вооруженныхъ, смѣлыхъ, упорныхъ, гордыхъ и самолюбивыхъ! Полкъ донскихъ казаковъ.

Близъ полночи сотники, бывшіе на совѣтѣ у Ермака, сказали пятидесятникамъ, а тѣ десятникамъ приказъ всѣмъ собираться на войсковой кругъ. На лѣсной прогалинѣ, надъ обрывомъ, у глухо ропщущей рѣки собрались казаки. Мрачны были ихъ лица. Незавидной казалась имъ доля. Зашли невѣсть куда, кругомъ угрюмыя горы и скалы, хмурое, низко нависшее небо, впереди безчисленная рать, одолѣть которую нѣтъ силы.

— Идти назадъ!—глухо пронеслось по рядамъ казачьимъ, когда вышелъ Ермакъ.

Смоляные факелы освѣщали его лицо. Въ доспѣхахъ и металлическомъ шлемѣ, изъ-подъ котораго вились черныя кудри, онъ весь былъ порывъ и мужество. Красные отблески огней играли на стали кольчуги, будто кровавыя пятна.

Онъ взялся за шапку.

— Помолчи, честная станица!—раздались возгласы.—Атаманъ слово держать будетъ.

Стихнулъ весь кругъ казачій. Плотнѣе сдвинулись ряды, задніе напирали на переднихъ, только тяжелое дыханіе да сдержанный кашель прерывали ночную тишину.

Ермакъ поднялъ курчавую голову. Изъ-подъ снятаго шлема черными змѣями разсыпались кудри, ярко блеснулъ бѣлый лобъ надъ загорѣлымъ лицомъ; глаза горѣли рѣшимостью, удалью... и восторгомъ. Предстоящій кровавый бой радовалъ донца-атамана.

— Идти назадъ!?—тихо, но сурово сказалъ онъ.—Идти назадъ черезъ безлюдную и мрачную пустыню, идти за горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Идти пѣшкомъ, потому что рѣки замерзнутъ!..

Ермакъ вздохнулъ. Вздохнулъ, какъ одинъ человѣкъ, и весь кругъ войсковой.

— Вернуться домой на тихій Донъ и что сказать!? Вернуться безъ славы! Насъ спросятъ дома старики, насъ спросятъ жены и дѣти: вотъ вы пропадали два года за Волгой, что сдѣлали вы?

Молчаніе царило въ кругу. Напряженно слушали казаки рѣчь своего атамана.

— Что жъ, атаманы молодцы, рѣшайте: идти намъ со срамомъ домой, чтобы жены смѣялись надъ нами, чтобы родители прокляли насъ и не было намъ никогда отъ нихъ благословенія, или вернуться послѣ побѣды покорителями царства Сибирскаго!?

Огнемъ загорѣлись глаза казачьей вольницы. Слетѣли порывомъ шапки съ косматыхъ головъ, поднялись руки, творя крестное знаменіе, поклялись казаки либо умереть, либо побѣдить Кучума царя. «Смерть—лучше отступленія!»—говорили казаки. Задумчивые расходились донцы по своимъ шалашамъ и тамъ тихо бесѣдовали, точили оружіе, отсыпали порохъ, готовили пули.

И слышалось всюду одно слово, одна клятва между односумами:—«если ты живъ останешься, разскажи дома, какъ меня убили!»—потому что каждый готовилъ себѣ славную смерть!

На разсвѣтѣ, 23-го октября, казаки ударили на приступъ укрѣпленнаго Кучумомъ селенія Чувашева. Засвистали пули казачьи, загремѣли ружья и навстрѣчу имъ полетѣли тучи стрѣлъ. За ружейною трескотнею, за свистомъ стрѣлъ не слышно было ни голосовъ, ни командъ. До полудня шла перестрѣлка. Татары, видя, что казаковъ очень мало, сами проломили засѣки въ трехъ мѣстахъ и живыми людскими потоками устремились на казаковъ. Это былъ отчаянный бой. Каждый понималъ, что отъ того, кто побѣдитъ, зависитъ быть или не быть тому живому. Лѣтописецъ, записавшій о томъ, какъ происходила эта битва, написалъ—«*и бысть сѣча зла; за руки емлюще сѣчахуся*», то-есть, хватали другъ друга за руки, чтобы помѣшать наносить удары. Но подъ могучими ударами казаковъ густыя толпы татаръ стали рѣдѣть. Раненый царевичъ Маметкулъ былъ переправленъ съ приближенными людьми на ту сторону рѣки, и татары начали отступать. Уже темнѣло, когда казаки заняли татарскія засѣки, а потомъ отошли на старый свой бивакъ къ Атику городку. Всю ночь не спали они. Хоронили убитыхъ. Ихъ было 107 человѣкъ; перевязывали раны, строили укрѣпленія, опасаясь нападенія татаръ. Но татарамъ было довольно. Союзники Кучума, остяцкіе князья, покинули его, Маметкулъ, лучшій витязь его, былъ раненъ, а самъ Кучумъ тою же ночью

ушелъ въ свою столицу, городъ *Сибирь*, собралъ свои пожитки, женъ и бѣжалъ съ ними въ степи.

26-го октября 1581 года казаки заняли Сибирь. Тамъ, въ ханскихъ дворцахъ и торговыхъ рядахъ, они нашли богатую добычу: золото и серебро въ сундукахъ, золотомъ тканныя матеріи и царскіе уборы, дорогіе мѣха и драгоцѣнные камни.

Ермакъ зазимовалъ въ Сибири. Его дружина размѣстилась въ покинутыхъ домахъ; по окрестнымъ городамъ и селамъ были посланы гонцы съ извѣстіемъ, что казаки не сдѣлаютъ зла тому, кто добромъ вернется въ свои дома, приметъ клятву на вѣрность царю Московскому и будетъ послушенъ Ермаку. И вотъ, изъ лѣсовъ стали возвращаться мирные татары. Казаки принимали ихъ ласково, помогали имъ на первыхъ порахъ, и слухъ о томъ, что Ермакъ правитель добрый, пошелъ по всей Сибири. Юрты и отдѣльныя кочевья спѣшили заявлять Ермаку о томъ, что они вѣрны русскому царю, и доносили казакамъ о всякомъ движеніи своего бывшаго царя Кучума и его войска.

Кучумъ отъ горя совсѣмъ одряхлѣлъ, потерялъ зрѣніе и скитался одинокій по Ишимской степи. Оправившійся отъ раны Маметкулъ своими наѣзднивами окружилъ казачій станъ и захватывалъ одиночныхъ казаковъ, возвращавшихся съ поѣздокъ.

Но слѣдилъ за нимъ и Ермакъ. Его удальцы не спали зимою. Изъ пѣшей рати, шедшей на судахъ, къ веснѣ дружина Ермака обратилась въ отличную конницу. Татары окрестныхъ Сибири юртовъ стали друзьями казаковъ, они донесли Ермаку, что Маметкулъ съ небольшимъ отрядомъ татаръ сталъ на рѣкѣ Вагоѣ. Это было весною 1583 года. Ермакъ отправилъ противъ него сотню въ 60 человѣкъ. Казаки напали ночью на татарскій станъ. Большинство татаръ умертвили сонными, а самого Маметкула взяли въ плѣнъ и живымъ доставили Ермаку. Какъ только вскрылись рѣки, опять на судахъ пошли казачьи отряды, широко раздвигая завоеванія Ермака. Не одна казачья голова легла на приступѣ сибирскихъ городовъ.

Въ самой Сибири снаряжалось посольство къ Строгановымъ и Московскому царю. Отбирались лучшіе мѣха, 2.400 соболей, 20 чернобурыхъ лисицъ и 20 бобровъ, лучшіе камни, отсыпалось самородное золото, заворачивались и зашивались въ рогожи драгоцѣнныя царскія шапки и наряды Кучума. Начальникомъ летучей станицы съ подарками царю Іоанну IV, которыми билъ челомъ донской казакъ Ермакъ Тимофеевичъ,—былъ назначенъ лучшій дружинникъ Ермака—атаманъ *Иванъ Кольцо*. Ему наказано было, прибывъ въ Москву, «бить челомъ царю царствомъ Сибирскимъ»...

Царь радостно принялъ Ивана Кольцо. Онъ простилъ казакамъ всѣ прежніе ихъ разбои на Волгѣ, пожаловалъ посланныхъ деньгами и сукнами на одежду, разрѣшилъ атаману Кольцо набирать въ Московской землѣ охотниковъ для заселенія Сибири и повелѣлъ отправить Маметкула въ Москву. Ермаку съ его товарищами была пожалована царемъ грамота.

Въ грамотѣ царской Іоаннъ IV милостиво объявлялъ казакамъ забвеніе старыхъ провинностей и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу. Ермакъ былъ названъ *княземъ Сибирскимъ*, ему было поручено устраивать завоеванную землю. Для принятія же сибирскихъ городовъ, изъ Москвы былъ посланъ воевода князь Семенъ Болховской и голова Иванъ Глуховъ съ отрядомъ лучшихъ московскихъ солдатъ—стрѣльцовъ.

Ратный крестникъ Ермака, Маметкулъ оказался и въ Москвѣ храбрымъ воиномъ. Онъ дослужился въ русскихъ войскахъ до чина воеводы и воевалъ со шведами, отличаясь мужествомъ и искусствомъ.

Подаренная Московскому государству донскими казаками Сибирь—усилила Московскаго царя и стала его снабжать и хлѣбомъ, и золотомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Ермакъ съ донцами подарили русскому народу обширныя земли. И, когда тѣсно стало на Руси, потянулись переселенцы въ широкія Сибирскія степи, въ дремучую тайгу и нашли тамъ отличныя мѣста для жизни.

Теперь Сибирь неразрывная часть Русскаго государства, богатый край со многими красивыми городами. Бѣжитъ черезъ этотъ край желѣзный путь, скоро пройдетъ и другой, и земледѣлецъ, и скотоводъ, и горнопромышленникъ—живутъ въ завоеванной триста лѣтъ тому назадъ донскими казаками Сибири приѣзжаючи...

Отправивъ атамана Кольцо въ Москву, Ермакъ ушелъ съ казаками на сѣверъ Сибири. Во всѣхъ городахъ онъ объявлялъ жителямъ о подчиненіи ихъ Московскому царю и оставлялъ казаковъ для порядка. Такъ, въ походахъ и трудахъ, провелъ онъ лѣто и зиму 1582 года и лѣто 1583 года. Осенью этого года онъ возвратился въ Сибирь, и здѣсь его встрѣтилъ прибывшій изъ Москвы атаманъ Кольцо.

Два года прошло спокойно. Казаки и русскіе сумѣли завязать торговлю съ сосѣдними народами. Потянулись въ Сибирь, а оттуда въ Москву изъ Китая караваны съ чаемъ, изъ Бухары повезли шелкъ и хлопокъ, изъ далекой Индіи благовонія и пряности. Богатѣла Сибирь отъ торговли.

Узнавъ объ этомъ, старый Кучумъ, бродившій въ верховьяхъ Иртыша, въ 1584 году собралъ войско, сталъ заставою и не пропускалъ бухарскихъ купцовъ въ Сибирское царство. Объ этомъ донесли Ермаку. Ермакъ взялъ 50 казаковъ и съ ними поплылъ на лодкахъ вверхъ по Иртышу. Нѣсколько дней гребли казаки между лѣсовъ и угрюмыхъ скалъ. Они дошли до заставъ, но нигдѣ не нашли татаръ. Ермакъ, проведя весь день въ поискахъ, къ ночи съ 5-го на 6-е августа вернулся къ лодкамъ и расположился на ночлегъ. Ночь была темная, лилъ дождь, вѣтеръ шумѣлъ вершинами деревьевъ. Усталые казаки заснули крѣпкимъ сномъ. Татары, слѣдившіе за казачьимъ отрядомъ съ другого берега Иртыша, переправились черезъ рѣку и напали на сонныхъ казаковъ. Только двое проснулись, Ермакъ и еще одинъ донецъ. Ермакъ отчаянно оборонялся, но видя, что онъ одинъ, что погибла его вѣрная дружина, бросился въ Иртышъ, въ надеждѣ доплыть до лодокъ. Но тяжелые доспѣхи, подаренные ему Іоанномъ, тянули его ко дну, усталость брала свое, обезсилѣли руки, затуманилась голова—и погибъ великій донецъ, князь Сибирскій, не доплывъ до струговъ.

Другому, простому казаку, удалось пробиться. Онъ бѣжалъ въ Сибирь и разсказалъ тамъ о гибели атамана...

На слѣдующій годъ въ Сибирь изъ Москвы прибыли воеводы Мансуровъ, Сукинъ и Мясной. По Сибирскому царству начали строить городки. Въ 1585 году поставили Тюмень, а черезъ два года Тобольскъ, потомъ Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару и Нарымъ. Сибирское царство, завоеванное донскими казаками, прочно занималось. Остатки Ермаковой дружины положили основаніе *новому казачьему войску—Сибирскому.*

Умеръ Ермакъ, погибъ въ Иртышѣ, въ отчаянной схваткѣ съ татарами, но умерло только бренное тѣло его. Самъ онъ, великій донской атаманъ, живъ и донынѣ. Живъ въ пѣснях казачьихъ—старыхъ и новыхъ. И теперь донцы и сибирскіе казаки въ мощной пѣснѣ вспоминаютъ бурную ночь съ 5-го на 6-е августа 1584 года. Кто не знаетъ этой пѣсни, составленной изъ стихотворенія извѣстнаго стихотворца русскаго К. Ѳ. Рылѣева?

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.
«О, спите, спите», мнилъ [1]) герой:
«Друзья, подъ бурею ревущей!
«Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
«На славу иль на смерть зовущій.
«Вамъ нуженъ отдыхъ: сладкій сонъ
«И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
«Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
«И силы ратниковъ удвоитъ.
«Кто жизни не щадилъ своей,
«Опасность въ сѣчахъ презирая,
«Тотъ думать будетъ ли о ней,
«За Русь Святую погибая?
«Своей и вражьей кровью смывъ
«Всѣ прегрѣшенья буйной жизни
«И за побѣды заслуживъ
«Благословенія отчизны?..
«Намъ смерть не можетъ быть страшна;
«Свое мы дѣло совершили:
«Сибирь Царю покорена,
«О, мы—не праздно въ мірѣ жили!»
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ;
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны...
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ спа
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.
Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать [2]) преварѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ—
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина...
Ермакъ воспрянулъ ото спа,
И гибель зря [3]), стремится въ волны;
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ—
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ.
Плыветъ... ужъ близко челнока:
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь—даръ Царя—
Сталъ гибели его виною.
Ревѣла буря... Вдругъ луной
Иртышъ на мигъ осеребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ стальной кольчугѣ озарился.

Носились тучи, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія блистала,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
Но Ермака уже не стало!..

Этимъ подвигомъ донскихъ казаковъ скрашены были послѣдніе дни жизни царя Ивана Грознаго. Онъ скончался 18-го марта 1584 года, передавши Русское государство своему сыну, царю Ѳеодору Іоанновичу.

---

[1]) Мнилъ—старое русское слово—значитъ—думалъ.

[2]) Татъ—воръ.

[3]) Зря—видя, тоже старое русское слово.

За время царствованія Ивана Грознаго Русская земля широко разрослась. Завоеваніемъ Казани и Астрахани русскіе люди прочно стали на Волгѣ, а благодаря побѣдѣ донскихъ казаковъ Ермака перешли и въ Сибирь, и наше царство начало широко раздвигаться, подаваясь все дальше и дальше на востокъ.

Къ этому времени главными врагами нашихъ дѣдовъ стали: шведы—на сѣверѣ, поляки—на западѣ и крымскіе татары—на югѣ.

Отъ крымскихъ татаръ загородили Русскую землю донскіе казаки, со шведами и поляками нашимъ дѣдамъ пришлось вести долгую и упорную борьбу, и только кровью нашихъ храбрыхъ солдатъ достигли мы безопасности и спокойствія на сѣверѣ и западѣ. Борьба эта длилась съ перерывами сто лѣтъ. И первое время нашу родину постигли страшныя неудачи. Поляки и шведы были въ самой Москвѣ.

Причиною этому была внутренняя смута на Руси—тяжелое смутное время [1]).

36. Устройство русскаго войска при царѣ Іоаннѣ IV Грозномъ.

Когда мы теперь глядимъ на строгую и точную военную науку, на устройство войскъ — мы невольно удивляемся тому, какъ все образовалось въ войскахъ и какъ одно изъ другого вытекаетъ. Вѣчная опасность, вѣчная вражда однихъ людей противъ другихъ заставила изобрѣсти средства борьбы и научить людей воевать. Но образовались и устроились войска не сразу. Какъ мы видѣли, долгое время войско русское составляла дружина княжеская да люди, которыхъ брали прямо съ земли на войну и вели въ походъ.

Однако это войско вскорѣ оказалось ненадежнымъ. По мѣрѣ того, какъ росла, силилась и крѣпла Русская земля, и войско для нея было нужно сильное, мужественное, хорошо обученное. Нужно было подумывать о постоянномъ, обученномъ войскѣ.

Не сразу явилось оно въ Россіи. Въ тѣ времена, которыя мы только что описали, во времена войны за Ливонію, завоеванія Казани, покоренія Сибирскаго царства Ермакомъ, постоянное, обученное войско только-только зарождалось. Въ это время, при царяхъ Московскихъ Іоаннѣ III и Іоаннѣ IV, первый разъ точно было опредѣлено, какіе люди въ Московскомъ государствѣ должны нести военную службу царскую и какъ ее нести. Съ этого же времени появляются и первыя названія войскъ. Раньше для всего вооруженнаго народа было одно названіе — рать. Рать конная, рать пѣшая, рать судовая. При этихъ царяхъ замѣчается уже точное раздѣленіе вооруженныхъ людей.

Іоаннъ IV, для того, чтобы имѣть всегда готовое войско, ясно и точно опредѣлилъ, какія лица должны были нести военную службу. Это были потомки бояръ. Разбираясь въ этомъ дѣлѣ, онъ замѣтилъ, что многіе бояре земли себѣ понабрали много, а вооруженными людьми, лошадьми и оружіемъ оскудѣли, и вотъ, уже въ 1550 году, онъ приказалъ уравнять земли между боярами и опредѣлилъ, чтобы съ каждыхъ 50 десятинъ земли помѣщикъ выставлялъ одного коннаго вооруженнаго воина въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ и о дву конь.

---

[1]) Глава о покореніи Сибири заимствована изъ «Картинъ былого Тихаго Дона», краткаго очерка «Исторіи войска Донского». 1909 г. Изданіе Областн. Правл. войска Донского.

Такимъ образомъ, въ тогдашней Руси войско содержалось не на счетъ государства, какъ теперь, а за счетъ помѣщиковъ, сообразно съ количествомъ имѣвшейся у нихъ земли. Помѣщикъ, имѣвшій, напримѣръ, 500 десятинъ, долженъ былъ содержать 50 воиновъ и сто лошадей; на походѣ онъ ихъ и продовольствовалъ. Не было тогда ни интендантства, ни своихъ войсковыхъ обозовъ, но за помѣщичьими отрядами тянулись телѣги и возки съ запасами продовольствія, фуражемъ, порохомъ, а иногда и оружіемъ. Всѣ эти люди были конными. Такъ что все войско, шедшее походомъ, представляло изъ себя ѣздящую пѣхоту. Особой, одинаковой формы одежды воины эти не имѣли. Каждый являлся по призыву помѣщика въ томъ, что носилъ онъ и дома, на полевой работѣ. Обыкновенно это былъ узкій, почти въ обтяжку кафтанъ съ длинными сбористыми рукавами. У помѣщиковъ и людей побогаче на воротникѣ сзади нашивался высокій *козырь*, выложенный бархатомъ и вышитый золотомъ, а иногда и украшенный жемчугомъ и самоцвѣтными камнями. Крестьяне, выступавшіе въ походъ, надѣвали лѣтомъ *азямы* изъ холста, а зимою носили *сермяги* изъ толстаго сѣраго домодѣльнаго сукна.

Воины.

Оружіе воиновъ и въ эти времена состояло изъ тяжелыхъ желѣзныхъ кольчугъ и доспѣховъ, затѣмъ для боя употреблялись сабли, кистени и палицы, а также мечи, тесаки и рогатины, кромѣ того, были и луки со стрѣлами. Ружья, стрѣлявшія порохомъ, были еще очень плохи и имѣлись далеко не у всѣхъ воиновъ. Ружья эти назывались *пищалями*. Они состояли изъ желѣзнаго ствола, прикрѣпленнаго къ деревянному станку съ прикладомъ. Огонь пороху сообщался черезъ особое отверстіе, или запалъ, при помощи огнива съ фитилемъ. Пищали возили на ремнѣ за спиною. Кромѣ нихъ, были еще укороченныя пищали, или карабины, и пистоли. Пищали частью дѣлались въ самой Россіи, частью привозились изъ-за границы, а больше всего употреблялись пищали, добытыя въ бою у непріятеля.

Вооруженные ружьями носили черезъ лѣвое плечо особенный широкій ремень, называвшійся *берендейкой*, съ привѣшенными къ нему зарядцами, а также сумкой фитильной, сумкой пулечной и рогомъ для пороха. Пищали по большей части носили въ чехлахъ, сдѣланныхъ изъ кожи и богато вышитыхъ цвѣтными шелками и золотомъ.

Стрѣляли пищали не важно. Мѣткость ихъ была не велика, а попадали онѣ не болѣе какъ на двѣсти шаговъ. Поэтому ратные люди, выставляемые помѣщиками, въ мирное время почти не занимались стрѣльбою изъ пищалей. Изъ луковъ же стрѣлами они стрѣляли на помѣщичьихъ охотахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ тогда большую часть нашей родины, водилось много всякаго звѣря и птицы. Охота была любимой забавой помѣщиковъ, на охоту они брали и сво-

ихъ слугъ, своихъ крестьянъ, тѣхъ самыхъ, которые, въ случаѣ войны, выступали въ походъ, какъ воины.

Если у помѣщика были сыновья, то они, по достиженіи ими 15 лѣтъ, или припускались въ помѣстье къ отцу и выходили вмѣстѣ съ нимъ, какъ его помощники, или имъ давались другія угодья и они назывались тогда *новиками*. Новикъ былъ такой же помѣщикъ и также долженъ былъ выходить въ походъ съ конными вооруженными людьми.

Такимъ образомъ, военная сила тогдашняго Русскаго государства заключалась въ помѣщикахъ. Были помѣщики богаты—они могли выставить хорошо вооруженныхъ людей на хорошихъ лошадяхъ. Напротивъ того — помѣщики бѣдные выставляли плохую, плохо вооруженную и снаряженную рать. Крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, должны были обрабатывать эти земли и по первому призыву помѣщика являться въ походъ на коняхъ и съ оружіемъ. Крестьяне тогда не были обязаны жить всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, но могли переходить отъ одного помѣщика къ другому одинъ разъ въ году, а именно за недѣлю до Юрьева дня (26-го ноября) и недѣлю спустя этого дня. Съ этой поры на Руси и поговорка зародилась:—«вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день».

Вслѣдствіе такой свободы перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику часто происходило такъ, что крестьяне отъ бѣднаго помѣщика уходили къ богатому и бѣдный не могъ уже справиться на царскую службу. И вотъ, чтобы этого не было, при сынѣ царя Іоанна IV Грознаго Ѳеодорѣ Іоанновичѣ послѣдовало прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Крестьяне стали крѣпкими на землѣ своего помѣщика, прикрѣпощенными къ ней, и получили поэтому названіе крѣпостныхъ. Съ этого времени и началось крѣпостное право, продолжавшееся слишкомъ триста лѣтъ на Руси.

Первою причиною его была необходимость имѣть подъ рукою войска въ случаѣ надобности защищать государство отъ враговъ.

Но, кромѣ этой главной арміи нашей, соотвѣтствовавшей теперешнимъ запаснымъ войскамъ, призываемымъ только во время войны, въ тѣ времена на Руси уже зарождалось и постоянное войско. Войскомъ этимъ были *стрѣльцы*.

Стрѣльцы учреждены были царемъ Іоанномъ IV въ 1550 году. Въ стрѣльцы набирались вольные люди, жители городовъ и уѣздовъ, не состоявшіе подъ началомъ у помѣщика. Въ мирное время стрѣльцы жили въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ, особенно по границамъ Московскаго государства. Они несли полицейскую службу, сопровождали посланниковъ иноземныхъ государствъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, занимали караулы у пороховыхъ погребовъ, въ дворцахъ и у царской казны, а въ военное время выступали вмѣстѣ съ помѣщичьими людьми на войну и были лучшимъ войскомъ. Это было первое наше постоянное войско. Въ стрѣлецкихъ сотняхъ была извѣстная дисциплина, они были обучены воинскому порядку и соотвѣтствовали нынѣшнимъ дѣйствующимъ войскамъ.

Стрѣлецъ.

Лучшая часть московскихъ стрѣльцовъ была посажена на коней. Они составляли ближайшій конвой царя и царицы, обязаны были во время поѣздокъ ихъ по монастырямъ и въ загородныя дачи *быть при стремѣ* ихъ, и потому они назывались *стремянными*.

Кромѣ военной службы, стрѣльцы занимались и торговлей, они держали лавки, мельницы, жили цѣлыми слободами. Званіе стрѣльца было потомственное. Сынъ стрѣльца становился также стрѣльцомъ. Число стрѣльцовъ было невелико. Такъ, при сынѣ царя Іоанна IV Грознаго Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ русскомъ войскѣ состояло 12 тысячъ стрѣльцовъ. 5 тысячъ находилось въ Москвѣ, 2 тысячи стремянныхъ были при Государѣ и остальные 5 тысячъ были въ разныхъ большихъ городахъ.

Уже съ покоренія Казани и Астрахани, и особенно въ смутное время, большую помощь русскому войску оказывали *донскіе казаки*. Это были исключительно военные люди. Въ ихъ отрядахъ всегда былъ полный порядокъ и дисциплина. Всю жизнь донцы проводили тогда въ борьбѣ съ татарами и были потому отличными наѣздниками, стрѣлками, прекрасными солдатами.

Стремянный.

Наконецъ, на московской службѣ состояли еще *наемные татарскіе отряды*, а также *наемные нѣмецкіе полки*.

Въ тѣ времена за границей были люди, избиравшіе военное дѣло своимъ ремесломъ. Они набирали охочихъ людей, одѣвали ихъ въ одинаковое платье, вооружали ихъ, обучали строю, стрѣльбѣ, фехтованію, а затѣмъ предлагали свои полки внаймы кому угодно. Они воевали и противъ своихъ единоплеменниковъ. Эти отряды были отлично обучены, въ нихъ держалась самая строгая дисциплина. Ихъ начальники старались одинъ передъ другимъ выставлять свои полки лучшими, потому что тогда ихъ охотнѣе нанимали и больше платили денегъ. Такіе наемные иноземные полки впервые появились на Руси при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Это были 150 голландцевъ и шотландцевъ и 150 смѣшаннаго отряда изъ грековъ, турокъ, датчанъ и шведовъ.

Эти иноземные солдаты и офицеры стали впослѣдствіи первыми учителями постояннаго русскаго войска.

Кто же вѣдалъ сборомъ всего этого войска? Кто указывалъ, когда и куда сходиться стрѣльцамъ изъ городовъ, помѣщичьимъ людямъ изъ ихъ имѣній и деревень, казакамъ съ Дона, татарамъ изъ ихъ угодій?

Вѣдали этимъ три *приказа: Разрядный, Стрѣлецкій* и *Пушечный*. Это были большія канцеляріи, устроенныя въ Москвѣ, гдѣ засѣдали дьяки и подъячіе.

Разрядный приказъ—это было то же, что теперь Главный штабъ,—здѣсь сосредоточивалось все главное управленіе военными силами того времени. Здѣсь писались царскіе указы о назначеніяхъ воеводами, здѣсь объявлялись награды царскія, распредѣлялись помѣстья и люди по этимъ помѣстьямъ. Здѣсь велись книги службы городовъ и помѣстій, гдѣ кто живетъ и сколько долженъ выставить воиновъ въ случаѣ похода.

Стрѣлецкій приказъ вѣдалъ стрѣльцами, жившими въ городахъ, а Пушечный—всею русскою артиллеріей.

Воевода.

Было мирное время и всѣ русскіе люди мирно занимались сельскими трудами. Пахали, боронили, сѣяли, потомъ косили, жали, молотили, наполняли закрома хлѣбомъ, собирали медъ, драли лыко, рубили лѣсъ, выдѣлывали кожи. Каждый дѣлалъ свое дѣло и относилъ извѣстную часть своихъ доходовъ помѣщику.

По городамъ жили стрѣльцы. И они торговали, занимались извозомъ, и только тогда, когда становились въ караулъ, надѣвали на себя военное платье и брали особый топоръ, или бердышъ, да пищаль. И только при дворѣ Московскаго царя видны были вооруженные люди — стремянные, да иностранные наемные солдаты.

Но, вотъ, узнавали отъ донскихъ казаковъ, отъ пограничной, или, какъ тогда называли, засѣчной стражи, стоявшей по засѣкамъ, сдѣланнымъ на границѣ Московской земли, что татары идутъ походомъ на Русь, поднимались зарева пожаровъ разоряемыхъ татарами деревень, наступалъ на насъ полякъ или шведъ— и скакали по всѣмъ помѣстьямъ и городамъ конные стрѣльцы и везли помѣщикамъ и городскимъ правителямъ наказъ собираться въ походъ. Выпрягалъ тогда по приказу помѣщика крестьянинъ изъ сохи свою лошадь, получалъ отъ помѣщика сѣдло и амуницію, получалъ: у богатыхъ—пищаль и берендейку съ набором, у бѣдныхъ—лукъ со стрѣлами, саблю, топоръ и рогатину, складывалъ провіантъ на телѣгу и шелъ въ ближайшій городъ. Онъ съ этого дня переставалъ быть крестьяниномъ, подчиняться своему помѣщику, но становился подъ начало особо назначенному военному начальнику.

Съ объявленіемъ похода Государь назначалъ *полковыхъ воеводъ*. Вчерашній помѣщикъ, получивши указъ стать воеводою, сѣдлалъ своего раскормленнаго боевого коня, надѣвалъ тяжелые, богатые доспѣхи, собиралъ своихъ слугъ и шелъ принимать полкъ.

Воинъ.

Начальникомъ всѣхъ войскъ, главнокомандующимъ, назначался кто-либо изъ извѣстныхъ бояръ, приближенныхъ къ Государю. Онъ назывался *Большимъ воеводою*. Ему придавали одного или двухъ товарищей. Полки передъ войною собирались въ лагерѣ. Здѣсь производилось имъ ученье, дѣлались смотры, здѣсь судили за проступки ратныхъ людей, объявляли имъ правила военной службы.

Разрядный приказъ объявлялъ указъ—какому городу или какимъ помѣщикамъ быть у какого воеводы. Такимъ образомъ, лишь за нѣсколько дней до войны воины узнавали своего начальника и начальникъ своихъ воиновъ,

лишь въ это время начиналось и ихъ обученіе. Въ это же время всѣ начинали получать и жалованье. Стрѣльцы и казаки получали по полтинѣ въ годъ, пушкари, плотники и кузнецы по рублю въ годъ, и, кромѣ того, всѣ получали отъ Государя казенный хлѣбъ. Дворяне большіе получали отъ 70—100 рублей въ годъ, средніе отъ 40—60 рублей, и дѣти боярскія отъ 20—30 рублей. Половину жалованья они получали въ Москвѣ и половину въ полѣ отъ большого воеводы.

Продовольствіе у воиновъ было свое. Съ собою они везли толокно и сухари, у болѣе богатыхъ были припасены сушеныя и соленыя мясо и рыба. Когда запасы приходили къ концу, то отъ полковъ посылали особыхъ кормовщиковъ, которые покупали продовольствіе на полки. Иногда заранѣе на пути движенія войскъ посылался указъ оставшимся отъ наряда крестьянамъ готовить по всему пути движенія войскъ людскіе и конскіе кормы, «чтобы ратнымъ людямъ безъ корму не быть, а крестьянству по дорогѣ насилій и грабежа кормового не было».

Такимъ образомъ, тогдашнее войско являлось на войну безъ обученія въ мирное время, было *милиціей*. И тѣмъ не менѣе, войско это одерживало побѣды, не сдавало крѣпостей и медленно, но вѣрно расширяло владѣнія Московскаго государства. Почему же теперь говорятъ, что нельзя обойтись безъ милиціи? Причинъ этому много.

Прежде всего, *тогдашнее войско только казалось милиціей*. Войны были такъ часты и такъ продолжительны, что мужики, посошные люди, являвшіеся съ помѣщиками, на самой войнѣ отлично изучали военное дѣло и становились храбрыми солдатами. Когда начиналась новая война и собиралось новое войско—оно лишь на половину состояло изъ новобранцевъ, не знавшихъ военнаго дѣла, остальные были опытные, бывалые воины, ходившіе съ Шуйскимъ на поляковъ, дравшіеся съ Стефаномъ Баторіемъ, или воевавшіе съ княземъ Курбскимъ подъ Казанью съ татарами. Это были бывалые люди.

Да и война тогда была проще. Нужна была сила, да храбрость, да выносливость, чтобы переносить лишенія и невзгоды продолжительныхъ войнъ. Ну, а этого русскимъ людямъ не занимать было стать. Храбрость русскихъ людей всѣмъ хорошо извѣстна, выносливость тоже, силою русскіе люди отличались отмѣнною, да и упражнялись въ ней не разъ, дерясь на кулачкахъ, ходя стѣною другъ на друга, деревня на деревню.

А сила, выносливость и—главное—храбрость даровали людямъ нашимъ и славныя побѣды до тѣхъ поръ, пока не пришлось прибавить къ этому особой солдатской выучки и военнаго искусства, пока не потребовались постоянныя, отлично обученныя войска.

37. Смутное время на Руси. 1606—1612 г.

Потребовалось хорошее опытное войско Россіи тогда, когда не стало на Руси порядка и врагъ внѣшній началъ терзать родину нашу своими набѣгами. Миромъ и тишиною пользуется только тотъ, кто имѣетъ сильное, могучее войско, гдѣ всѣ люди думаютъ не о себѣ, но о благѣ, пользѣ и благосостояніи родины. А этого на Руси тогда не было.

Царь Іоаннъ Грозный, умирая, оставилъ царство Русское своему сыну Осодору. У него былъ и еще сынъ—Димитрій, совсѣмъ еще маленькій мальчикъ, жившій

уединенно въ городѣ Угличѣ. Это былъ больной ребенокъ, страдавшій припадками падучей болѣзни. Въ одинъ изъ такихъ припадковъ онъ закололся. Казалось бы, этимъ дѣло и должно было кончиться, но вскорѣ въ народѣ стали ходить темные слухи, что Димитрій не закололся, но былъ заколотъ по наущенію ближайшаго къ царю боярина и совѣтника Бориса Годунова.

Годунова народъ не любилъ. Это по его настоянію былъ изданъ приказъ, по которому крестьяне не могли переходить отъ одного помѣщика къ другому, то-есть, они были прикрѣплены къ землѣ.

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвою.

Послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича, въ 1598 году, въ виду того, что царскій родъ прекратился, соборъ выборныхъ людей избралъ на царство Бориса Годунова, бывшаго братомъ царицы Ирины, жены Ѳеодора.

Борисъ Годуновъ былъ мудрымъ правителемъ. Начало его царствованія протекло мирно. Но зимою 1604 года въ народѣ распространилась молва, что Димитрій царевичъ не убился и не убитъ, но живъ и спрятанъ въ чужой сторонѣ, у надежныхъ людей. Убитъ, дескать, былъ другой ребенокъ, одинхъ лѣтъ съ Димитріемъ, и его выдали за Димитрія.

Въ тѣ времена на Руси не было ни почты, ни газетъ; дороги были плохи, люди жили по своимъ помѣстьямъ, деревнямъ и хуторамъ тихо и закрыто, и тѣмъ не менѣе слухъ о томъ, что Димитрій живъ, скоро распространился по всей Русской землѣ. Проѣзжіе люди потихоньку, на ухо передавали, что Борисъ Годуновъ приказалъ убить царскаго сына, но у подосланныхъ имъ людей не поднялась рука

на невиннаго младенца и онъ былъ увезенъ и спрятанъ и скоро явится, чтобы сѣсть на царскій престолъ. Разсказывали объ этомъ потихоньку, чтобы никто не услыхалъ и не донесъ Борису, но нелѣпая молва скоро стала достояніемъ всего русскаго народа.

Въ это время появился человѣкъ, который взялъ на себя царское имя, былъ ложнымъ Димитріемъ—Лжедимитріемъ. Это былъ одинъ бѣглый монахъ, по имени Григорій Отрепьевъ. Ему было столько лѣтъ, сколько должно было быть Димитрію. И вотъ его и выставили, какъ подлиннаго, истиннаго сына Іоаннова—царевича Димитрія. Въ немъ приняли участіе поляки. Они задумали перевести всю Русь въ католическую вѣру. Польскій король Сигизмундъ рѣшилъ помочь Отрепьеву, далъ ему войско, къ нему присоединились малороссійскіе казаки, и стали приставать къ Отрепьеву бѣглые крестьяне.

Въ августѣ 1604 года Отрепьевъ, подъ именемъ царевича Димитрія, во главѣ небольшого отряда, подкрѣпленнаго донскими казаками, пошелъ войною противъ Годунова.

Силы самозванца были невелики. Но народъ былъ сильно взволнованъ. Многіе видѣли въ немъ настоящаго, подлиннаго сына Іоаннова, и вмѣсто того, чтобы сражаться противъ него, переходили на его сторону.

Никто изъ русскихъ людей не зналъ, гдѣ правда и гдѣ обманъ. Самъ Борисъ Годуновъ дѣйствовалъ нерѣшительно, войска большого не собиралъ, и самозванецъ, никѣмъ не задерживаемый, надвигался на Москву. Югъ Россіи отложился отъ Бориса Годунова и призналъ Димитрія своимъ царемъ. Войско его увеличивалось числомъ, отовсюду шли къ нему бѣглые крестьяне, вооружались и становились въ ряды его ополченій.

Тогда только спохватился Борисъ Годуновъ. Онъ увидалъ, что маленькіе отряды стрѣльцовъ, стоявшіе по городамъ, не въ силахъ обороняться противъ самозванца, и приказалъ князю Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому собрать новое ополченіе въ Калугѣ. Но смута уже охватила и ближайшихъ къ царю людей—помѣщиковъ, дворянъ. Медленно собиралось ополченіе на защиту царя. Вмѣсто пятисотъ тысячъ еле набралось 50.000, да и тѣ неохотно повиновались своимъ воеводамъ. Среди нихъ ходили слухи о доблестяхъ самозваннаго царя. Димитрій-самозванецъ, дѣйствительно, очаровывалъ собравшихся къ нему людей. На легкомъ аргамакѣ, въ богатой одеждѣ, окруженный толпою поляковъ, гарцовалъ онъ передъ войскомъ, храбро стоялъ подъ стрѣлами и личнымъ мужествомъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе и любовь народа.

У Новгорода Сѣверскаго войско князя Мстиславскаго столкнулось съ полками Димитрія-самозванца. У Мстиславскаго было до 50.000 воиновъ, самозванецъ имѣлъ не болѣе 15.000. И тѣмъ не менѣе Мстиславскій медлилъ нападеніемъ, чего-то ждалъ. Тогда самозванецъ самъ ударилъ на полки Мстиславскаго. Царскія дружины дрались плохо. У нихъ, какъ описывали потомъ участники этого боя, точно будто бы не было рукъ для боя. Польская конница, бывшая въ рядахъ у самозванца, смѣло атаковала царскія дружины—и онѣ дрогнули. Самозванецъ могъ бы истребить все войско Мстиславскаго, но онъ побоялся рѣшительно ударить, и Мстиславскій отступилъ въ порядкѣ.

У царскихъ воеводъ не хватило смѣлости даже донести Борису Годунову о своей неудачѣ, и царь лишь стороною узналъ о побѣдѣ самозванца. Но онъ не

потерялся. Собралъ новое войско, вручилъ его лучшему воеводѣ своему князю Василію Шуйскому, и 21-го января 1605 года царь узналъ о томъ, что самозванецъ побѣжденъ у села Добрыничъ и на раненомъ въ ногу конѣ едва ушелъ отъ плѣна.

Русскіе люди стали покидать самозванца. Ушли отъ него и поляки. Съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему, вѣрящихъ въ то, что онъ дѣйствительно Димитрій Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго, людей, онъ остановился въ Путивлѣ и отсюда писалъ письма и польскому королю Сигизмунду, и русскимъ людямъ, умоляя о помощи. Въ этихъ письмахъ описывалось, что въ дѣлѣ у Добрыничъ Димитрій спасся только чудомъ, что это показываетъ милость Господню надъ нимъ, что

Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство.

Господь помиловалъ его въ бою потому, что онъ сынъ царя, помазанника Божія. И находились легковѣрные люди, которые слушали эти толки и снова шли къ Димитрію. Такъ пришелъ къ нему четырехъ-тысячный отрядъ донскихъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Межакова. Казаки были сильно недовольны Борисомъ Годуновымъ, да кромѣ того, они искренно вѣрили въ то, что Димитрій настоящій *природный* государь. Они шли сражаться за подлиннаго царя, считая Бориса человѣкомъ не по праву захватившимъ царскую власть въ свои руки. Съ этимъ отрядомъ Димитрій заперся въ городѣ Рыльскѣ. Казаки поклялись умереть, но города не сдавать.

Царское войско пробовало осадить Рыльскъ, но одолѣть казаковъ не смогло и отступило, разоривши крестьянъ подъ Рыльскомъ. Недовольные этимъ разореніемъ крестьяне перешли къ самозванцу, и снова начала усиливаться его рать и разсказы о немъ опять смущали покой русскихъ людей.

Такъ же неудачно шли дѣла русскихъ царскихъ войскъ и при осадѣ другого города, занятаго самозванцемъ—Кромъ.

Какъ вдругъ, 13-го апрѣля 1605 года, совершенно неожиданно, скончался царь Борисъ. По примѣру и увѣщанію патріарха Іова, Москва спокойно присягнула 16-лѣтнему сыну Бориса, Ѳеодору. Теперь нужно было, чтобы и войско тоже признало своимъ царемъ Ѳеодора. Но во главѣ войска стоялъ воевода Басмановъ. Онъ измѣнилъ настоящему природному государю Ѳеодору и присягнулъ Димитрію. Войско послѣдовало его примѣру. Жители Кромъ и донскіе казаки вышли изъ стѣнъ города и соединились съ Басмановымъ. Туда же вскорѣ прибылъ и Димитрій и торжественно вступилъ въ Москву.

Молодой царь, шестнадцати-лѣтній юноша Ѳеодоръ былъ убитъ вмѣстѣ со своею матерью Маріею Григорьевной Годуновой.

Такъ, обагренная царскою кровью, началась смута на Руси.

Лжедимитрія поставили на престолъ поляки. Они же явились теперь въ Москву, и вскорѣ русскій народъ увидѣлъ ихъ въ Кремлѣ, увидѣлъ царя, окруженнаго польскими вельможами и польскими священниками, собиравшимися крестить русскій народъ въ католическую вѣру. Въ Москвѣ готовились торжества по случаю свадьбы самозванца съ польской княжной Мариной Мнишекъ. Въ Москву вошелъ 2-тысячный отрядъ поляковъ. Въ первопрестольной, съ искони вѣковъ русскомъ городѣ, повсюду слышалась польская рѣчь. Русскихъ людей обижали и оскорбляли, и нигдѣ не могли они найти себѣ защиты, потому что Лжедимитрій держалъ сторону поляковъ.

Тогда только прозрѣли русскіе люди, тогда увидали они свою ошибку, увидали, что не могъ быть царемъ Димитрій, преданный полякамъ, готовый всю русскую землю отдать польскому королю. Вспомнили тогда русскіе люди и славныхъ сотрудниковъ Іоанна Грознаго, его бояръ и воеводъ, и стали слушать ихъ и думать, какъ избавиться имъ отъ польскаго засилья. 17-го мая 1606 года толпа русскихъ людей бросилась въ Кремль, убила тамъ самозванца, а Марину заключили въ темницу.

Боярин Василій Ивановичъ Шуйскій былъ избранъ царемъ Московскимъ.

Но избраніе его не прекратило тяжелой смуты, терзавшей Россію. Чтобы быть царемъ, чтобы править на благо своему народу, нужно имѣть войско, хорошо обученное, преданное государю. А тогда на Руси постояннаго войска не было.

Войско—хранитель порядка, войско—защитникъ счастія и богатства народнаго. Не было этого войска, не могло быть и счастья. Врагъ внѣшній—поляки, у которыхъ разгорѣлось желаніе овладѣть Москвою, и врагъ внутренній, обезумѣвшіе русскіе люди, находившіе всюду и вездѣ самозванцевъ, терзали Русскую землю, и некому было противостать имъ.

Это было тяжелое время. Нужно удивляться, какъ вынесъ эту страшную борьбу народъ русскій, какъ устоялъ онъ отъ окончательнаго разгрома. А онъ не только вынесъ, но и окрѣпъ въ этой борьбѣ, сталъ силенъ и мощенъ.

Москва присягнула Василію Шуйскому, но въ другихъ городахъ опять говорили, что Лжедимитрій не былъ убитъ, что онъ спасся и скоро придетъ и отниметъ у Шуйскаго престолъ. И снова нашлись люди, готовые выдавать себя за царя. Такъ началась новая смута. Во время нея крестьяне жгли и грабили помѣщичьи усадьбы, разоряли поля, а потомъ голодные нападали на другія села, и всюду шла кровавая рѣзня. Польскіе и шведскіе отряды постепенно занимали русскую землю, и близокъ былъ часъ, когда польскій королевичъ Владиславъ долженъ былъ короноваться русскою короною, а святая Русь должна была погибнуть.

Но въ это смутное время со страшною силою пробудилась въ русскомъ народѣ любовь къ родинѣ. Уже подъ голодающею Москвою стояли отряды поляковъ и воровъ и грабителей, дерзко называвшихъ себя казаками, уже близокъ былъ часъ паденія Россіи, одолѣваемой голодомъ и нищетою, когда изъ среды русскихъ людей выдвинулись мужественные защитники русскаго имени. Въ эти тяжелые дни изъ осажденной врагами Троице-Сергіевой лавры стали посылать листки съ воззваніями къ народу и съ усовѣщаніями бросить мятежъ. Нашлись, наконецъ, люди, которые взялись создать новое войско. Это были—князь Пожарскій и нижегородскій купецъ Козьма Мининъ Сухорукъ. Они собрали народъ, вооружили его и пошли на освобожденіе Москвы. 21-го декабря 1612 года изъ Москвы были изгнаны послѣдніе иноземцы, и наступила на Руси тишина. Этимъ затишьемъ воспользовались русскіе люди, собрали соборъ выборныхъ людей и на этомъ соборѣ былъ избранъ царемъ Руси Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Шесть лѣтъ страшная смута терзала Русское государство. Главною причиною успѣха смуты нужно считать то, что на Руси не было войска. Не на кого было опереться государямъ Московскимъ при нашествіи враговъ, а пока собиралось войско, врагъ успѣвалъ уже захватить большое пространство земли и его трудно было изгнать.

38. Война со шведами.

Съ восшествіемъ на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича стихла и смута на Руси. Общій голосъ всего народа русскаго призвалъ его править Русью, и никакіе самозванцы уже не могли смутить русскихъ людей. И тогда стало ясно, что спасеніе и благоденствіе Русской земли зависитъ отъ преданности народа своему государю, и каждый стремился доказать свою любовь къ царю. Русскимъ людямъ нужно было очень много поработать. Казна царская была пуста, войска настоящаго не было, всѣ области государства Русскаго были разорены. Въ то же время внѣшніе враги, шведы и поляки, продолжали воевать русскую землю. Шведы

отняли у насъ весь сѣверъ, и даже Новгородъ былъ въ ихъ власти. Поляки отняли западъ вмѣстѣ съ городомъ Смоленскомъ. Внутри Россіи бродили шайки грабителей и разбойниковъ, и нигдѣ, нигдѣ не было безопаснаго мѣста.

Прежде всего нужно было очистить русскую землю отъ этихъ шаекъ. Бороться съ ними пошелъ Пожарскій. И вотъ, маленькій отрядъ Пожарскаго, всего въ 600 человѣкъ, былъ окруженъ 3.000 хорошо вооруженныхъ разбойниковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Лисовскаго. Трудно приходилось царской рати, уже стали раздаваться голоса о томъ, чтобы сдаться, но Пожарскій объявилъ по отряду: — «всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ», и его воины остались еще одну ночь въ осажденномъ лагерѣ. Эта ночь ихъ спасла. Къ нимъ стали собираться бѣглецы изъ другого царскаго отряда Исленьева, и они бросились въ наступленіе. Лисовскій бѣжалъ и оставилъ вскорѣ Русь.

Въ одинъ годъ царскимъ воеводамъ удалось справиться съ врагомъ внутреннимъ. Да и пора было. Врагъ внѣшній уже осадилъ городъ Тихвинъ. Но тихвинцы такъ храбро оборонялись отъ шведовъ, что даже взяли у нихъ орудія и заставили шведовъ отступить отъ города.

Въ 1614 году король шведскій Густавъ-Адольфъ сталъ во главѣ громаднаго войска и 30-го іюня подошелъ ко Пскову. Давно ли псковитяне оборонились отъ величайшаго военачальника польскаго, Стефана Баторія [1]) — и вотъ имъ снова приходилось стать съ оружіемъ въ рукахъ противъ враговъ.

Непріятель расположился на правомъ берегу рѣки Великой, въ 4-хъ верстахъ ниже города, и пошелъ отсюда на приступъ. Но псковичи вышли на встрѣчу, началась жаркая рукопашная сѣча, во время которой шведы потеряли своего начальника, генерала Эверта Горна. Шведы отступили, русскіе также укрылись подъ городскими стѣнами.

Въ ночь на 15-е августа шведамъ удалось разрушить часть псковской стѣны и ворваться въ городъ. Но псковитяне начали такой отчаянный бой въ улицахъ, что враги отступили и бѣжали изъ города.

Тогда шведы стали строить земляныя укрѣпленія вокругъ городской стѣны и начали правильную осаду города. Построивъ десять маленькихъ крѣпостей и наведя два моста черезъ р. Великую, они открыли жестокую пальбу изъ пушекъ по городскимъ стѣнамъ. Три дня и три ночи гремѣли шведскія пушки и летали каленыя ядра. Уже въ первый день угловая башня города Пскова была разрушена до половины, а часть стѣны снесена до самой земли. Но не поколебались защитники Пскова. Они отстрѣливались изъ пушекъ, дѣлали частыя вылазки и жестоко тревожили нападавшихъ. Такъ продолжалось три недѣли. Въ шведскомъ станѣ начался голодъ. Пошли осенніе дожди, сыро стало въ псковскихъ болотахъ, нужно было на что-нибудь рѣшиться.

9-го октября шведы повели приступъ. Артиллерія шведская громила стѣны псковскія съ обоихъ береговъ. Но псковичи не растерялись. Закаленные въ прежнихъ штурмахъ, гордые былыми побѣдами, они встрѣтили шведскіе полки сильнымъ огнемъ съ близкихъ разстояній. Когда же шведы стали взбираться на стѣны — псковичи сбрасывали ихъ камнями, бревнами, обливали капяткомъ, смолою, расплавленнымъ оловомъ.

---

[1]) См. стр. 106. Оборона Пскова 1582 г.

Ничто не могло остановить шведовъ. Въ 2 часа дня они заняли угловую башню и звуками трубъ оповѣщали свою побѣду.

Но псковичи быстро подвели подкопъ подъ башню и взорвали ее, при чемъ погибли всѣ на ней находившіеся. Шведы растерялись. Въ это время псковичи насѣли на нихъ и опрокинули. Сухопутные шведскіе полки были изрублены нашими, тѣ же шведы, которые нападали на Псковъ на лодкахъ, были потоплены.

Памятникъ Минину и Пожарскому, защитникамъ Руси отъ поляковъ въ 1612 году.

Находится въ Москвѣ.

Шведы отошли. Псковичи дѣятельно принялись за починку стѣнъ и башенъ и готовились къ новому штурму, но Густавъ-Адольфъ снялъ осаду и 26-го октября отступилъ отъ Пскова. Зимою онъ построилъ укрѣпленіе на р. Великой у впаденія ея въ Псковское озеро, чтобы не допускать подвоза припасовъ въ городъ, но едва укрѣпленіе было окончено—псковичи взяли его со всею артиллеріею и защитниками.

Подвиги доблести, оказанные псковитянами, заставили Густава-Адольфа согласиться начать мирные переговоры съ царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ. Въ началѣ 1617 года въ селеніи Столбовѣ былъ заключенъ миръ со шведами. По этому миру русскіе отказались отъ земель, которыми они владѣли на берегу Финскаго залива, и, такимъ образомъ, стали отрѣзаны снова отъ моря.

Но, что было дѣлать! Измученной смутнымъ временемъ родинѣ нашей миръ былъ необходимъ для борьбы съ болѣе сильнымъ и опаснымъ врагомъ—королемъ польскимъ Сигизмундомъ.

39. Война съ поляками. Деулинское перемиріе. 1618 годъ.

Та смута, которую мы описали въ прошлой главѣ, тяжело отразилась на русскомъ народѣ. Русскіе люди перестали вѣрить въ свои силы. Могущественный народъ сталъ бояться и трепетать передъ врагами. Едва замирились, съ грѣхомъ пополамъ, въ Столбовѣ со шведами, какъ нужно было смотрѣть въ оба на поляковъ, наступавшихъ съ запада. Тяжелое наслѣдство выпало на долю молодого Царя Михаила Ѳеодоровича. У тогдашней Руси не было ни одного друга, ни одного союзника—всюду и вездѣ враги—одни враги. Со шведами миръ былъ непрочный, конечно, на ихъ помощь разсчитывать было нельзя. На западѣ король Сигизмундъ все еще не терялъ надежды поставить на престолъ Московскій сына своего, королевича Владислава. Югъ былъ неспокоенъ, на дальнемъ востокѣ, въ Сибири—почти не было русскихъ людей. Въ самой Москвѣ только-только улеглась смута, произведенная самозванцами. Крестьянамъ-землепашцамъ нужно было заняться землею, приналечь на обработку полей, чтобы хотя что-либо получить; помѣщики отстраивали свои усадьбы, пожженныя и разоренныя во времена смутныя. Не до войны было. Никому не хотѣлось воевать... Устали отъ кровавыхъ стычекъ и рукопашныхъ сѣчъ. Но врагъ не спрашивалъ, хотимъ мы воевать и готовы ли мы его достойно встрѣтить. Именно потому, что мы не хотѣли воевать, что мы не были готовы встрѣтить врага съ оружіемъ въ рукахъ, что Русь тогдашняя лежала въ развалинахъ, именно потому врагъ былъ особенно дерзокъ, озлобленъ и настойчивъ.

Польскій латникъ.

Въ апрѣлѣ 1617 года королевичъ польскій Владиславъ выступилъ изъ Варшавы съ 11-тысячнымъ войскомъ. Этого отряда считали достаточнымъ, чтобы прикончить съ Москвою. Дорогобужъ и Вязьма пали подъ ударами поляковъ, но подъ Можайскомъ вооруженные жители оказали столь сильное сопротивленіе, что поляки отошли и зазимовали въ полѣ. Настали холода. Солдаты польскіе стали гибнуть отъ морозовъ, и Владиславъ отошелъ въ Польшу, рѣшивши перезимовать и весною 1618 года ударить на самую Москву и тамъ, подъ стѣнами Московскаго Кремля, покончить съ Русскою державой и русскимъ народомъ.

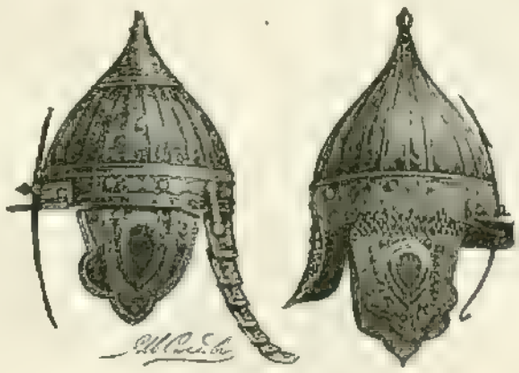
Весною 1618 года, потерпѣвши новую неудачу подъ Можайскомъ, королевичъ Владиславъ пошелъ прямо на Москву, ожидая къ себѣ 20 тысячъ малороссійскихъ казаковъ, спѣшившихъ къ полякамъ на помощь со своимъ гетманомъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ. Казалось, настали послѣдніе дни Московскаго государства. Дѣло было лѣтомъ, подъ осень. По ночамъ, на темномъ небѣ между тихо мигающихъ звѣздъ появлялась кроваво-красная зловѣщая комета. Ужасъ охватывалъ жителей Москвы. Настоящаго обученнаго войска не было, и вооруженные жители растерянно бродили по улицамъ, не зная что предпринять. Лишь одинъ только молодой Царь не растерялся. Онъ созвалъ въ Москву земскихъ людей и передъ ихъ соборомъ высказалъ свое царское мнѣніе, свою государеву волю—отстаивать

Москву до послѣдней капли крови и врагу ее не сдавать. Соборъ изъявилъ готовность помогать Государю въ борьбѣ съ наступающимъ на него врагомъ.

20-го сентября королевичъ Владиславъ со своимъ войскомъ занялъ Тушино, а гетманъ Сагайдачный сталъ съ казаками у Донского монастыря. Обозы казаковъ свободно ходили мимо Москвы къ полякамъ, но бояре московскіе не рѣшались напасть на нихъ: великъ былъ страхъ у людей московскихъ передъ казаками и поляками. Бояре вели переговоры о мирѣ, надѣясь выгадать время до зимы, а тамъ,—думали они,—холода помогутъ намъ заставить поляковъ убраться по добру, по здорову. Но королевичъ Владиславъ не поддался на эти переговоры. Онъ рѣшилъ сдѣлать на Москву внезапное ночное нападеніе и покончить и съ Москвою, и съ ея молодымъ Царемъ сразу. Но московскіе люди узнали о приготовленіяхъ поляковъ и приготовились ихъ встрѣтить. Сначала поляки, подъ начальствомъ Новодворскаго, пробили стѣны передового городка, ворвались въ Москву и проникли до самыхъ Арбатскихъ воротъ. Здѣсь у второй стѣны поляки стали налаживать взрывъ, но московскимъ жителямъ удалось ранить Новодворскаго въ руку. Поляки, увидавши, что ихъ начальникъ упалъ, смутились, москвитяне сейчасъ же выскочили изъ воротъ, ударили на нихъ и отбили готовившуюся атаку. Поляки кинулись на помощь передовой части Новодворскаго, но московскіе люди ободрились—и завязалась жестокая свалка, которая продолжалась до самаго разсвѣта. Поляки, видя, что казаки Сагайдачнаго не помогаютъ имъ, отошли, потерявъ 30 человѣкъ убитыми и 110 ранеными.

Въ это же время другая часть поляковъ хотѣла ворваться въ Москву со стороны Тверскихъ воротъ, но принесенныя ими лѣстницы оказались короткими, они не могли перелѣзть черезъ стѣны, окружавшія тогда Москву, и отступили безъ всякаго успѣха.

Тогда королевичъ Владиславъ отошелъ отъ Москвы. Робкіе московскіе бояре возобновили переговоры о мирѣ, и въ ноябрѣ 1618 года между русскими и поляками было заключено въ деревнѣ *Деулинѣ* перемиріе на 14 лѣтъ. По договору три коренныя русскія области—Смоленская, Сѣверская и Черниговская—отошли къ полякамъ.



Шеломы.

40. Русское войско при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Теперь, казалось, Русь окончательно погибла. Внутренняя смута, дикія выходки русскихъ людей, нападавшихъ на своихъ помѣщиковъ, пьяный разгулъ въ деревняхъ, шатаніе тысячъ людей за самозванцами—съ одной стороны, съ другой—

побѣды поляковъ и шведовъ окончательно ослабили нѣкогда могучую Россію, и можно было думать, что она уже не встанетъ изъ обломковъ былого своего величія и могущества. Такъ нѣкогда разгромленная татарами, угнетаемая татарскими баскаками, разоренная и пожженная Русь долго тлѣла пожарищемъ, ожидая призыва къ жизни. И призывъ къ жизни раздался тогда изъ Москвы. Тамъ явились мудрые Князья, а потомъ Цари, которые собрали Русь и изъ обломковъ создали могучее великое царство. Царь и его дружина вѣрная, его храбрая рать, его смѣлые казаки создали снова громадное, величественное государство. Но умеръ послѣдній Царь, и безъ Царя, какъ хозяйство безъ хозяина, стала снова падать и нищать Русь. Но теперь уже ей легче было встать. Царь былъ избранъ разумный и смѣлый, а съ Царемъ не страшны были Руси никакія невзгоды. Богомъ и Царемъ православнымъ сильна была во всѣ вѣки наша родина, и теперь, порабощенная поляками, угрожаемая изъ самого Смоленска, Русь послушно обратилась къ Царю и ждала, что укажетъ ей молодой Государь.

А молодой Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ оказался прозорливецъ. Недаромъ Господь судилъ ему перенести въ молодые годы всѣ страшныя смуты. Во время этихъ смутъ, воюя съ поляками и шведами, Михаилъ Ѳеодоровичъ увидѣлъ ясно, что безъ постояннаго, хорошо обученнаго войска—Руси не быть ни цѣльной, ни живой.

И вотъ, подписывая невыгодные Столбовскій и Деулинскій договоры, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ уже обдумывалъ, какъ привести ему свое царство къ спасенію, какъ снова отобрать исконныя русскія земли отъ враговъ Россіи. Для этого нужно было войско. То нерегулярное войско, которое было до того времени, уже не годилось. Дружина была плохо обучена, рать, собираемая лишь въ минуты нужды, не могла бороться съ хорошо обученными польскими и шведскими войсками, нужно было подумать, какъ создать себѣ войско вѣрное и храброе, готовое каждую минуту къ бою и отраженію врага, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго. Въ тѣ времена, на Западѣ, въ чужихъ земляхъ были такіе люди, которые избирали своимъ ремесломъ военное дѣло. Они внимательно и добросовѣстно изучали военную науку, собирали охочихъ заняться такимъ ремесломъ людей, обучали ихъ и создавали свои полки, а затѣмъ цѣлыми полками нанимались къ различнымъ государямъ и служили имъ вѣрою и правдою. Такіе полки были уже у русскихъ. Были во времена Царя Ивана Грознаго, были и при Борисѣ Годуновѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшилъ начать съ того, что завести хотя наемныя иноземныя войска, чтобы было чѣмъ воевать съ врагами Россіи. И вотъ, въ 1631 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ нанятаго уже полковника *Лесли* въ Швецію, чтобы онъ тамъ набралъ за деньги 5.000 солдатъ. А въ Данію, Голландію и Англію былъ посланъ *подполковникъ фонъ-Дамъ*, чтобы тамъ набрать цѣлый полкъ «добрыхъ и ученыхъ солдатъ», какъ говорилось въ царской граматѣ.

Съ этого времени въ русской арміи стало нарождаться и самое слово *солдатъ*. Слово это не русское, а происходитъ отъ французскаго слова *сольдъ*, что значитъ—плата. Человѣкъ, нанимавшійся за плату, носилъ имя *солдата*. Съ этого времени понемногу въ обиходъ русскій стали проникать иностранныя, чужія слова. Передовой полкъ стали называть авангардомъ, крылья—флангами, сраженіе—баталіей. Многіе наемные иноземные солдаты остались навсегда въ Россіи. Они сжились съ русскими, приняли русскую православную вѣру, поженились на русскихъ, получили или въ приданое, или отъ Царя въ награду за вѣрную службу усадьбы и

помѣстья и стали совершенно русскими людьми. И только нѣмецкая, шведская или англійская фамилія напоминаетъ о томъ, что родились они не на русской землѣ. Иные и самую фамилію передѣлали на русскій ладъ. Такъ, выходецъ изъ Англіи, Лермонтъ далъ начало чисто-русскому роду Лермонтовыхъ, одинъ изъ которыхъ прославилъ свое имя безподобными стихами. Сами военные, наемные воины эти и дѣтей своихъ готовили на военную службу и изъ рода въ родъ на ней оставались. И ихъ потомки и до нашихъ дней служатъ Россіи, но уже не отдѣльными наемными полками, а разбились они по всѣмъ полкамъ. Вотъ почему на русской службѣ такъ много чисто-русскихъ, преданныхъ престолу и отечеству людей, но носящихъ иностранную фамилію.

Нанимая нѣмецкіе полки, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ одновременно приказалъ изъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и вольныхъ людей набрать постоянныя дружины, которыя обучать иностранному военному строю подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ.

То, что тридцать девять лѣтъ тому назадъ дѣлала Японія, пригласившая къ себѣ нѣмецкихъ офицеровъ, то, что послѣ Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. сдѣлала Болгарія, обучавшая свои полки подъ руководствомъ нашихъ офицеровъ, то, что дѣлаетъ Персія—лучшіе полки которой обучаются по русскому уставу русскими офицерами, унтеръ-офицерами и урядниками, то самое мы сдѣлали безъ малаго триста лѣтъ тому назадъ, въ 1631 году.

Такимъ образомъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ создались войска слѣдующаго вида:—1) *войска русскаго строя*—это старые стрѣльцы, жильцы и рать, приводимая дворянами прямо въ поле на войну, почти не подготовленная, и 2) *войска иноземнаго строя*, которыхъ въ то время было даже больше, нежели русскихъ полковъ. Наемнымъ солдатамъ мы не имѣли большой вѣры; такъ, отправляя деньги подъ охраною нѣмецкихъ солдатъ, наши дѣды приставляли къ нимъ и своихъ русскихъ стрѣльцовъ «къ государевой казнѣ для береженья».

Такъ создавалъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ войско, которое считалъ необходимымъ для спасенія, счастія и береженія родины.

Конницу тогдашнюю составляли, какъ и встарину, русскіе дворяне, а также дѣти боярскія, крещеные татарскіе мурзы, казаки и даточные люди. Но, кромѣ нихъ, были конные наемные солдаты, которые составили *рейтарскіе* и *драгунскіе* полки. Первоначально рейтарскіе и драгунскіе полки цѣликомъ составлялись изъ наемныхъ иноземцевъ, но потомъ постепенно ихъ стали пополнять русскими людьми, и только начальниками долгое время оставались наемные иностранцы. Рейтары въ мирное время жили по своимъ деревнямъ и занимались хлѣбопашествомъ, какъ и другіе русскіе крестьяне, но обязаны были разъ въ годъ на мѣсяцъ пріѣзжать въ областной городъ, гдѣ собирались въ полки. Для командованія и обученія этихъ полковъ изъ Москвы пріѣзжали наемные нѣмецкіе полковники и ротмистры, которые и производили имъ ученья. Въ рейтарскомъ конномъ полку бывало по 1.000—1.500 человѣкъ. Полкъ дѣлился на роты.

Драгуны также набирались изъ наемныхъ иноземцевъ, но помѣстій и вотчинъ имъ не давали, а получали они отъ казны денежное жалованье, лошадей и конскую сбрую.

Пѣхоту составляли стрѣльцы и иноземные наемные полки, а также полки русскихъ людей, обученные нѣмецкими офицерами нѣмецкому строю. Въ пѣхотномъ

полку было отъ 1.000—2.000 солдатъ, и полки назывались по именамъ своихъ начальниковъ. Каждый полкъ имѣлъ свои знамена и пушки. Дѣлился онъ на роты. Въ полку были роты мушкетеровъ, стрѣлявшія изъ ружей, или мушкетовъ, и роты пикинеровъ, дѣйствовавшія пиками, или копьями.

Артиллерію нашу составляли пушкари, стрѣлявшіе изъ пушекъ, затинщики, готовившіе порохъ и устраивавшіе подкопы, плотники и кузнецы, строившіе и чинившіе лафеты. Михаилъ Ѳеодоровичъ не разъ устраивалъ пушкарямъ смотры боевой стрѣльбы изъ различныхъ орудій. Артиллеристы жили въ Москвѣ и другихъ областныхъ городахъ цѣлыми слободами. Такъ въ Москвѣ были слободы Кузнецкая, Гранатная и т. д. Эти имена сохранились и до нашего времени. Такъ лучшая и богатѣйшая улица Москвы носитъ названіе Кузнецкаго моста, потому что тамъ жили артиллерійскіе кузнецы; есть Гранатный переулокъ, потому что тамъ жили гранатчики. Званіе пушкаря передавалось въ потомство. Сынъ пушкаря и самъ былъ пушкаремъ, и въ свою очередь и сына своего готовилъ въ пушкари.

Оружіе, которымъ вооружилъ свою пѣхоту и конницу Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, было, главнымъ образомъ, холодное. Но были и ружья. Ружья были снабжены недурнымъ кремневымъ замкомъ. Подъ кремнемъ была полка. Отъ искръ, высѣкаемыхъ изъ кремня, воспламенялся порохъ, насыпанный на полкѣ, и передавалъ огонь пороху, насыпанному въ казенную часть ружейнаго дула. Ружья эти назывались: *ручными пищалями*, *карабинами* и *пистолями*. Войска иноземныя были вооружены *мушкетами*. Мушкеты были такъ тяжелы, что при стрѣльбѣ изъ нихъ дульную часть клали на особую рогатку. Пуль приходилось десять на фунтъ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ потребовалъ отъ дворянъ, чтобы они выѣзжали на службу хорошо одѣтыми и въ исправномъ снаряженіи. Они должны были имѣть латы, панцыри, шлемы или особыя шапки—мисюрки. Также и крестьяне, которыхъ они брали въ походъ, должны были быть совершенно здоровы, «на добрыхъ лошадяхъ», съ хорошимъ оружіемъ, въ латахъ и въ шишакахъ. Нѣмецкіе полки и стрѣльцы были совершенно одинаково и хорошо одѣты.

Артиллерія имѣла самыя разнообразныя пушки. За смутное время она сильно пострадала. При Царѣ Иванѣ Грозномъ московскіе пушкари славились. Во время смуты мастера пушкарскаго дѣла, искусные кузнецы и литейщики порастерялись. Пушки, снаряды и принадлежности къ нимъ были частью испорчены, частью увезены непріятелемъ—поляками и шведами. Когда Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ воеводамъ и градоправителямъ привести въ извѣстность и отписать ему, какія пушки еще остались, ему отвѣчали:—что пушки остались такія, что «стрѣлять или совсѣмъ не можно, или будетъ престрашно». Снарядовъ найдено было много—«но ни къ какому наряду, то-есть пушкѣ, не годятся—велики».

Царь приказалъ все привести въ порядокъ. И вотъ, въ разгромленной врагомъ Руси закипѣла работа. Начали лить и длинныя пушки, «затинныя, вѣстовыя, полуторныя», и нѣкоторое подобіе картечницъ—дробовики или, какъ ихъ называли—«тюфяки дробовые»; потомъ дѣлали мортиры, называвшіяся «верховыми мозжерами». Пушки эти составили полковую артиллерію—по 5, 8 пушекъ на пѣхотный полкъ,—крѣпостную и осадную. Осадная артиллерія въ мирное время хранилась въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ.

Снаряды къ пушкамъ были сплошные, разрывные и зажигательные. Сплошные снаряды—были каменныя, желѣзныя, чугунныя и свинцовыя ядра, а также мелкія

желѣзныя и свинцовыя пули, называемыя дробомъ. Разрывные снаряды, или чиненки—были пустыя внутри, набитыя порохомъ съ фитилемъ, который зажигался передъ вкладываніемъ снаряда въ дуло пушки. Зажигательные и свѣтящіе снаряды—это были каменныя ядра, облѣпленныя особымъ горючимъ составомъ, приготовленнымъ изъ смолы и воспламенявшимся при выстрѣлѣ. Снаряды были сдѣланы грубо, потому и мѣткость стрѣльбы была небольшая.

Сами пушки были мѣдныя, желѣзныя, а съ 1637 года и чугунныя. Станки и лафеты, на которые ихъ устанавливали, были очень неуклюжи.

Ружья, пищали и мушкеты уже и тогда работали въ Тулѣ, Устюжнѣ и Каширѣ. Тамъ же ковали и сабли, и копья для пикъ. Первый казенный оружейный заводъ былъ устроенъ въ 1648 году на р. Лузѣ. Но работали тогда очень медленно, потому что все дѣлалось вручную, машинъ и станковъ тогда не знали. Такъ тульскіе оружейники могли въ годъ изготовить не болѣе 2.000 ружей. А между тѣмъ для вновь создаваемаго войска нужно было много оружія. И вотъ, въ 1631 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ стольника Племянникова и дьяка Аристова за границу и они привезли 10.000 мушкетовъ и 5.000 шпагъ.

У насъ среди оружейныхъ мастеровъ проявились такіе искусники, которые при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ построили пушку, заряжающуюся съ казны, а также нѣкоторое подобіе револьвера и магазиннаго ружья.

Порохъ, или зелье, дѣлался частными лицами—казенныхъ пороховыхъ заводовъ тогда еще не было.

И при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ такъ же, какъ и раньше, ратники, выходившіе на войну вмѣстѣ съ дворянами, одѣвались въ домашнія одежды, кто что имѣлъ, тотъ то и надѣвалъ, однако стрѣльцы и иноземные наемные полки имѣли одинаковую форменную одежду. Стрѣльцы носили длинные суконные кафтаны съ отложными воротниками; кафтаны застегивались на груди шнурами. Обувь состояла изъ мягкихъ сапогъ въ родѣ кавказскихъ чувякъ. Шапка въ мирное время была мягкая; въ военное время стрѣльцы надѣвали на голову желѣзный шишакъ. Полки различались другъ отъ друга по цвѣту воротниковъ, шапокъ и даже сапогъ. Начальники носили большія рукавицы и трости, или посохи.

Наемные полки носили короткую нѣмецкую одежду.

Каждый стрѣлецкій, драгунскій, рейтарскій и солдатскій полкъ имѣлъ свое знамя, жалованное Государемъ. Кромѣ того, были знамена сотенныя, или братскія, и въ каждой ротѣ. Знамена, имѣвшія четырехугольное полотнище, назывались *прапорами*, а люди, ихъ носившіе—*прапорщиками*. Слово это сохранилось и до нашего времени. Для подачи сигналовъ употреблялись барабаны и трубы. Стройныхъ маршей по нотамъ тогда музыканты не играли, но стремились только произвести возможно больше шума.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ опять собралъ разошедшіеся было приказы, или, какъ нынче называютъ—штабы. Приказы эти были: *разрядный, стрѣлецкій, пушкарскій,* да къ нимъ послѣ найма нѣмецкихъ солдатъ прибавился еще *рейтарскій* приказъ, вѣдавшій наемными полками.

Но, несмотря на всѣ эти мѣры, войско наше, какъ непостоянное, было очень плохо. Главнымъ образомъ плохо было оружіе. Цѣлыми мѣсяцами, даже годами пищали лежали у помѣщиковъ безъ употребленія,—онѣ ржавѣли, замки портились, бой становился совсѣмъ скверный. Наступалъ походъ, а ружья не стрѣляли, сол-

даты не умѣли ихъ даже зарядить, копья и бердыши были не отточены. Полки русскіе въ бою стремились скорѣе добраться до непріятеля, ища побѣды въ рукопашной свалкѣ.

Въ походъ собирались медленно и неохотно. Отвыкшіе, вѣрнѣе, совсѣмъ не знающіе военной службы парни старались возможно долѣе затянуть сборы на войну, да и съ похода многіе разбѣгались по домамъ. На бивакахъ и почлегахъ приходилось выставлять парные посты не отъ непріятеля, а для того, чтобы не пускать бѣглецовъ уходить изъ лагеря.

Войско наше нуждалось въ крупныхъ преобразованіяхъ, но врагъ не ждалъ. Нужно было выступать въ поле съ тѣмъ, что имѣлось, нужно было пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вернуть искони русскія области, занятыя теперь поляками и шведами.

Такой случай скоро представился. Срокъ Деулинскаго перемирія кончился, когда, въ 1632 году, умеръ польскій король Сигизмундъ. Въ Польшѣ короля выбирали выборные со всей Польской земли. Обыкновенно выборы сопровождались смутой и безпорядками. Этимъ рѣшили воспользоваться въ Москвѣ, и послѣ совѣта съ патріархомъ и боярами Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ объявилъ войну полякамъ.

По городамъ и селамъ бирючи начали скликать ратныхъ людей на службу. Потянулись и дворяне со своими слугами и длинными обозами продовольствія; со всѣхъ концовъ начали сгонять подводы подъ «нарядъ», или пушки. Большими воеводами, то-есть главнокомандующими, были назначены князья Черкасскій и Лыковъ.

41. Вторая война съ поляками. 1632—1634 г.

Лѣтомъ 1632 года русскіе ратные люди пошли изъ Москвы на западъ, на Польшу. Пошли съ ними и нѣмецкіе отряды наемныхъ иноземцевъ. Польшѣ было не до войны. Жестокая внутренняя смута ее раздирала, но не хорошо велось дѣло и въ нашемъ войскѣ. Вмѣсто того, чтобы дружно идти впередъ, воеводы начали считаться кто старше и кому подъ чьимъ начальствомъ быть удобно или неудобно. Время уходило, а русскія войска стояли безъ дѣла, потому что никто имъ не отдавалъ приказа о движеніи. Такъ прошло лѣто въ перепискѣ съ московскими Разрядами безъ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, въ августѣ къ русской рати прибылъ воевода *Шеинъ*, назначенный главнымъ воеводою. 20 лѣтъ до этой войны, въ 1609—1611 году онъ прославилъ свое имя обороною Смоленска, теперь уже сѣдобородымъ старикомъ, больнымъ и дряхлымъ прибылъ онъ, чтобы отбирать этотъ самый Смоленскъ. Русское войско, считая по тогдашнему времени, было очень велико. Всего набралось 32.000 человѣкъ со 158 орудіями. Бояринъ Шеинъ собралъ воеводъ и отдалъ слѣдующій приказъ:—прежде всего конница, малороссійскіе казаки и разнаго рода «рѣзвые люди», какъ говорилось въ приказѣ, должны были захватить Дорогобужъ, а потомъ идти для овладѣнія Смоленскомъ, куда направлялись и главныя силы.

«Рѣзвые люди» хорошо справились съ отданнымъ имъ приказомъ. 23 города были ими отняты у поляковъ и подъ ихъ прикрытіемъ воевода Шеинъ подошелъ къ Смоленску и приступилъ къ его осадѣ. Окруживши городскія стѣны войсками, Шеинъ приказалъ рыть рвы и насыпать валы такой высоты, чтобы они стали

выше стѣнъ Смоленскихъ. Нѣмецкіе наемные полковники: Лесли, Карлъ-Яковъ, Маттисонъ руководили работами. На канатахъ поднимали тяжелыя пушки и ядро за ядромъ начали посылать снаряды въ городъ. Первые выстрѣлы раздались въ октябрѣ 1632 года. Они камень за камнемъ, кирпичъ за кирпичомъ разбивали стѣны, рушили постройки, убивали людей, но поляки держались твердо. Гордый полякъ полковникъ Станиславъ Воеводскій на всѣ предложенія о сдачѣ отвѣчалъ отказомъ. У поляковъ не хватало продовольствія, они голодали, ихъ дома стояли безъ крышъ—они мерзли, но встрѣчали мужественно всѣ атаки русскихъ людей и зима тянулась, а Смоленскъ все не былъ взятъ. Прошла зима, наступило лѣто, а все было по-прежнему—Шеинъ не рѣшался захватить открытою силою полуразрушенный городъ, поляки встрѣчали мужественно всякую попытку овладѣть ими.

Но почему же это было такъ? Почему не могли русскія войска взять Смоленскъ? Причинъ было много. Старый воевода Шеинъ уже не имѣлъ прежней рѣшимости и храбрости, составившей ему славу, солдаты дрались плохо: вѣдь это были все наемники, нѣмцы, неохотно подставлявшіе свои головы подъ удары непріятеля.

И пока шла эта осада, въ Польшѣ кончилась внутренняя смута. Сынъ короля Сигизмунда, королевичъ Владиславъ, тотъ самый, что въ смутныя времена на Руси хотѣлъ быть царемъ Московскимъ, былъ избранъ царемъ Польскимъ. Онъ сейчасъ же собралъ 23-тысячное войско и пошелъ съ нимъ на выручку Смоленску. Въ то же время малороссійскимъ казакамъ, часть которыхъ была тогда подъ властью Польши, и крымскимъ татарамъ было приказано разорять русскіе города на югѣ. Когда объ этомъ услыхали въ русскомъ станѣ русскіе, малороссійскіе казаки самовольно покинули ряды полковъ и ушли отъ Шеина, и подъ Смоленскомъ, въ русскомъ станѣ остались одни наемные нѣмцы да плохо обученная русская рать.

А между тѣмъ, 25-го августа 1633 года король Владиславъ подошелъ къ Смоленску и расположился въ 7 верстахъ отъ города. 28-го августа поляки бросились на укрѣпленіе полковника Маттисона, построенное на Покровской горѣ,—но наемные нѣмцы отбросили ихъ и поляки отошли съ большими потерями.

Владиславъ повторилъ свои штурмы, и вскорѣ русскіе и иноземцы покинули Покровскую гору и она была занята поляками.

9-го октября Шеинъ, окруженный поляками, обратившійся изъ осаждающаго въ осажденнаго, рѣшилъ выйти изъ укрѣпленій и въ открытомъ бою разбить поляковъ. Цѣлый день шелъ бой. Сначала русскіе и нѣмецкіе наемные полки какъ будто бы имѣли успѣхъ, но потомъ были потѣснены, ушли въ свои земляныя укрѣпленія и тамъ заперлись. Теперь уже русскимъ войскамъ не хватало продовольствія. Польскія заставы не пропускали къ нимъ обозовъ, начался голодъ. Съ первыми холодами заволновались наемные нѣмцы. «Мы нанимались»—говорили они—«воевать, а не мерзнуть да отсиживаться по сырымъ землянымъ укрѣпленіямъ». Полковники нѣмецкіе ссорились между собой на глазахъ у самого Шеина. Дошло до того, что старшій полковникъ Лесли застрѣлилъ изъ пистолета англійскаго полковника Сандерсона. Отъ голода, осенней сырости и болѣзней люди умирали. Они стали ко всему равнодушны. Зимою въ станъ умирающихъ русскихъ солдатъ пришли польскіе переговорщики съ письмомъ отъ короля Владислава. Владиславъ писалъ о томъ, что онъ знаетъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи нахо-

дится русское войско, и уговаривалъ Шеина сдаться. Заплакалъ старый русскій воевода и ничего не отвѣтилъ Владиславу. А на другой день наемные нѣмецкіе полковники пришли въ его землянку и стали требовать отъ него сдачи. Шеинъ отказалъ. Они пришли еще и еще разъ, они отказывались драться, открыто бранили его...

Шеинъ сдался на ихъ уговоры.

19-го февраля 1634 года восьмитысячное русское войско вышло изъ своихъ укрѣпленій. Шитыя иконами съ крестами наверху знамена наши позорно преклонились передъ поляками. Всѣ наши пушки, часть оружія, которое не могли нести наши солдаты на себѣ, достались полякамъ. Шеинъ и другіе наши воеводы должны были, проѣзжая мимо Владислава, слѣзать съ лошадей и кланяться полякамъ. Послѣ этого русскія войска присягнули королю Владиславу въ томъ, что четыре мѣсяца не будутъ дѣйствовать противъ него, а иноземцы дали клятву вообще никогда не воевать противъ поляковъ.

Такъ неудачей кончились наши дѣйствія противъ поляковъ. Но русскіе люди въ Москвѣ не пали духомъ. Они и слушать не хотѣли оправданій Шеина и его помощника Измайлова. Русскія знамена не на то были ввѣрены имъ, чтобы преклонять ихъ передъ польскимъ королемъ! Задѣта была честь русскаго народа, и онъ возмутился. Старому Шеину требовали смерти. Смерти воеводѣ, когда-то отстоявшему Смоленскъ! На Красной площади въ Москвѣ поставили плаху и палачъ отсѣкъ головы воеводамъ Шеину и Измайлову.

Откинувъ русское войско отъ Смоленска, Владиславъ пошелъ къ Бѣлой. Но воевода, стоявшій въ этомъ городѣ, устрашенный участью Шеина и Измайлова, такъ храбро оборонялся, на штурмы польскіе отвѣчалъ отчаянными вылазками, что поляки должны были отступить. Въ это время турки напали на Польшу и Владиславъ согласился заключить миръ.

Въ маѣ 1634 года на р. Поляновкѣ былъ заключенъ миръ съ Польшею почти что на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ Деулинѣ.

42. Взятіе донскими казаками Азова.

Видно, еще слаба была Россія... Не оправилась она послѣ тяжелой смуты, не имѣла самаго главнаго, безъ чего ни одно государство не можетъ существовать—не имѣла войска! Наемные нѣмецкіе полки не оправдали себя. Руси нужно было войско русское, составленное изъ русскихъ людей, любящихъ Москву, любящихъ своего Государя, готовыхъ отдать за него и жизнь и имущество. А такихъ войскъ на Москвѣ еще было мало. Не было людей, которые любили бы родину больше жизни, а если и были они, то не знали военнаго дѣла, не были собраны въ полки и обучены. Мы всѣ слыхали про подвигъ Костромского крестьянина Ивана Сусанина, который завелъ польскій отрядъ, искавшій убить только что выбраннаго царя Московскаго Михаила Ѳеодоровича, и, несмотря на угрозы смертью, не вывелъ изъ дремучихъ лѣсовъ поляковъ, за что и былъ убитъ. Несомнѣнно, что такихъ мужественныхъ людей, людей, любящихъ Царя и преданныхъ ему, было много, но не были они собраны въ полки, не были обучены военному дѣлу—и, вотъ, Русь терпѣла пораженіе за пораженіемъ. Неудачами кончилась первая война съ

поляками, разбили насъ шведы, и вторая война съ польскимъ королемъ Владиславомъ не дала намъ ни славы, ни побѣдъ!

По тамъ, гдѣ русскіе люди собрались въ войско, гдѣ они полюбили военное ремесло, тамъ они были непобѣдимы. Такъ было на Дону. Почти что въ то же время, какъ громадное войско Шеина терпѣло неудачи подъ Смоленскомъ, донскіе казаки, собравшись въ числѣ около 5.000 человѣкъ подъ командою атамана *Михаила Татаринова,* за свой страхъ напали на сильную турецкую крѣпость, защищаемую многочисленнымъ турецкимъ войскомъ, сдѣлали подкопъ въ стѣнѣ, взорвали ее и ворвавшись въ крѣпость овладѣли ею... Не считая, что они одни будутъ въ силахъ удержать крѣпость, они просили принять ее Царя Михаила Оеодоровича. Не до того было русскимъ. Только что заключенъ былъ Поляновскій миръ. Не было у насъ ни войска, ни наряда (пушекъ), не было ни воеводъ, ни ратныхъ людей. Царь отказалъ донскимъ казакамъ въ принятіи у нихъ Азова.

Но донцы изъ Азова не ушли. Три года, отдавая всѣ свои деньги, все имущество, укрѣпляли они Азовъ, построили башни и каменныя стѣны, перетянули цѣпь черезъ устье Дона. Въ 1641 году султанъ Ибрагимъ I послалъ 240.000 войска со 100 орудіями противъ 5.000 казаковъ, запершихся въ городѣ съ атаманами *Наумомъ Васильевымъ* и *Осипомъ Петровымъ.*

Турецкій паша потребовалъ сдачи города. «Приди и возьми!»—отвѣчалъ ему донской атаманъ. Турецкая армія грознымъ потокомъ кинулась на Азовскія стѣны, но казаки отбили ея натискъ. Не только казаки, но и ихъ жены, донскія казачки, помогали въ этомъ дѣлѣ. Всѣ натиски были отбиты. То, что турки разбивали пушками, казаки сейчасъ же возобновляли. Шла борьба не на животъ, а на смерть—борьба за славу Донскую. И донцы побѣдили. Изнеможенные, исхудалые вышли казаки изъ крѣпости въ послѣднюю вылазку, рѣшивши всѣ погибнуть до послѣдняго, но крѣпости не сдавать. Былъ туманъ, не видно было турецкаго стана. И, когда туманъ разсѣялся, казаки увидали, какъ спѣшно грузится турецкое войско на корабли. Турки сняли осаду.

Вторично атаманы донскіе просили Московскаго царя взять Азовъ подъ свою высокую руку. Шумѣли русскіе люди на Земскомъ соборѣ, говорили длинныя рѣчи, но принять Азовъ отказались. Не сильна еще была Москва, чтобы послѣ тяжелыхъ, неудачныхъ войнъ со шведами и поляками вынести новую войну съ турками...

Уже много позднѣе, при Петрѣ Великомъ, русское войско и донскіе казаки овладѣли вновь Азовомъ, и это стоило Россіи много силъ и многихъ денегъ.

43. Присоединеніе Малороссіи. 1653 г.

По смерти Царя Михаила Ѳеодоровича на престолъ вступилъ сынъ его Алексѣй Михайловичъ. Глубоко понималъ этотъ царь, какъ необходимъ для Руси прочный миръ. Нужно было устроить войско, создать, обучить его прежде всего... Но враги наши—шведы, поляки, турки, татары—враги внѣшніе не спрашивали насъ, готовы мы или нѣтъ. Приходилось чинить старое и воевать съ наскоро обученными полками. И не только враги внѣшніе мутили въ это время Русь, но на

Волгѣ поднялись крестьяне, примкнули къ смѣлому и дерзкому казаку Степану Разину, къ войнамъ внѣшнимъ присоединилась страшная внутренняя смута, потребовавшая новыхъ войскъ, новаго напряженія силъ, много крови!

Все это перенесъ, перестрадалъ русскій народъ. Да мало того, что перенесъ и перестрадалъ, еще и вышелъ побѣдителемъ изъ этой смуты! Въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ многочисленныхъ войнахъ, веденныхъ Русью, шла дѣятельная подготовка войскъ, создавались тѣ начальники, которые потомъ помогли Петру выдвинуть Россію на первое мѣсто среди державъ всего міра!

Страшною работою, цѣлымъ рядомъ подвиговъ русскаго солдата создавалась Русь. Въ эти годы царствованія Алексѣя Михайловича на Москвѣ появились такіе искусные литейщики и пушечныхъ дѣлъ мастера, которые сумѣли сдѣлать пушки, заряжающіяся съ казны, которые дѣлали нарѣзныя ружья, подобныя нынѣшнимъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ мудрый царь. Онъ зналъ, что врагъ не будетъ спрашивать, готовы мы или нѣтъ, есть ли у насъ воеводы, и дѣятельно готовился къ войнѣ. Онъ самъ водилъ полки на бой и побѣждалъ врага. Царь не гнушался иностранцевъ, не боялся учиться самъ и учить у нихъ русскихъ людей. Сколько можно, онъ оберегалъ миръ. Но когда увидѣлъ, что дальнѣйшій миръ послужитъ къ униженію Руси, онъ не задумался начать цѣлый рядъ кровопролитныхъ войнъ...

Первая война была съ поляками. Началась она изъ-за русскихъ православныхъ людей, малороссіянъ, называемыхъ у насъ въ народѣ—хохлами.

Давно, давно, въ тѣ стародавнія времена, когда еще только на смѣну порабощенному татарами и поляками Кіеву поднималась на сѣверѣ Москва, русскіе люди стали селиться по Днѣпру и образовали войско Днѣпровскихъ, или запорожскихъ казаковъ. Потомъ къ нимъ стали примыкать крестьяне, селившіеся по Днѣпру, и такъ же точно, какъ на Дону образовалось великое и сильное Донское войско, такъ по Днѣпру поселились Малороссійскіе, или Днѣпровскіе казаки. И были у нихъ свои города и былъ у нихъ свой атаманъ, котораго они называли гетманомъ и котораго сами выбирали себѣ на общемъ сходѣ, называемомъ «радою».

Но когда усилилась Польша, она покорила казаковъ. Она заставила казачьи полки воевать за себя. Поляки притѣсняли казаковъ. Поляки были католической вѣры, казаки—православные. И вотъ, поляки задумали перекрестить казаковъ въ свою вѣру. Но не измѣнили казаки вѣрѣ отцовъ. Тогда поляки напустили на казаковъ — жидовъ. Вкрадчиво и съ ласкою, съ умильною улыбкою на устахъ и съ ядомъ ненависти въ сердцѣ вошелъ Жидъ въ среду малороссійскихъ казаковъ, и вотъ, скоро всѣ шинки, гдѣ-таки любили кутнуть казаки, стали въ рукахъ у жидовъ. Мало того: самыя церкви православныя были сданы въ аренду жидамъ и жидъ пускалъ молящихся только за деньги. Не разъ бунтовали противъ поляковъ казаки; но поляки, имѣя лучшее войско и лучше вооруженные, всегда покоряли казаковъ и годъ отъ года казакамъ подъ властью поляковъ становилось все хуже и хуже. Дошло до того, что полякъ смотрѣлъ на казака почти какъ на своего раба и высокомѣрно и нагло съ нимъ обращался.

Казаки подъ начальствомъ своихъ гетмановъ *Наливайко, Тараса* и *Остраницы* выгоняли поляковъ отъ себя, но на мѣсто выгнанныхъ являлись новые отряды и казаковъ вѣшали, сажали на колы и уничтожали.

И вотъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича среди малороссійскихъ казаковъ появился замѣчательный человѣкъ—гетманъ *Богданъ Хмѣльницкій*. Въ

1648 году онъ поднялъ казаковъ на поляковъ. Польская конница встрѣтила казачьи полки у *Желтыхъ Водъ*. Страшна была эта битва двухъ конныхъ народовъ. Начальникъ поляковъ Стефанъ Потоцкій былъ убитъ въ этой битвѣ. Новое войско поляковъ было разбито у *Корсуна*. Весь обозъ, польскія знамена и пушки достались казакамъ. При первыхъ же побѣдахъ казачьихъ къ казакамъ примкнули татары. Теперь большая казачья и татарская, легкая, быстрая рать покатилась вдоль Днѣпра по мѣстности, называемой Украйной, потому что она находится у края Русской земли. Самъ король польскій *Янъ-Казимиръ* выступилъ противъ казаковъ во главѣ отличнаго польскаго войска.

У *Зборова* произошло кровопролитное сраженіе. Два мужественныхъ, пылкихъ народа столкнулись другъ съ другомъ. Казачьи сабли рубились съ польскими. Безъ числа было оказано подвиговъ въ этомъ страшномъ бою. Двадцать тысячъ поляковъ легло на полѣ брани. Король едва успѣлъ спастись, весь его лагерь, обозы и пушки достались казакамъ.

Поляки просили мира. Много было обѣщано казакамъ, но ни одно изъ обѣщаній не было исполнено. Едва казаки разошлись изъ полковъ по домамъ, какъ начались тѣ же притѣсненія, то же презрительное отношеніе поляковъ къ казакамъ и жиды стали у православныхъ храмовъ. Тогда Хмѣльницкій вошелъ въ переговоры съ Крымскимъ ханомъ и началъ новую войну съ поляками. Но подъ *Берестечкомъ* татары измѣнили казакамъ, въ самую рѣшительную минуту сраженія казаки были покинуты татарами и разбиты. Еще хуже стало казакамъ. Поляки мстили казакамъ за прежнія ихъ побѣды.

Рада въ Малороссіи. Богданъ Хмѣльницкій объявляетъ о подданствѣ Малороссіи Русскому Царю Алексѣю Михайловичу.

Тогда Хмѣльницкій собралъ раду изъ казаковъ и спросилъ ихъ, что думаютъ они дѣлать дальше. Безъ посторонней помощи, безъ поддержки имъ не осилить поляковъ. И какъ одинъ человѣкъ воскликнули казаки: — хотимъ подъ Царя Московскаго Православнаго!

Когда объ этомъ донесли Царю Алексѣю Михайловичу, онъ собралъ земскую думу и въ 1652 году рѣшено было присоединить Малороссію къ Россіи. *Въ январѣ 1653 года въ городѣ Переяславлѣ* собралась казачья рада. Слова гетмана Богдана Хмѣльницкаго о присоединеніи къ Россіи были встрѣчены восторженными криками:—*хотимъ! волимъ! подъ Царя Московскаго!!* и тутъ же казаки цѣловали крестъ и Евангеліе, принося клятву въ вѣрности Московскому государю.

Но это непремѣнно должно было повлечь за собою новую войну съ поляками. И, дѣйствительно, она началась уже въ 1654 году.

Красныя ворота въ Москвѣ.

44. Войны Царя Алексѣя Михайловича съ поляками и шведами.

Царь Алексѣй Михайловичъ зналъ, что, соглашаясь на присоединеніе къ Москвѣ громаднаго Малороссійскаго края, онъ готовитъ войну съ Польшей. Да иначе и быть не могло: гордый народъ русскій не могъ терпѣть, чтобы изъ вѣка въ вѣкъ русскіе города, и въ томъ числѣ Смоленскъ, были во власти поляковъ. И вотъ, на земскомъ соборѣ въ 1653 году русскіе люди, собравшіеся со всей Руси, обсудили это дѣло и порѣшили начать войну съ Польшей. Москва не дожидалась теперь, когда врагъ нападетъ на нее, но чувствуя, что война неизбѣжна, сама напала на него.

Въ маѣ 1654 года Царь Алексѣй Михайловичъ выступилъ изъ Москвы во главѣ своего войска и пошелъ на западъ къ Смоленску. По просохшимъ уже дорогамъ,

въ облакахъ пыли шли закованные въ тяжелые доспѣхи нѣмецкіе наемные рейтары; конные стрѣльцы въ алыхъ кафтанахъ съ бердышами на плечѣ ѣхали сзади Царя. Густыми толпами двигалась рать, собранная отъ помѣщиковъ, и среди нея мѣрно шли тяжелыя колонны пѣмцевъ и стройные стрѣлецкіе полки. На телѣгахъ съ окованными желѣзомъ дубовыми колесами везли нарядъ, то-есть пушки. Онѣ были и большія и длинныя, и малыя и короткія; были тутъ и ряды маленькихъ пушекъ, точно мѣдныя ступки или колокола, поставленныя на вращающихся цилиндрахъ и называемыя органами. Глухой говоръ стоялъ надъ войскомъ. Раздавалась нѣмецкая команда, крики начальниковъ и гулъ толпы.

При приближеніи войска населеніе пряталось въ лѣса. Оно ждало разгрома домовъ, пожаровъ, убійствъ и насилій. Такъ всегда было. Тогда воевали не съ войскомъ, но со всѣмъ народомъ. Война кормила войну. Но въ порядкѣ проходили русскія войска черезъ бѣдныя бѣлорусскія деревни, не трогали ничего въ городахъ. Дьяки и офицеры разъѣзжали по краю, собирали трескомъ барабаннаго боя жителей, требовали къ себѣ старшинъ и объявляли имъ о великой милости царской.

— Царь и Великій Государь Московскій,—говорили они,—воюетъ не съ вами, смердами и холопами, воюетъ не съ православнымъ народомъ русскимъ, состоящимъ во власти польской по ошибкѣ, но съ поляками. Вамъ никакой обиды не будетъ. За все, что возьмутъ отъ васъ для надобностей войска, вамъ будетъ щедро заплочено. Солдатъ не разбойникъ!

«Солдатъ не разбойникъ». Эти великія слова раздались впервые въ русскомъ войскѣ. И что же?!—Жители стекались къ Царю Московскому, съ ними шли священники, и они цѣловали крестъ и евангеліе Царю Московскому. Громадный край покорялся русскимъ безъ пролитія крови. Дорогобужъ, Невель и Бѣлая открыли ворота передъ передовыми полками московскаго войска. Польскіе отряды, которые должны были оборонять ихъ, бѣжали къ Смоленску.

Въ концѣ іюня Царь подошелъ къ Смоленску. Русское войско остановилось передъ крутыми насыпными валами и высокими каменными стѣнами съ башнями, на которыхъ гордо рѣяли польскія знамена. Комендантъ города, литовскій воевода Обуховичъ, рѣшилъ Смоленска не сдавать. Онъ напомнилъ своимъ солдатамъ, какъ еще недавно русскіе полки уходили изъ Смоленска, преклоняя знамена передъ польскими начальниками.

Между тѣмъ русское войско дружно взялось за лопату. Насыпали валы кругомъ крѣпости, ставили на насыпныхъ крутыхъ валахъ, выше стѣнъ крѣпостныхъ, пушки, начали громить крѣпостныя стѣны. Старались пробить одно отверстіе, рядомъ били другое, готовя проломы въ стѣнахъ, черезъ которые возможно было бы ворваться внутрь крѣпости. И крѣпость и валы, ее окружавшіе, съ утра и до поздней ночи окутаны были бѣлымъ дымомъ пороховымъ. Шурша и ворча летали ядра, летали и разрывные снаряды и били въ стѣну, готовя проломъ. Наконецъ, 16-го августа загремѣли барабаны, запищали флейты и рожки и рокотомъ раздался тяжелый набатъ. Это не былъ колонный маршъ, стройный и лихой, но лишь страшный шумъ, заглушавшій крики раненыхъ и стоны умирающихъ—и подъ эту нестройную и нескладную музыку пошли полки московскіе на штурмъ Смоленска. Уже передовой полкъ въ тысячу слишкомъ человѣкъ копьями и бердышами откинулъ живую стѣну защитниковъ, уже по обвалившимся стѣнамъ забрался къ башнѣ

и вошелъ въ нее, захватывая пушки и обращая ихъ на городъ. Но вдругъ страшный взрывъ потрясъ землю и далекимъ эхомъ прокатился по лѣсамъ и холмамъ. То поляки взорвали бочками съ порохомъ эту башню, и полетѣли съ нея русскіе воины. Полторы тысячи человѣкъ погибло нашихъ при этомъ взрывѣ.

Все затихло въ русскомъ войскѣ. На другой день, по приказу царскому, въ станѣ русскомъ служили панихиды по воинамъ, за вѣру, Царя и отечество на бранѣхъ животъ свой положившимъ.

Истово крестились русскіе люди, горячо молились за братьевъ своихъ, но осады не сняли и бодрости духа не потеряли.

— На войнѣ не безъ урона,—говорили они.

Прошло нѣсколько дней, когда къ русскому стану подошло нѣсколько малороссійскихъ казаковъ, воевавшихъ съ поляками противъ русскихъ. Они сдавались на милость Царя. Они сознали, что не слѣдъ имъ, православнымъ,—служить польскому королю. Ихъ приняли и обласкали. И они разсказали, что отъ огня русской артиллеріи въ Смоленскѣ много побито народа. Для обороны стѣнъ смоленскихъ съ 34 башнями осталось всего 2.000 человѣкъ. Въ порохѣ былъ недостатокъ. Жители ропщутъ на то, что поляки упорствуютъ въ оборонѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ усилить пушечную пальбу по городу, тѣснѣе сдвигать земляные валы вокругъ крѣпости, готовиться къ страшному штурму. Но 10-го сентября на башнѣ взвился бѣлый флагъ. Обуховичъ вступилъ въ переговоры о сдачѣ. Но онъ не хотѣлъ еще сдаваться, видимо выгадывалъ время—и осада продолжалась. Наконецъ, 23-го сентября жители, по уговору съ русскими войсками, открыли городскія ворота и защитники Смоленска сдались. Царь, окруженный стремяннымъ полкомъ, подъѣхалъ къ городу и сталъ у воротъ, изъ которыхъ выходили поляки. Обуховичъ и воеводы польскіе, проѣзжая мимо Царя, должны были слѣзать съ коней, становиться на колѣни и кланяться до земли Царю Московскому. Знамена польскія преклонялись передъ Царемъ. Такъ смытъ былъ позоръ, который подъ тѣмъ же Смоленскомъ перенесли русскіе въ 1634 году.

Вскорѣ покорился Могилевъ, за нимъ воевода Василій Шереметевъ занялъ Витебскъ. На слѣдующій годъ лѣтомъ русское войско овладѣло Минскомъ, а 30-го іюля 1655 г. Царь Московскій торжественно въѣзжалъ въ Вильну, столицу Литвы. Въ августѣ того же года пали Ковно и Гродно. И на югѣ, гдѣ заодно съ русскими войсками дѣйствовали малороссійскіе казаки со своимъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, русскіе били поляковъ.

Тяжело было положеніе Польскаго короля. Съ одной стороны русскіе отняли у него всю Литву, а съ сѣвера напалъ на него Карлъ X со шведами. Шведы заняли всю Польшу. Въ Варшавѣ и Краковѣ стояли шведскіе полки.

Увлеченный успѣхомъ, Шведскій король пожелалъ отнять и Литву, и потребовалъ ее у Алексѣя Михайловича.

Оскорбленный этимъ, Царь Московскій собралъ войско и лѣтомъ 1656 года пошелъ къ Невѣ. Высшее духовное лицо, почти равное по власти Царю, патріархъ Никонъ совѣтовалъ послать донскихъ казаковъ на берега Балтійскаго моря для отвоеванія городовъ у шведовъ.

Орѣшекъ—теперешній Шлиссельбургъ, у истока Невы—былъ взятъ полками Алексѣя Михайловича. Вскорѣ захватили и укрѣпленіе Канцы на томъ мѣстѣ, гдѣ

стоитъ теперь Петербургъ. Вся Нева была въ рукахъ русскаго Царя. Полки русскіе отправились въ Ливонію—теперешнюю Лифляндскую губернію. Никто не ожидалъ вторженія русскихъ. По городамъ лифляндскимъ было мало войскъ. Динабургъ, теперешній Двинскъ, и Кокенгузенъ сдались передъ полками русскаго Царя. Главное войско самъ Царь велъ на Ригу. Въ Ригѣ съ небольшимъ отрядомъ стоялъ шведскій генералъ графъ Магнусъ Делагарди. Несмотря на то, что русскіе подошли совсѣмъ близко къ стѣнамъ Риги и заняли сады предмѣстья, что въ городѣ не было припасовъ и нечего было ѣсть, онъ не сдавался, да мало того, что не сдавался, еще дѣлалъ вылазки и нападалъ на русскихъ.

Осада затягивалась. Наемные иноземцы, бывшіе въ нашемъ войскѣ, начали уходить отъ насъ. Тѣмъ временемъ и Карлъ X съ войсками спѣшилъ на выручку Ригѣ. Русскіе воеводы и наемные офицеры уговаривали Царя Алексѣя Михайловича снять осаду Риги. Въ Лифляндіи волновались крестьяне.

2-го октября Магнусъ Делагарди произвелъ вылазку и напалъ на окопы русскихъ. Вылазка была удачна. Царскія войска понесли уронъ и потеряли 17 знаменъ.

Военное счастье измѣнило русскому Царю. Шведы стали побѣждать наше войско. Уже они отняли Ямбургъ и «Кацы», уже на Невѣ снова стояли шведскіе полки. Ободрившіеся поляки объявили войну русскимъ, и Царь заключилъ миръ со шведами. Русскіе отдали назадъ всѣ шведскіе города и ушли изъ Лифляндіи.

Подумаемъ: почему же неудачею окончилась эта война? Да не было настоящаго войска. Наемныя дружины способны были измѣнить въ тяжелое время, на нихъ нельзя было положиться. Не хватало своего регулярнаго войска. Не было и кораблей—флота. Были бы корабли, не такъ-то легко было бы шведамъ высадить войско для защиты Риги. Такъ тяжелымъ, кровавымъ опытомъ подходило Русское государство къ сознанію необходимости имѣть и флотъ—корабли, и войско. Но прошло еще пятьдесятъ лѣтъ, прежде чѣмъ удалось намъ завести и то и другое.

45. Третья война съ Польшей. 1658—1666 г.

Едва окончилась тяжелая кровавая война со шведами, какъ снова бирючи созывали народъ московскій по городамъ и селамъ на защиту только что пріобрѣтеннаго края отъ поляковъ. Поляки *Сапѣга* и *Гонсѣвскій* подходили къ Вильнѣ. Подъ городомъ Кейданы Гонсѣвскій разбилъ русское войско, бывшее подъ начальствомъ Юрія Долгорукаго, но Долгорукій не отступилъ, а укрѣпившись на прежней позиціи, три недѣли выстаивалъ противъ поляковъ; наконецъ, 22-го сентября 1658 г. онъ неожиданно напалъ на поляковъ. Стрѣльцы Долгорукаго дрались какъ львы, опрокинули литовское войско и забрали въ плѣнъ самого Гонсѣвскаго.

Такъ началась война. Въ самомъ началѣ ея гетманъ Богданъ Хмѣльницкій умеръ и выбранный на радѣ казачьей новый гетманъ Выговскій измѣнилъ Москвѣ и передался полякамъ. Однако казачьи полковники, помня его польское, не пошли за своимъ гетманомъ. И пошелъ гулять по Украйнѣ кровавый внутренній мятежъ. Смутой на Украйнѣ воспользовались татары и явились жечь и грабить малороссійскіе города—и скоро цвѣтущая Украйна обратилась въ безплодную пустыню. Русское войско подъ начальствомъ князя Трубецкого большою силою—всего 150 тысячъ человѣкъ—въ 15 дней прошло 500 верстъ, но, дойдя до Сѣвска,

остановилось. Трубецкой, вмѣсто того чтобы воевать, вступилъ въ переговоры съ поляками и казаками и уговаривалъ Выговскаго стать на сторону русскихъ. Но напрасны были эти переговоры. Тогда, поздней весною кн. Трубецкой пошелъ дальше и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ подошелъ къ гор. Конотопу, гдѣ заперся одинъ изъ начальниковъ казачьей конницы Выговскаго. Несмотря на большія силы, кн. Трубецкой не рѣшился напасть на городъ, но началъ осаду его. Тѣмъ временемъ Выговскій съ легкимъ конным отрядомъ казаковъ и татаръ спѣшилъ къ Конотопу. Оставивши въ засадѣ часть своихъ силъ, онъ съ остальными ударилъ на русскихъ. Ударъ казаковъ и татаръ былъ такъ силенъ, что русскіе подались назадъ и много народу полегло подъ казачьими шашками. Но вдругъ казаки стали быстро отступать. Тогда начальникъ московской конницы князь Пожарскій вскочилъ на коня и помчался преслѣдовать полки Выговскаго:

— Давайте мнѣ ханишку!—запальчиво кричалъ онъ,—давайте Калгу! Всѣхъ ихъ съ войскомъ вырубимъ и выплѣнимъ!..

Но въ это время со страшною силою сомкнулись тиски казачьей и татарской лавы. Падали мертвыми подъ ударами татаръ русскіе конные люди и самъ князь Пожарскій былъ взятъ въ плѣнъ. По этимъ побѣда татаръ и окончилась. Когда они пошли снова на самого кн. Трубецкого—русская артиллерія такъ встрѣтила ихъ, что дрогнули татарскіе полки и побѣжали. Трубецкой не преслѣдовалъ ихъ, но отошелъ къ Путивлю.

Тѣмъ временемъ и среди казаковъ произошли раздоры. Многіе казачьи полковники отдѣлились отъ Выговскаго, присоединились къ сыну Богдана Хмѣльницкаго—Юрію, и съ нимъ пошли на Крымъ, разорять татарскія владѣнія. Узнавъ объ этомъ, ханъ Калга покинулъ Выговскаго и ушелъ въ Крымъ, а самъ Выговскій бѣжалъ къ полякамъ.

Такъ началась эта война. Она шла съ перемѣннымъ счастьемъ 8 лѣтъ, и только въ 1666 году Россія заключила въ деревнѣ Андрусовой миръ. По этому миру Смоленскъ и Кіевъ—всегда бывшіе русскими городами—отошли къ Россіи опять и остались у ней навсегда.

Послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича страшная смута охватила весь востокъ Россіи. По Волгѣ и по Уралу, по нынѣшнимъ Астраханской, Саратовской, Самарской, Симбирской и части Казанской губерній, сжигая помѣщичьи дома, грабя и уничтожая города, сражаясь съ царскимъ войскомъ, съ пьяной ватагой крестьянъ гулялъ донской казакъ Разинъ. Противъ этой пьяной, развратной толпы пришлось посылать большое войско. Долго гонялось оно за Разинымъ и не могло его поймать. Наконецъ, прижали Разина къ войску Донскому. Но лишь только Разинъ перешелъ въ войско, казаки, недовольные тѣмъ, что Разинъ наводитъ на донцовъ худую славу, схватили его и отдали въ Москву. Разинъ былъ казненъ въ Москвѣ.

На Руси наступало, между тѣмъ, новое время—время великихъ преобразованій.

46. Первое русское правильно обученное войско—потѣшные царя Петра.

Исторію нашей родины—Россіи можно раздѣлить на три части. Древнѣйшая исторія Кіевскаго русскаго государства, когда молодая Русь только что крестилась, когда въ Кіевѣ сидѣлъ князь Владиміръ Красное Солнышко, когда передъ хра-

брыми кіевскими дружинниками трепетали и болгары, и печенѣги, и половцы. Это первая часть исторіи родины. Славна была тогдашняя Русь. Баяны вѣщіе на гусляхъ самозвончатыхъ воспѣвали славу князей Кіевскихъ и знали насъ и роднились съ нами государи далекаго Запада...

Но вотъ черною тучею надвинулось татарское иго. Слабы стали порабощенные князья Кіевскіе, распалась Русь на удѣлы и, раздѣленная на отдѣльныя княжества, стала легкой добычей татаръ. Стараніями князей Московскихъ Русь поднялась и собралась около Москвы. Она покорила татаръ. Недавняя данница татарскихъ баскаковъ, ѣздившая въ Орду на поклоны, раболѣпствовавшая передъ татарами,— она наступила врагу на горло, захватила всю Волгу, отъ верху и до низу, и при помощи донскихъ казаковъ захватила Сибирь.

Но попытки Московскихъ царей стать прочно при морѣ, побѣдить государства европейскія — Польшу и Швецію, оказались неудачны. На томъ морѣ, гдѣ теперь стоятъ Петербургъ и Кронштадтъ, гдѣ находятся русскіе морскіе города,

Царь Петръ I Великій.

ведущіе торговлю со всѣмъ свѣтомъ—Гельсингфорсъ, Выборгъ, Рига, Ревель, Либава—прочно сидѣли шведы. На тепломъ южномъ морѣ Азовскомъ, гдѣ стоятъ теперь города донскихъ казаковъ Ростовъ и Таганрогъ, на славномъ морѣ Черномъ, гдѣ богатѣютъ русскіе купцы и мореходы—въ Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Новороссійскѣ и Батумѣ—жили татары и турки. Мы не дошли до береговъ Великаго океана, и плавать русскіе корабли могли лишь по студеному Бѣлому морю, большую часть года стоящему подо льдомъ, да по Каспійскому, закрытому для широкой торговли морю. Тутъ много не наторгуешь!..

Цари Московскіе и государство Московское жили своею особенною жизнью, внѣ жизни другихъ государствъ.

Французы, нѣмцы, австрійцы, итальянцы, испанцы, англичане имѣли одну общую жизнь. Они воевали и мирились, они открывали новыя земли, богатѣли и разорялись, но они были вмѣстѣ и каждое открытіе или изобрѣтеніе въ одномъ государствѣ становилось извѣстнымъ всѣмъ другимъ. Жили открыто, одною общею семьею.

Мы, русскіе, были на отшибѣ. Къ намъ трудно было добраться. Легкаго и удобнаго пути не было—пути морского, на кораблѣ. Тогда, когда не только не было желѣзныхъ дорогъ, но и грунтовыя были плохо проѣздны, когда ѣздили въ тяжелыхъ возкахъ на саняхъ или на неуклюжихъ колесахъ, а по лѣсамъ грабили разбойники, путешествовать въ Россію было не безопасно и не легко. Поѣздка въ Москву тогда была труднѣе, нежели теперь въ самое сердце Китая. Это было настоящее путешествіе. Учителя и ремесленники изъ заморскихъ краевъ ѣхали къ намъ неохотно. На нашихъ дѣдовъ смотрѣли, какъ на особенныхъ людей, наполовину азіатовъ. Насъ боялись.

И войско наше мало походило на войска заграничныя. Главное — оно не было обучено, и потому мы не могли и думать сражаться съ западно-европейскими войсками. Положеніе было тяжелое. Мы двигались впередъ, но на Западѣ насъ обгоняли. Ихъ ружья били дальше и дальше, лучше становились пушки, и мы оставались постоянно позади ихъ... Такова вторая часть нашей исторіи, исторіи государства Московскаго—Царской Руси.

И вдругъ глухая и темная Московія, представлявшаяся тогдашнимъ людямъ такъ, какъ мы представляемъ себѣ Абиссинію, двинулась впередъ, вдругъ побѣдила знаменитѣйшаго полководца тогдашняго времени Карла XII, вдругъ стала на ряду съ Германіей и Франціей и, наконецъ, далеко опередила ихъ и стала и по величинѣ и по могуществу первымъ государствомъ міра. Началась третья часть исторіи Руси—Русь Императорская.

Кто же толкнулъ ее впередъ!? Кто же мощнымъ толчкомъ бросилъ Русь Московскую въ ряды государствъ европейскихъ?

Это сдѣлалъ одинъ человѣкъ.

Имя ему **Петръ**, — названіе, данное ему народомъ его — **Великій.**

Чѣмъ же достигъ Петръ такой славы и такого могущества Россіи?

Достигъ онъ его войною и войскомъ.

И до Петра, во времена Московской Руси, мы имѣли войска. Послы и гонцы Московскихъ государей говорили иноземцамъ:—«у нашего великаго государя рать собирается великая и несчетная, а строенья бываетъ разнаго: многія тысячи копейныхъ ротъ устроены *гусарскимъ строемъ*, другія многія тысячи, копныя, съ

огненнымъ боемъ, *рейтарскимъ строемъ*; многія же тысячи съ большими мушкетами, *драгунскимъ строемъ*; а иныя многія тысячи *солдатскимъ строемъ*»...

Князь Меньшиковъ.

Были у государей Московскихъ полки, собранные съ Казани, съ Астрахани, изъ Сибири, были полки донскихъ казаковъ, наконецъ, были и *стрѣльцы*. Но всѣ эти полки, можетъ быть, и отличные для войнъ противъ татаръ, не годились для битвъ съ западно-европейскими солдатами.

Это была *милиція* — то-есть то, къ чему стремятся теперь наши «лѣвые товарищи». Это было случайное войско, или совсѣмъ необученное, или обученное плохо. Въ описаніяхъ боевъ того времени мы часто читаемъ:—полки смѣшались... полки дрогнули, полки побѣжали... Храбрые въ одиночку, разсудительные, смѣлые люди московскіе терялись въ бою, начальники не знали командъ, люди не знали построеній. Наши войска не имѣли дисциплины, не были обучены. Въ тѣ времена не знали мудрой поговорки—«за ученаго трехъ неученыхъ даютъ», и думали одною храбростью достигнуть побѣды. Людей гибло много, а успѣха было мало.

Петръ былъ первымъ, кто началъ готовить солдатъ, учить свои войска.

Петръ былъ человѣкъ необыкновенный. Геній. Онъ былъ одаренъ отъ Бога особенными способностями, которыхъ нѣтъ у обыкновенныхъ людей.

Ему было четыре года, а его, ребенка, тянуло ко всему военному. Онъ получилъ первый подарокъ—пару пищалей, пару пистолей, три булавы... Что же,

обыкновенный дѣтскій подарокъ, какіе дарятъ многимъ дѣтямъ! Тогда же велѣно было ему сдѣлать лукъ съ колчаномъ и семнадцать стрѣлъ яблоновыхъ съ бѣлыми перьями на концахъ.

Такъ мальчикъ Царь, едва сталъ сознавать себя, игралъ военными игрушками.

По смерти своего отца, Царя Алексѣя Михайловича, Петръ хотя и считался Царемъ, но по малымъ годамъ своимъ государствомъ не правилъ, а жилъ одиноко въ удаленіи отъ Москвы, въ селѣ Преображенскомъ. Россіею правила сестра его—Царевна Софія.

И вотъ здѣсь-то малолѣтній Петръ и выработалъ изъ себя настоящаго военнаго человѣка. Онъ предложилъ придворнымъ служителямъ вступить къ нему въ потѣшную службу. Первымъ на призывъ Царя отозвался придворный конюхъ, явившійся къ Царю 30-го января 1683 года,—*Сергѣй Бухвостовъ*, записанный впослѣдствіи первымъ солдатомъ Преображенскаго полка. *Это былъ первый русскій солдатъ.*

За Бухвостовымъ пошли другіе конюха и служители—и вотъ, мало по малу, образовалась *Преображенская потѣшная рота.*

Чѣмъ же занимался съ нею Петръ? Онъ игралъ, но какъ игралъ! Его игры—это было правильное и внимательное обученіе солдатъ тѣмъ порядкамъ, которые были за границею. Дисциплины тогда русскіе еще не знали, но какъ было не явиться дисциплинѣ самой собою, когда самъ Царь, исполняя въ ротѣ обязанности барабанщика, а потомъ рядового солдата, служилъ какъ всѣ, спалъ въ палаткѣ, стоялъ на часахъ, возилъ землю, когда строили укрѣпленія, словомъ—всюду и вездѣ былъ примѣромъ и образцомъ.

Шутя, изъ игры молодого Царя выросталъ закаленный полкъ, обожавшій своего Царя, строго обученный военному дѣлу. И какъ этотъ полкъ пригодился потомъ Царю!

Дѣти бояръ московскихъ поступали къ Царю въ солдатскую науку. Князь Репнинъ, Романъ и Яковъ Брюсы, Иванъ Бутурлинъ, князь Михаилъ Голицынъ—всѣ стали въ солдатскіе ряды *потѣшнаго* полка, созданнаго для царской потѣхи.

Черезъ три года *потѣшныхъ* у Царя было уже болѣе трехъ тысячъ и ихъ перевели въ сосѣднее село Семеновское, и образовали другой потѣшный полкъ—Семеновскій.

Первое настоящее дѣло, которое пришлось имѣть потѣшнымъ, было возведеніе на престолъ самого Петра. Петръ подросталъ, царевна Софія чувствовала, что скоро ей придется уступить ему мѣсто, чуяли это и преданные ей московскіе стрѣльцы. И хотѣлось имъ устранить Петра отъ царства. И вотъ, узнавши объ этомъ, Петръ со своими новыми полками Преображенскимъ и Семеновскимъ явился въ Москву. Царевна Софья была отправлена въ монастырь, а виновные въ заговорѣ стрѣльцы казнены.

Вскорѣ новымъ полкамъ пришлось предпринять трудные походы для завоеванія береговъ Азовскаго моря.

Устье рѣки Дона, впадающаго въ Азовское море, запиралось турецкою крѣпостью *Азовомъ*. Турки не пускали донскихъ казаковъ ходить для рыбной ловли и для нападенія на турецкіе берега въ Азовское море, а изъ-за этого шла вѣчная война между донцами и азовцами. Нѣсколько разъ казаки брали Азовъ, но, по

недостатку артиллеріи и силъ, всякій разъ должны были его покидать. Послѣдній разъ донцы овладѣли Азовомъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, дѣда Царя Петра. Они поднесли Азовъ Москвѣ, но Москва отказалась отъ этого подарка. Она боялась начинать войну съ турками изъ-за Азова. Тогда казаки разорили азовскія стѣны, и ушли изъ него. Но на мѣсто разрушенной крѣпости турки поставили новую, еще болѣе прочную, и вотъ ее-то и взялъ снова Царь Петръ въ 1696 году.

При взятіи этой крѣпости Петру очень помогли донскіе казаки, явившіеся къ нему на помощь со своимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ. Донцы были первыми учителями морского дѣла преображенскихъ солдатъ и съ ними Петръ одержалъ первую морскую побѣду надъ турецкимъ флотомъ.

Взявши Азовъ, Петръ переселился изъ Москвы на югъ. Закладывались города. въ Воронежѣ былъ поставленъ корабельный заводъ. Широко думалъ повести Петръ торговлю съ заморскими странами.

Онъ поѣхалъ за границу учиться военному и морскому дѣлу; онъ, подъ видомъ простого плотника Петра Михайлова, поселился на берегу Сѣвернаго моря въ Голландіи, и здѣсь онъ полюбилъ задумчивое и печальное море сѣвера больше южнаго моря и захотѣлось ему отобрать назадъ старинную русскую землю, берега Финскаго залива, занять тѣ мѣста, за которыя боролся Іоаннъ Грозный. Отсюда, отъ Нарвы и Ивангорода ближе было къ той Голландіи, которую такъ полюбилъ Петръ и гдѣ онъ такъ многому научился.

Тутъ подвернулся случай. Поляки и датчане предложили Петру начать вмѣстѣ съ ними войну со шведами. Петръ принялъ ихъ предложеніе и въ 1700 году началъ войну со шведами.

Такъ началась Великая Сѣверная война.

47. Великая Сѣверная война. Первая Нарва—завоеваніе устья Невы. Основаніе Петербурга.

Противникомъ Петра Великаго въ великую Сѣверную войну былъ шведскій король Карлъ XII. Ему было всего 18 лѣтъ. Говорятъ, что когда онъ первый разъ услыхалъ свистъ пули, онъ сказалъ: «съ этой поры это будетъ лучшей моею музыкой». 16-лѣтнимъ юношей онъ травилъ зайцевъ въ залахъ своего дворца, рубилъ головы баранамъ и козламъ. Неровный, вспыльчивый, иногда рѣзкій въ обращеніи, Карлъ былъ быстръ въ движеніяхъ и такъ же быстръ и въ своихъ рѣшеніяхъ. Войско шведское было хорошо устроено, избаловано побѣдами. На русскихъ шведы смотрѣли какъ на дикарей, или такъ, какъ мы теперь смотримъ на китайцевъ, не боялись насъ и готовились побѣдить русскаго Царя.

Карлъ XII.

Осенью 1700 года, по размытымъ дождями дорогамъ потянулись черезъ Новгородскую и Псковскую области полки Петра. Шли пѣхотные и дра-

гунскіе полки, шли ополченія Московскаго, Смоленскаго и Новгородскаго разрядовъ, направляясь къ городу Нарвѣ.

Нарва, развалины которой и теперь еще видны, была сильно укрѣплена каменными и земляными валами съ глубокими рвами. Сама она лежала на лѣвомъ берегу Наровы; на правомъ былъ крѣпкій замокъ Иванъ-городъ, защищавшій мостъ черезъ Нарову.

Въ серединѣ октября наши войска подошли къ Нарвѣ и окружили ее со стороны лѣваго берега рѣки. Начали строить земляныя укрѣпленія, насыпать валы и по всѣмъ правиламъ повели осаду. Однако работы шли медленно. Лили осенніе дожди. Иногда наступали заморозки, земля не поддавалась лопатѣ. Наши солдаты были неискусны въ этихъ работахъ, и только 20-го октября мы начали бомбардировку города. Но и тутъ Петра преслѣдовали неудачи: пушки были плохи, снарядовъ не хватало.

Между тѣмъ Карлъ не дремалъ. Онъ разбилъ союзниковъ Петра—датчанъ и заставилъ ихъ заключить съ нимъ миръ, а потомъ съ небольшимъ, но отличнымъ войскомъ быстрыми переходами пошелъ на помощь Нарвѣ.

Русское войско стояло въ бездѣйствіи подъ Нарвой. Не было пороха и снарядовъ. Мы вертѣлись тогда около Нарвы, какъ кошка около горячей каши. Карлъ съ 8.500 человѣкъ шелъ ей на выручку. У насъ было 40.000. Петръ думалъ, что Карлъ не посмѣетъ напасть на насъ, и поѣхалъ въ Новгородъ торопить съ доставкою пороха и снарядовъ. Начальствовать русскими войсками былъ оставленъ наемный нѣмецъ, герцогъ фонъ-Круа.

Наступилъ ноябрь. Холодно и жутко было въ русскомъ лагерѣ. Не хватало продовольствія. Солдаты не ѣли по нѣскольку дней. Голодные, обмерзлые стояли они въ лагерѣ. Небрежно ходили въ разъѣзды. Пали духомъ совсѣмъ. Но ихъ было много,—и они думали, что въ этомъ побѣда.

Войско Карла бодро шло къ Нарвѣ. Трещали барабаны, пѣли въ полкахъ торжественные гимны и бодро шли по обмерзшимъ дорогамъ черезъ густые сосновые лѣса. Карлъ рѣшилъ напасть на русскихъ до пріѣзда Петра.

— Русскихъ въ пять разъ больше,—говорили ему его генералы.

— Шведамъ ли бояться московскаго мужичья! — отвѣчалъ Карлъ и 19-го ноября развернулъ свои полки и пошелъ на русскихъ.

Это было печальное утро. Темныя тучи низко неслись надъ землею и долго не наступалъ разсвѣтъ. И вдругъ повалилъ густой снѣгъ, закрутилась метель и стала бить въ глаза русскимъ. Часовые отворачивались спиною къ метели и проглядѣли въ бѣлой мглѣ крутящихся снѣжинокъ шведскіе полки. Какъ изъ-подъ земли выросли шведы и ринулись на русскій лагерь. Поднялась суматоха въ громадномъ станѣ.

— Шведы въ лагерѣ! Шведы!.. раздавались испуганные голоса.

Конница Шереметева кинулась къ конямъ и помчалась вплавь черезъ рѣку назадъ. За нею бросились на мостъ ополченцы. Мостъ не выдержалъ тяжести людскихъ толпъ и рухнулъ. Въ темныхъ, холодныхъ водахъ рѣки Наровы тонули люди и лошади. Дрогнули и солдатскіе полки. Напрасно наемные нѣмецкіе офицеры пытались остановить солдатъ.

— Нѣмцы измѣнили! Это они привели сюда шведовъ!—кричали солдаты,—бей измѣнниковъ!... и убивали своихъ начальниковъ и гибли сами въ безпорядочномъ бѣгствѣ.

И только тамъ, гдѣ была выучка мирнаго времени и дисциплина,—только тамъ стѣною стали полки. Былые потѣшные, товарищи военныхъ игръ молодого Царя, Преображенцы и Семеновцы, сдвинули рогатки своего лагеря, окружились повозками и дружнымъ огнемъ отбивали атаки шведовъ.

Еще можно было и побѣдить. Но, взбѣшенный убійствомъ офицеровъ, герцогъ фонъ-Круа сказалъ: «съ такими солдатами пускай самъ чортъ дерется»—и сдался шведамъ; за нимъ стали сдаваться и другіе генералы. Но еще держался раненый генералъ Вейде и бухали отрывисто на нашемъ лѣвомъ флангѣ пушки, да на правомъ берегу держался Рѣпнинъ.

Быстро кончался зимній день. Шведы грабили русскій станъ. Появилось много пьяныхъ солдатъ. Карлъ XII самъ повелъ полки на Преображенцевъ и Семеновцевъ и уже въ темнотѣ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Они выговорили себѣ условіе уйти съ оружіемъ и знаменами; другимъ полкамъ Карлъ разрѣшилъ уйти, но безъ оружія. Утромъ 20-го ноября шведы навели мостъ, и потянулись по нему къ Новгороду разбитые полки наши, обжегшіеся на Нарвѣ. Морозный вѣтеръ развѣвалъ ихъ рваные мундиры, глинистая размокшая почва холодила ноги. Много солдатъ погибло отъ стужи въ тяжеломъ и трудномъ походѣ.

Первая битва была неудачна. Первое столкновеніе съ обученнымъ войскомъ показало намъ, что мы не можемъ воевать съ нимъ. Пали духомъ московскіе люди. Вспоминали они тяжелыя войны со шведами въ смутное время и при царяхъ Михаилѣ, Алексѣѣ и Іоаннѣ.

— Нѣтъ, не можно намъ съ ними воевать!—говорили въ Москвѣ.

Первая побѣда или пораженіе вліяетъ, обыкновенно, на всю войну. Въ минувшую войну съ японцами мы были разбиты подъ Тюренченомъ и отступили, и отступали потомъ уже во время всей войны. Неудачами обѣщала кончиться и эта война, да стоялъ тогда во главѣ Петръ. Доложили объ этомъ несчастіи Царю. Доложили съ трепетомъ. Ожидали страшнаго гнѣва. Ожидали цѣлой бури. Но спокойно выслушалъ Петръ гонца. Только глаза потемнѣли, да морщинка легла поперекъ бровей.

— Итакъ, шведы,—сказалъ онъ,—надъ нашимъ войскомъ побѣду получили, что есть безспорно... Но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную получили. Ибо только старый полкъ Лефортовскій былъ, да два полка гвардіи были всего на двухъ атакахъ у Азова; а полевыхъ боевъ, паче же съ регулярными войсками, никогда не видали. Прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые самые были рекруты; къ тому же, за позднимъ временемъ, великій голодъ былъ, понеже за великими грязями провіантъ провозить было невозможно;—и единымъ словомъ сказать, все то дѣло, яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида: то какое удивленіе такому старому обученному и практикованному войску, надъ такимъ неискуснымъ сыскать побѣду!..

Что же рѣшилъ Петръ дѣлать послѣ этого пораженія?

Рѣшилъ учить войска войнѣ... и—*наступать*...

Народъ русскій палъ духомъ. Въ Москвѣ было уныніе. Говорили, что воевать съ Карломъ—безумная затѣя. Нѣтъ войска, нѣтъ пушекъ. Петръ былъ одинокъ. Пасмуренъ ходилъ онъ по верфи корабельной. Тяжелая дума бродила у него въ головѣ: гдѣ достать мѣди для пушекъ. Кругомъ молчаливо работали люди,

боялись царскаго гнѣва. И вдругъ хмѣльной матросъ, въ голландской шапкѣ на затылкѣ, смѣло подошелъ къ Царю и, скинувъ шапку, тряхнулъ кудрями и смотритъ прямо въ глаза Петру.

Остановился Царь. Перевелъ на него большіе свои глаза, глядитъ. Суровъ и крутъ Петръ. Не любитъ онъ пьяницъ во время работы.

— Знаю, батюшка Царь, Петръ Алексѣевичъ,—говоритъ ему матросъ,—о чемъ ты думаешь крѣпкую думу!

Заиграли гнѣвомъ глаза царскіе.

— Говори! А соврешь, голова долой!—крикнулъ онъ матросу.

— Одна у меня голова, да и той не жаль для тебя и Рассеи!—отвѣчалъ матросъ.—Ты думаешь—гдѣ взять пушки? А колокола-то чѣмъ не мѣдь? Отольемъ пушки, побьемъ врага и опять ихъ Богу на колокола перельемъ,—а коли совралъ, руби мнѣ, Царь, голову!

Петръ обнялъ и поцѣловалъ матроса.

— Спасибо,—сказалъ онъ.—Чѣмъ наградить тебя?

— А ничѣмъ, Государь! Гляди свѣтло, да не кручинься—вся наша награда.

Царь спросилъ морское начальство, что матросъ этотъ больше всего любитъ и уважаетъ.

— Водку!—отвѣчало морское начальство.

— Дать ему открытый билетъ во всѣ кабаки—пей на мой счетъ!—приказалъ Царь и въ тотъ же день повелѣлъ по всѣмъ монастырямъ собирать колокола и лить изъ нихъ пушки.

Къ веснѣ уже готовы были 268 отличныхъ мѣдныхъ пушекъ. Въ то же время вновь набранные рекруты усиленно обучались военному дѣлу. Но Петръ зналъ, что ученіе—одно, а война—другое. Зналъ онъ, что необходимо ему пріучить людей къ настоящему боевому грохоту пушекъ, къ свисту пуль и штыковой свалкѣ. И вотъ, онъ начинаетъ цѣлый рядъ мелкихъ наступленій на шведовъ и по частямъ завоевываетъ у нихъ берега Невы.

Карла со шведами не было. Онъ ушелъ въ Польшу воевать противъ союзнаго нашему Царю польскаго короля Августа.

Такъ въ мелкихъ столкновеніяхъ со шведскими отрядами, въ боевомъ ученьи прошелъ весь 1701 годъ. 29-го декабря этого года, въ Лифляндіи, у мызы Эрестферъ, впервые шведскіе закаленные полки дрогнули передъ Петровскими войсками, предводимыми Шереметевымъ, и побѣжали. Мы захватили 6 шведскихъ орудій и истребили болѣе половины отряда.

Мы научились побѣждать!

Лѣтомъ 1702 года вся Лифляндія была разорена конными полками Шереметева. Не осталось тамъ ни одного шведа. Тогда Петръ рѣшилъ приступить къ завоеванію Невы. Та крѣпость, которая лежитъ теперь въ истокахъ Невы, у Ладожскаго озера, и называется Шлиссельбургомъ, тогда была шведскою крѣпостью и носила названіе Нотебурга, русскіе же по-старинѣ называли ее «Орѣшекъ».

Въ сентябрѣ 1702 года Петръ осадилъ Нотебургъ, и 11-го октября, штурмомъ, въ которомъ особенно отличился Семеновскій полкъ, взялъ его.

— Крѣпокъ былъ сей орѣхъ,—писалъ про Нотебургъ Петръ,—но мы его разгрызли.

Крѣпость возобновили и назвали ее Шлиссельбургомъ, что значитъ Ключъ-городъ. Понималъ тогда Петръ, что эта крѣпость будетъ ему ключомъ для завоеванія всей Невы.

1-го мая 1703 года Петръ уже захватилъ вторую крѣпость на Невѣ, въ устьяхъ рѣки Охты—Ніеншанцъ. 6-го мая въ устьяхъ рѣки Невы нами были взяты съ боя первые шведскіе корабли.

16-го мая Петръ срылъ маленькую крѣпость Ніеншанцъ и на островѣ Лустъ-Эйландъ—такъ называлась тогда Петербургская сторона—заложилъ новую крѣпость во имя Петра и Павла,—будущій *Петербургъ*.

Позднею осенью на островѣ Котлинѣ была заложена еще крѣпость—*Кронштадтъ*.

Такъ быстро закрѣплялъ Петръ сдѣланныя завоеванія, стремясь скорѣе овладѣть моремъ.

Въ 1704 году пала подъ ударами Петровскихъ войскъ та самая Нарва, о которую въ первый бой со шведами разбились наши полки.

Быстро подавались впередъ наши полки. Они захватили всю Курляндію, и городъ за городомъ отходили къ намъ во власть.

Что же дѣлалъ въ это время Карлъ? Почему онъ не обратился противъ Петра? Карлъ приканчивалъ въ это время со вторымъ своимъ врагомъ, королемъ польскимъ. 21-го іюля 1704 года польскій король, союзникъ Петра—Августъ, былъ лишенъ короны и на его мѣсто былъ избранъ королемъ Станиславъ Лещинскій, другъ Карла. Но Августъ продолжалъ бороться. Петръ на помощь ему послалъ значительное войско подъ начальствомъ Шереметева и кн. Репнина.

Въ 1705 году русское войско зимовало у Гродны. Карлъ XII подошелъ къ Варшавѣ и расположился подлѣ нея лагеремъ въ ожиданіи коронаціи своего ставленника на польскій престолъ, Станислава Лещинскаго. Зимою Карлъ неожиданно двинулъ свое войско къ Гроднѣ, на перерѣзъ нашимъ войскамъ, чтобы отхватить ихъ отъ Россіи. Царь Петръ находился въ это время въ Москвѣ. Онъ былъ боленъ. Однако, несмотря на болѣзнь, онъ сѣлъ въ маленькій возокъ, поставленный на полозья, и поѣхалъ въ армію. Но на пути его встрѣтилъ Меньшиковъ и сказалъ, что всѣ пути заняты шведами, наша армія отрѣзана отъ Россіи. Глубоко огорченъ былъ Петръ; но онъ не палъ духомъ. Помчались отъ него гонцы съ пакетами грубой и толстой бумаги, повезли предписанія въ войска. Къ Минску подошло 12.000 обученныхъ солдатъ, гетманъ малороссійскихъ казаковъ Мазепа спѣшилъ съ 15.000 казаковъ къ Слуцку, другіе казачьи полки шли къ Бресту, вездѣ приказано было тревожить шведовъ и такъ или иначе подойти на помощь главной арміи.

Трудно приходилось нашимъ войскамъ, стоявшимъ у Гродны. Но Карлъ не рѣшался атаковать ихъ. Онъ зналъ, что это уже не тѣ полки, которые онъ разбилъ подъ Нарвой, и потому ожидалъ подкрѣпленій. Къ нему спѣшилъ его лучшій генералъ Левенгауптъ. Быстрымъ умомъ сообразилъ Петръ, что если Левенгауптъ поспѣетъ къ королю, тогда не сдобровать нашимъ полкамъ, и, вотъ, онъ шлетъ приказъ отступать отъ Гродны.

«Больныхъ, — писалъ Петръ, — какъ можно, старайтесь вывезти, хотя бы на быкахъ и въ сторону, а объ артиллеріи много не думайте. Тяжелую артиллерію, хотя бы и было на чемъ везть, съ собой не брать, бросить въ воду

и ни на что не смотрѣть, а какъ только можно стараться, какъ бы людей спасать».

Петръ отлично понималъ, что силу войска составляютъ не машины, не тяжелыя и легкія пушки, а люди, обученные солдаты, и о нихъ только и думалъ.

Тронулась наша армія. На перерѣзъ ей пошелъ и Карлъ. Но была весна. Играли рѣки и задержали шведскія войска. Наша армія благополучно вошла въ Кіевъ.

Наступило тяжелое, трудное время. Поляки отстали отъ Петра. Одинъ со своею молодою, только что устроенною Россіею, долженъ былъ бороться противъ Карла. И вотъ, воспользовались этимъ тяжелымъ положеніемъ Россіи ея внутренніе враги. Недовольныхъ Петромъ было много. Въ Астрахани противъ него бунтовали стрѣльцы, на Дону замутилъ весь Донъ сверху до низу Булавинъ. Мазепа, гетманъ малороссійскихъ казаковъ, измѣнилъ Царю Петру и вошелъ въ тайныя сношенія съ Карломъ. Жуткое было время! Уже и Петръ подумывалъ о мирѣ съ Карломъ и просилъ Пруссію, Голландію и Англію спросить у Карла, не заключитъ ли онъ миръ, но Карлъ заносчиво отвѣтилъ:

— О мирѣ мы будемъ говорить въ Москвѣ!

— Братъ Карлъ хочетъ драться—быть такъ,—сказалъ Петръ и отдалъ приказъ укрѣплять Москву. И не дрогнуло его сердце. Вѣрилъ онъ въ свои твердыя и вѣрныя войска, вѣрилъ въ то, что смута уляжется и сильная и славная, молодая Россія вездѣ выйдетъ побѣдительницей.

Храмъ Спаса Нерукотвореннаго образа въ Полтавѣ.

Въ 1837 году посѣтилъ Полтаву Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ; осмотрѣвъ Спасскую церковь и замѣтивъ ея ветхость, пожертвовалъ на устройство каменной одежды надъ церковью 2000 рублей. Полтавское дворянство также ассигновало на это извѣстную сумму, а Императоръ Николай I повелѣлъ открыть для этого повсемѣстную въ Россіи подписку. На собранныя деньги (около 25.000 руб.) къ 1845 году была сдѣлана каменная одежда, надолго гарантирующая существованіе достопамятнаго храма. На остатки этихъ же денегъ построена небольшая колокольня Вблизи церкви виденъ памятникъ, описаніе котораго см. на стр. 160.

Это тяжелое, смутное время на Руси постоянно нужно помнить. Какъ часто враги Россіи говорятъ, что мы не можемъ воевать, потому что только мы начнемъ войну и по всей Руси поднимется страшная смута. Страшнѣе той смуты, что пережили мы тогда, при Петрѣ, не бывало. Но Петръ подавилъ ее въ самый разгаръ войны. Онъ думалъ о спасеніи государства и безстрашно готовился къ рѣшительному бою.

Гетманъ Мазепа звалъ Карла на Украйну.. Тамъ приготовлены были для него богатые запасы продовольствія; въ этомъ богатомъ краю, по словамъ измѣнника Мазепы, шведовъ ждали, какъ избавителей.

И вотъ, Карлъ пошелъ отъ Гродны на югъ. Онъ дошелъ до Могилева и остановился здѣсь въ ожиданіи своего генерала Левенгаупта, который спѣшилъ къ нему съ запасами продовольствія и боевыми снарядами. Край, черезъ который шелъ Карлъ, былъ край небогатый, разоренный войною, безъ запасовъ, Карлъ не могъ никуда тронуться и Левенгауптъ ему былъ необходимъ. Какъ разъ въ это

время къ арміи прибылъ Петръ. Едва явился онъ, все перемѣнилось. Ободрились солдаты. Они отступали передъ развѣдочными отрядами Карла, но, отступивъ, слѣдили за нимъ и знали все, что дѣлается у шведовъ. Карлъ рѣшительно наступалъ на Украйну—передъ нимъ отступалъ Петръ. Драгуны его были посланы впередъ и разоряли путь наступленія шведовъ, сзади ихъ тревожила другая конница, а Шереметевъ прикрывалъ Россію. Въ это время получилось извѣстіе, что Левенгауптъ подходитъ съ войскомъ и запасами къ Днѣпру.

Петръ рѣшилъ не допустить соединенія этихъ двухъ отрядовъ и пошелъ самъ на встрѣчу Левенгаупту.

48. Сраженіе при дер. Лѣсной.

(Мать Полтавской побѣды).

Былъ сентябрь мѣсяцъ. Лили дожди. Дороги размокали и тяжело было по нимъ идти пѣхотѣ. Между тѣмъ, время было дорого. Петръ понималъ, что соединись Карлъ съ Левенгауптомъ—для Россіи наступитъ снова тяжелая пора. Сила была въ быстротѣ. И вотъ, Петръ приказалъ посадить свою пѣхоту на телѣги, взялъ всѣхъ драгунъ, и налегкѣ, безъ обоза, 15-го сентября выступилъ изъ Соловокъ. Всего съ нимъ шло 5.000 человѣкъ пѣхоты и около 7.000 конницы.

У Левенгаупта было 15.000 человѣкъ при 7.000 повозокъ съ разными запасами. 22-го сентября Левенгауптъ въ Шкловѣ переправился черезъ Днѣпръ и пошелъ на помощь къ королю. Для того, чтобы не встрѣтиться съ Петромъ, онъ послалъ своего проводника къ Петру, который увѣрилъ Петра, что Левенгауптъ переправился у Орши. Такимъ образомъ, въ густыхъ лѣсахъ Приднѣпровья наши отряды должны были разойтись. На счастье Петръ встрѣтилъ одного поляка, который видѣлъ переправу Левенгаупта и разсказалъ о ней Петру. Петръ приказалъ повѣсить подосланнаго, а самъ пошелъ усиленнымъ ходомъ за Левенгауптомъ.

25-го сентября наши настигли отрядъ Левенгаупта и здѣсь Петръ узналъ, что у шведовъ 18.000 войска. Нашихъ было всего 12.000. Послали за подмогой. Но прошло два дня, помощь не приходила, а Левенгауптъ все уходилъ и уходилъ, сближаясь съ Карломъ.

Петръ собралъ военный совѣтъ,—и на совѣтѣ рѣшили драться, не ожидая подмоги.

Шведы въ это время подошли къ р. Сожѣ и готовились къ переправѣ, но русскіе уничтожили мостъ въ Пропойскѣ. Левенгауптъ послалъ туда половину транспорта и подкрѣпленіе, и въ то же время получилъ извѣстіе, что Царь идетъ на него.

Шведы сейчасъ же составили повозки обоза четыреугольникомъ, такъ, чтобы онѣ образовали крѣпость впереди деревни Лѣсной. Левенгауптъ ввелъ часть своихъ войскъ въ лѣсъ, а остальныя оставилъ за лѣсомъ.

Около полудня передовые полки, Ингермаландскій пѣхотный и Невскій драгунскій, идя по лѣсу, встрѣтились со шведами. Шведы отогнали ихъ, но на выручку подоспѣлъ Царь съ Преображенцами и Семеновцами. Загорѣлся жестокій бой, застучали выстрѣлы кремневыхъ самопаловъ, драгуны кинулись въ атаку съ саблями на-голо. Шведы бросились въ лѣсъ, наши настигли ихъ и отобрали у нихъ двѣ пушки.

Памятникъ на мѣстѣ отдыха Петра Великаго.

Взамѣнъ прежняго памятника, поставленнаго на мѣстѣ бывшей квартиры Келлина, гдѣ Петръ I отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды, пришедшаго въ ветхость, по Высочайшему повелѣнію воздвигнутъ въ 1849 г. новый, вылитый изъ бронзы, который и открытъ въ годовщину побѣды 27-го Іюня 1849 г. На лицевой сторонѣ памятника надпись: „Петръ I-й покоился здѣсь послѣ подвиговъ своихъ 27 Іюня 1709 г." — ниже: „Воздвигнутъ 27 Іюня 1849 года, въ царствованіе Императора Николая I-го".

Шведскіе полки между тѣмъ устраивались въ полѣ, завязывалось рѣшительное сраженіе. Полки ходили въ атаку, но шведы отбивали наши атаки, и три часа топтались на опушкѣ лѣса люди, истекали кровью мучительныхъ ранъ, падали мертвыми. Но мы тѣснили шведовъ. Еще восемь пушекъ было захвачено солдатами Петра.

Наступилъ полдень. Въ изнеможеніи, въ виду другъ друга полегли полки. Руки и ноги отказывались служить. Дулъ холодный вѣтеръ. Сыро и непріютно было въ лѣсу.

Въ 5 часовъ дня къ нашимъ подошло подкрѣпленіе. Царь приказалъ строиться снова въ боевой порядокъ, и началъ атаку. Развернулись полки и окутались бѣлымъ дымомъ ружейныхъ выстрѣловъ. Шведы отвѣчали. Къ нимъ тоже шло подкрѣпленіе, нужно было драться отчаянно. Но вотъ, стиснувъ зубы, съ горящими глазами на худыхъ измученныхъ лицахъ, бросились наши солдаты для штыкового удара. Шведы дрогнули и повернули. Но уже наша конница заскакала имъ сзади, и на мосту у рѣки Лѣсянки начался кровавый бой. Кое-какъ пробились шведы, но весь лагерь ихъ остался въ нашихъ рукахъ. Безъ обозовъ, безъ пороха и снарядовъ, безъ припасовъ, съ измученными боемъ людьми шелъ Левенгауптъ къ Пропойску. За нимъ пошелъ, по приказанію Царя, Меньшиковъ, а самъ Царь вернулся въ Смоленскъ.

Велика была его радость. Первый разъ мы разбили шведовъ въ равномъ числѣ. Мы потеряли 1.100 человѣкъ убитыми и до 3.000 ранеными. Шведы потеряли 10.000 человѣкъ убитыми и ранеными и всю артиллерію. Множество знаменъ и штандартовъ, всѣ повозки съ продовольствіемъ достались намъ. Это была славная побѣда.

Между тѣмъ, Карлъ XII налегкѣ шелъ къ Малороссіи. Онъ поджидалъ Левенгаупта съ громадными запасами и цѣлою арміей, онъ думалъ, что вся Малороссія покорится ему. Но Левенгауптъ привелъ ему едва семь тысячъ измученныхъ тяжелымъ боемъ солдатъ, а Малороссія не измѣнила своему Царю, и только 5.000 казаковъ, обманутыхъ Мазепой, пришли на помощь Карлу.

Наступила зима, нечего было и думать о наступленіи. Шведы попрятались по избамъ малороссійскихъ деревень и боялись выйти на морозъ, а наши тревожили ихъ, мѣшали работѣ ихъ фуражировъ и понемногу истребляли...

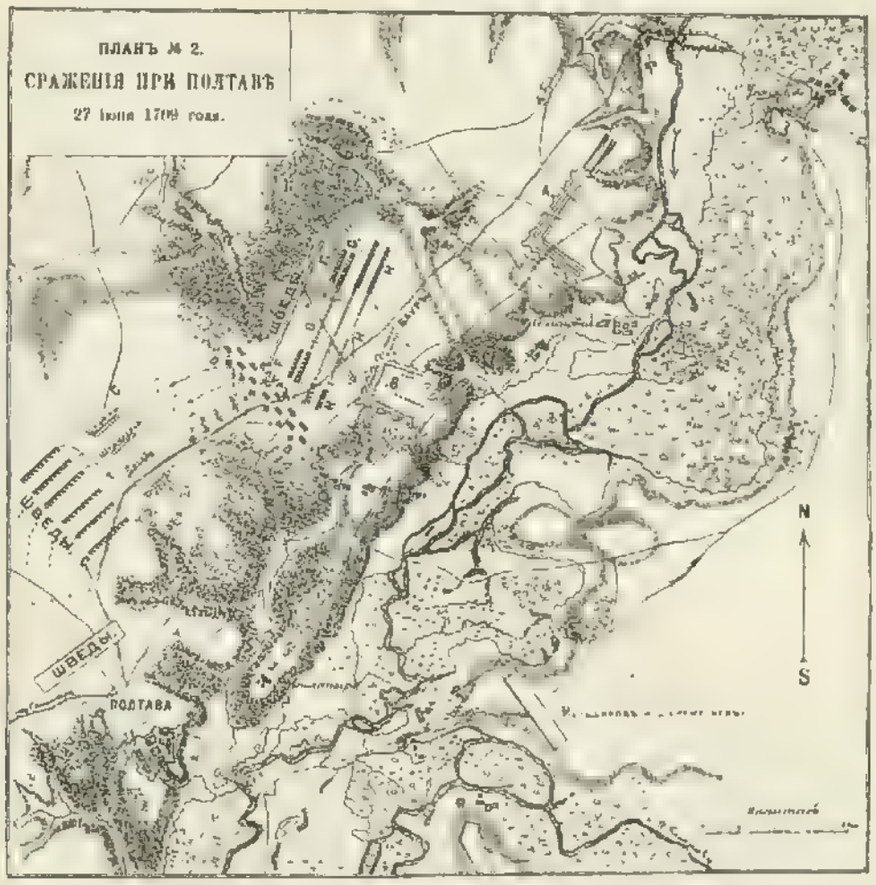
Наступало лѣто. Петръ стоялъ подъ Полтавой, ожидая боя.

49. Полтавское сраженіе. 27-го іюня 1709 года.

Полтава лежитъ на правомъ берегу рѣки Ворсклы, близъ устья рѣки Коломакъ. Тогда, при Петрѣ, это былъ маленькій городокъ, обнесенный деревяннымъ заборомъ съ земляннымъ валомъ. Строили стѣны только для защиты отъ на-

бѣговъ татаръ, имѣвшихъ лишь луки со стрѣлами. Зимою 1709 года эти укрѣпленія подправили, ожидая шведовъ, поставили въ городѣ 4.000 человѣкъ солдатъ и 2.500 жителей вооружили ружьями. Начальникомъ Полтавской крѣпости Петръ назначилъ полковника Ивана Степановича Келлина. Карлъ, прослышавъ о томъ, что въ Полтавѣ имѣется много продовольствія, рѣшилъ взять ее и 1-го апрѣля 1709 года осадилъ городъ. Всѣ попытки шведовъ овладѣть Полтавою окончились неудачею. Тогда шведы построили кругомъ Полтавы укрѣпленія и приступили къ правильной осадѣ города. 1-го іюня они едва не овладѣли городомъ, но были выгнаны со стѣнъ. Солдатамъ помогали всѣ: и старики, и женщины, и дѣти.

Петръ въ это время былъ въ Воронежѣ. Онъ готовилъ корабли, на случай войны съ турками. Онъ постоянно писалъ Меньшикову, бывшему на Украйнѣ, о необходимости поддержать полтавцевъ, но чуя, что безъ него не обойдется, онъ въ концѣ мая оставилъ Воронежъ и 4-го іюня пріѣхалъ къ Полтавѣ. Прежде



всего онъ приказалъ въ пустой бомбѣ кинуть полтавцамъ извѣстіе о своемъ прибытіи и поблагодарить ихъ за мужественную и славную оборону. Затѣмъ Петръ рѣшилъ отвлечь Карла отъ Полтавы и приказалъ малороссійскимъ казакамъ, подъ начальствомъ гетмана Скоропадскаго, начать тревожить шведовъ.

Между тѣмъ, осажденнымъ было очень плохо. У нихъ не хватало пороха. Черезъ перекидную бомбу они увѣдомили объ этомъ Петра. Петръ собралъ военный совѣтъ и спросилъ—можно ли обойтись безъ рѣшительнаго сраженія съ Карломъ?—Нѣтъ, нельзя,—отвѣчали Петру его генералы. Это было 18-го іюня. И вотъ, Петръ началъ къ нему готовиться.

Когда Карлъ узналъ объ этомъ, онъ съ грустью сказалъ своему генералу Реншильду:

— Вездѣ моя армія усиливалась и дѣлала все, что хотѣла. Датчане, нѣмцы и австрійцы не смѣли ничего сдѣлать противъ меня и вся Европа трепетала моего оружія, но теперь москвитяне уже имѣютъ успѣхъ и всѣ мои замыслы обращаютъ въ ничто.

21-го іюня Карлъ еще разъ атаковалъ крѣпость, но полтавцы во-время замѣтили наступленіе враговъ и повсюду отбили ихъ. 22-го іюня шведы повторили штурмъ и снова были отбиты. Почти половина защитниковъ крѣпости легла убитыми въ этомъ бою. Дрались со шведами всѣ: старики, женщины и дѣти взялись за топоры и косы, кидали каменьями, сыпали раскаленный песокъ—и отбили штурмъ!

На другой день полтавцы собрались въ соборномъ храмѣ и служили молебствіе по случаю отбитаго штурма. И вотъ, одинъ изъ нихъ сказалъ, что если еще будетъ такой штурмъ, то придется сдать крѣпость шведамъ.

— Сдать крѣпость!—воскликнули возмущенные полтавцы.—Повтори, что ты сказалъ!

Онъ повторилъ.

Тогда приказали ему исповѣдаться и пріобщиться у соборнаго протопопа, вывели на площадь и побили камнями, какъ измѣнника. Такъ высокъ былъ духъ у жителей города, обреченнаго на гибель.

25-го іюня къ Петру пришелъ перебѣжчикъ полякъ и сказалъ, что шведы рѣшили напасть на русскихъ 27-го іюня.

— Ну, что же,—сказалъ Петръ.—На зачинающаго Богъ!

Въ тотъ же день наши войска подошли къ Полтавѣ и стали такъ, что сзади былъ крутой спускъ къ рѣкѣ Ворсклѣ, съ праваго фланга была крутая ложбина, съ лѣваго громадный лѣсъ села Яковцы. Впереди оставалось пустое мѣсто, ничѣмъ не прикрытое. Петръ приказалъ на немъ выкопать шесть сильныхъ земляныхъ укрѣпленій, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одно отъ другого.

У Петра собралось 58 батальоновъ пѣхоты, 17 полковъ конницы и 72 орудія, а всего 42 тысячи человѣкъ. Шведовъ было много меньше—26 батальоновъ пѣхоты, 22 полка конницы и 4 орудія, а всего 27.000 человѣкъ. Но это были испытанные, закаленные въ бояхъ солдаты, готовые отчаянно драться. Во главѣ нашей арміи, правда, еще не вполнѣ устроенной, имѣвшей много недостатковъ, стояли люди преданные своему Государю, и среди нихъ выдѣлялись: фельдмаршалъ Шереметевъ, покоритель Лифляндіи, князь Меньшиковъ, князь Голицынъ, князь Репнинъ, Бауеръ и Брюсъ.

26-го іюня войска заняли свои мѣста. Петръ объѣзжалъ ихъ. Противъ каждаго полка онъ останавливалъ своего коня и говорилъ солдатамъ о томъ, что побѣда надъ шведами нужна для спасенія Россіи, что побѣдить шведовъ мы можемъ, потому что они изнурены долгою войною и походомъ.

— Остается надъ ними оставшими довершить вамъ побѣду,—заключилъ свою рѣчь Петръ.—Порадѣйте же, товарищи! Вѣра, церковь и отечество сего отъ васъ требуютъ!

— Да погибнетъ непріятель!—кричали вдохновленные Петромъ полки.

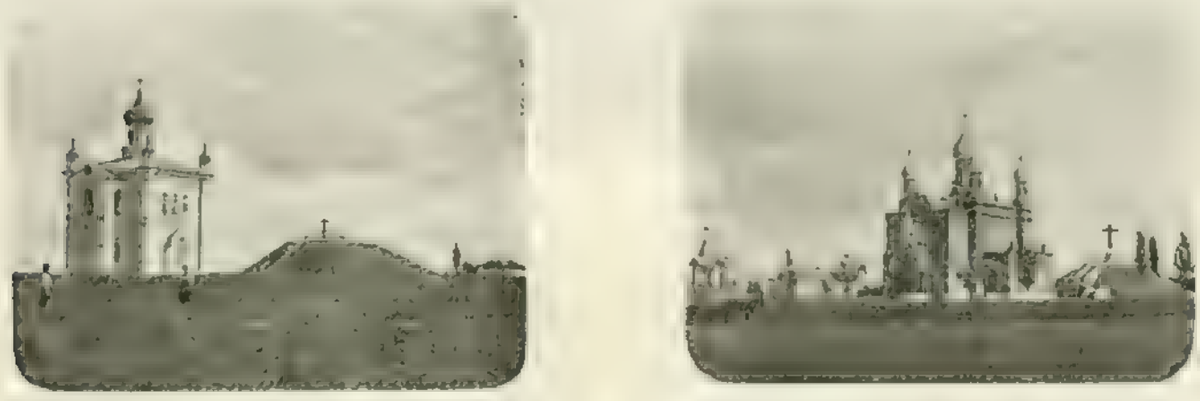
Вечеромъ по всѣмъ полкамъ читали слѣдующій, въ душу идущій приказъ Петра:

— «Воины!.. се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, а что это неправда—вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того, Единаго, яко всесильнаго въ брапѣхъ, уповайте; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего»...

Наступила ночь... И въ темнотѣ ея Карлъ двинулъ свои полки на войско Петрово.

— Московскій царь приготовилъ намъ много кушанья,—говорилъ Карлъ голоднымъ своимъ солдатамъ,—идите же туда, куда ведетъ васъ слава.

Шведскій генералъ Розенъ бросился въ штыки на переднее, еще не оконченное укрѣпленіе и овладѣлъ имъ. За этимъ укрѣпленіемъ захватили и второе... При первомъ проблескѣ разсвѣта шведская конница кинулась между редутами на конницу князя Меньшикова и генерала Бауера. Такъ начался Полтавскій бой.



Шведская могила (два вида).

Петръ Великій въ возблагодареніе Богу за дарованную побѣду и въ вѣчное воспоминаніе о ней желалъ построить на полѣ битвы монастырь и монументъ. Впослѣдствіи Государь измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе и указалъ Сенату 29-го апрѣля 1723 года: „въ память на Полтавскихъ поляхъ надъ Свѣйскими войсками полученной викторіи, въ пристойномъ мѣстѣ, гдѣ та баталія была, сдѣлать пирамидъ каменный изъ доходовъ Малороссійской Коллегіи и для того въ тое коллегію при указѣ послать рисунокъ". Но, несмотря на это, Шведская могила одиноко простояла на полѣ знаменитой битвы до 1856 года, когда былъ освященъ построенный рядомъ съ нею храмъ во имя св. Самсона Странноприимца на средства, пожертвованныя на это богатымъ помѣщикомъ Черниговской губерніи, тайнымъ совѣтникомъ Осипомъ Степановичемъ Судіенко, давшимъ на эту цѣль еще въ 1811 году сто тысячъ рублей. На могилѣ поставленъ большой гранитный крестъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь учреждена и двухклассная церковно-приходская школа.

На востокѣ поднималась кровавая заря и бѣлый туманъ клубился въ долинѣ надъ рѣкою Ворсклою, когда вся наша конница, выстроившись за пѣхотою, смѣло бросилась въ промежутки укрѣпленій и зазвенѣли русскіе палаши о шведскія стальныя латы. Между рядами начали носиться кони, потерявшіе своихъ всадниковъ, подъ Меньшиковымъ убили одну лошадь, ему сейчасъ же подвели другую, но и эта пала въ жестокомъ бою. Косые, яркіе лучи утренняго солнца освѣтили борющихся людей. Укрѣпленія окутывались бѣлымъ дымомъ ружейныхъ выстрѣловъ, и этотъ дымъ стлался по полю и слѣпилъ глаза.

Между тѣмъ отъ Петра прискакали ординарцы и приказали конницѣ отойти, а пѣхотѣ строиться для стрѣлковаго боя.

Ушла и шведская конница. Карлъ XII приказалъ своей пѣхотѣ построиться въ колонны и бѣгомъ пробѣжать между русскими укрѣпленіями, чтобы ударить на наши войска. Шведы смѣло, подъ страшнымъ огнемъ, проскочили въ этотъ прорывъ и побѣжали за отходившей нашей конницей, но тутъ ихъ приняла наша артиллерія и стала осыпать картечью,—шведы отскочили къ опушкѣ лѣса и начали строиться впереди нашего лагеря. Однако не всѣ успѣли сдѣлать это. Правая колонна шведская, изъ 6 батальоновъ и 10 эскадроновъ, замѣшкалась и осталась за редутами. Петръ увидалъ это и сейчасъ же послалъ туда Меньшикова съ

Полтавскій бой.

пѣхотой и конницей. Наши драгуны съ отчаянною смѣлостью бросились впередъ на шведовъ; шведы начали отступать, и тутъ Меньшиковъ наскочилъ на нихъ и почти всѣхъ истребилъ...

Пораженные этою неудачею шведы пріостановились, и вдругъ на всемъ полѣ наступила томительная тишина. Чудилось шведамъ, что не тѣ полки стоятъ противъ нихъ, которые были подъ Нарвой, и робость входила въ сердца шведовъ. И въ это самое время изъ своего лагеря, окруженный блестящею свитою, выѣхалъ Петръ. Никогда еще солдаты Петровы не видали Царя своего такимъ прекраснымъ. Большіе глаза сверкали рѣшимостью, казалось, Ангелы витали надъ нимъ и отъ лица его исходило сіяніе.

Царь, видя замѣшательство шведовъ, рѣшилъ самъ атаковать ихъ. По всему полю поскакали ординарцы съ приказаніями, заиграли трубы, грозно забили барабаны и полкъ за полкомъ стали выходить изъ-за укрѣпленій и строиться на полѣ. Лишь 9 батальоновъ были оставлены въ укрѣпленіяхъ, все остальное становилось, по тогдашнему строевому уставу, въ густыхъ колоннахъ на полѣ противъ шведскаго лагеря. Фельдмаршалъ Шереметевъ съ 42 батальонами сталъ въ центрѣ, конница разошлась по обоимъ флангамъ, а пушки были разставлены по всей линіи между полками.

Было 9 часовъ утра, когда тяжелымъ, грознымъ шагомъ, со стиснутыми зубами и суровымъ блескомъ сверкающими глазами тронулись наши полки на шведовъ. Шведы пошли навстрѣчу. Ихъ король, Карлъ, въ особомъ креслѣ,

несомомъ 24 солдатами, лежа на подушкахъ, съ раненой ногою, обложенной бинтами, самъ повелъ свои полки на Петра.

Подъ тяжелымъ ударомъ ногъ дрожала земля, и все притихло кругомъ въ ожиданіи страшнаго, жестокаго боя. И вотъ, сошлись на двѣсти шаговъ и остановились; раздались команды офицеровъ, грянули залпы, бѣлый пороховой дымъ понесся по долинѣ, снова и снова затрещали ружья и со свистомъ врывались пули въ ряды, и падали раненые и убитые. Но на ихъ мѣсто становились новые солдаты и бой разгорался по всей линіи.

Карлъ приказалъ вынести себя передъ войска и нести на лѣвый флангъ русскихъ. Шведы, увидавши, что любимаго ихъ короля несутъ впередъ, бросили стрѣльбу и неудержимымъ потокомъ понеслись на наши полки. Батальонъ Новгородскаго полка не выдержалъ ихъ напора. Подъ страшными ударами штыковъ онъ началъ подаваться назадъ, и шведы стали врываться за нашу линію. И вотъ туда явился Царь съ батальономъ второй линіи.

— За мною! солдаты!—крикнулъ онъ и кинулся въ самую сѣчу.

Пуля ударила ему въ треугольную шляпу. Царь пошатнулся въ сѣдлѣ, но увидѣвъ, что не раненъ, снялъ шляпу и перекрестился. Это еще болѣе вдохновило солдатъ, они кололи и стрѣляли по шведамъ. Уже нѣсколько солдатъ, несшихъ короля Карла, были ранены и ихъ замѣнили другіе, уже начали рѣдѣть шведскіе полки, какъ вдругъ вторая пуля ударила въ сѣдло, а затѣмъ и третья ударила въ грудь Царя. Но на царской груди, въ этотъ день, надѣтъ былъ чудотворный крестъ, присланный еще Царю Ѳеодору Іоанновичу благочестивыми Аѳонскими монахами. Преданіе было, что крестъ этотъ принадлежалъ Византійскому Императору Константину Великому, открывшему и самый крестъ Господень. И вотъ пуля ударила въ крестъ и, сплющившись объ него, отскочила на землю. Царь въ третій разъ остался невредимъ.

Чудотворный крестъ этотъ нынѣ хранится въ Москвѣ, въ Успенскомъ Соборѣ.

И вотъ, подъ напоромъ солдатъ нашихъ, впереди которыхъ ѣхалъ самъ Петръ, шведы подались назадъ... Тогда Петръ подалъ сигналъ къ общему наступленію. И вотъ какъ поется въ старой, старой русской пѣснѣ:

Подымалась полтавская баталья,
Не крупенъ чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася шведская сила,
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами,
Поливана новая пашня
Горячей солдатскою кровью.

Конные полки Баура и Меньшикова, стоявшіе на флангахъ, понеслись на шведовъ, охватывая ихъ съ обѣихъ сторонъ, и тяжелымъ шагомъ пошла пѣхота. Всѣ перемѣшались теперь на полѣ. Тѣ самые «мужики московскіе», какъ назвалъ

Карлъ русскихъ послѣ Нарвы, оказались прекрасными солдатами. Въ стройномъ порядкѣ, плечо къ плечу подошли они къ шведамъ и на диво заработалъ трехгранный штыкъ Петровыхъ полковъ. И случилось то, чего никогда еще не было: непобѣдимые до той поры шведскіе солдаты дрогнули, дрогнули и побѣжали. Смятеніе начало расти въ шведскомъ войскѣ, офицеры не могли удержать солдатъ, полки разсѣивались и гибли подъ ударами нашихъ драгунъ. Шведы гибли. Единственная надежда ихъ была укрыться въ окопахъ, вырытыхъ передъ Полтавскими стѣнами и занятыхъ небольшимъ отрядомъ... Но тамъ уже сидѣли русскіе. Доблестные защитники Полтавы, измученные и изможденные, напрягли послѣднія усилія и, воодушевленные видомъ побѣды нашей, сдѣлали вылазку и выбили шведовъ изъ траншей.

Графъ Б. П. Шереметевъ.
(р. 1652 † 1717).

И, потерявши послѣднюю надежду на спасеніе, шведы въ безпорядкѣ бросились въ лѣса. Королю Карлу подали карету и онъ ускакалъ въ ней на югъ, бросивъ свое войско. Девять тысячъ шведовъ было убито, да три тысячи было взято въ плѣнъ. Артиллерія шведская, повозки, казна, 4 пушки и множество знаменъ досталось намъ. Мы потеряли 1.345 убитыми и 3.290 человѣкъ ранеными.

Шведская армія, побѣдоносно вторгшаяся въ Россію, погибла подъ Полтавой, и съ той поры и въ народѣ русскомъ сложилась поговорка—*«погибъ, какъ Шведъ подъ Полтавой»*...

Былъ полдень. Жаркій іюньскій полдень. На полѣ битвы спѣшно разбили большой царскій шатеръ, тамъ хлопотали слуги, готовя царскій столъ, туда сносили отбитыя знамена, сводили плѣнныхъ шведовъ, туда же стекались съ барабаннымъ боемъ наши полки. Петръ еще не слѣзалъ съ коня, онъ объѣзжалъ поле битвы, радуясь и не вѣря, что непобѣдимый Карлъ побѣжденъ.

И, вотъ, онъ прискакалъ на холмъ къ шатру. Звякнули тяжелыя кремневыя ружья, взятыя на караулъ, и съ барабаннымъ боемъ склонились знамена. Полки, облитые кровью, въ изодранныхъ штыками мундирахъ, въ наскоро сдѣланныхъ окровавленныхъ повязкахъ, могучими криками ура привѣтствовали своего Государя. Царь опустилъ свой мечъ, и стихли голоса... И вотъ, по полю, орошенному кровью, надъ головами упоенныхъ побѣдою солдатъ раздались звучнымъ голосомъ произнесенныя слова:

— «Здравствуйте, сыны отечества,—говорилъ Петръ:—чады мои возлюбленныя! Потомъ трудовъ моихъ создалъ я васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души—жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, къ славѣ и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

Сказавъ это, Петръ слѣзъ съ коня и приказалъ ввести въ шатеръ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ и офицеровъ. Тамъ уже ожидали Государя наши генералы

и офицеры. Петръ приказалъ наполнить кубки виномъ и раздать ихъ шведамъ и нашимъ.

— За здоровье нашихъ учителей въ ратномъ дѣлѣ! — поднимая кубокъ, воскликнулъ Царь.

— Кто эти учителя?—спросилъ Царя шведскій фельдмаршалъ.

— Вы, господа Шведы!—отвѣтилъ Царь.

— Хорошо же ученики отблагодарили учителей, — печально промолвилъ фельдмаршалъ и выпилъ кубокъ.

Адамъ-Людвигъ Левенгауптъ.

(р. 1659 † 1719).

Недолго пировалъ Царь. Твердо зналъ онъ поговорку «дѣлу время, а потѣхѣ часъ»... Дѣло ждало его. Какъ ни жалки были остатки шведской арміи, но нельзя было ихъ оставить такъ. Зналъ Петръ, что «недорубленный лѣсъ выростаетъ скоро», и спѣшилъ дорубить его...

Отслуживъ благодарственный молебенъ и давъ до вечера отдыхъ войскамъ, Петръ послалъ генерала Баура, а за нимъ Меньшикова съ 10-ю драгунскими и гвардейскими Преображенскимъ и Семеновскимъ полками, посаженными на лошадей, для преслѣдованія разбитаго непріятеля...

Такъ кончилась Полтавская битва...

Страшно подумать, что сталось бы съ русскимъ народомъ, если бы въ этомъ страшномъ, упорномъ бою не мы вышли побѣдителями. Полтавскій бой рѣшилъ, кому владѣть Россіей—русскимъ или шведамъ. Дрогни полки Петровы, не распорядись Петръ такъ разумно, погибни онъ самъ и его войско подъ Полтавой— и шведскій народъ овладѣлъ бы и поработилъ Россію. Именно здѣсь, на Полтавѣ, видно, какое громадное значеніе имѣетъ армія для народа. Безъ арміи немыслимъ народъ, безъ арміи немыслимо народное счастье, самое существованіе народа.

Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

(р. 1644 † 1709).

Подъ Полтавой первый разъ созданная Петромъ регулярная армія наша столкнулась съ отличною регулярною арміей шведской,—столкнулась и—побѣдила.

И съ той поры во всѣхъ полкахъ нашихъ звучитъ эта торжественная пѣсня:

«Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья.
Мы дрались тамъ со шведомъ
Подъ знаменами Петра...

И вмѣстѣ съ этою пѣснью мы теперь опять и опять повторимъ и тысячи разъ будемъ повторять великія слова пѣсни этой:

«Было дѣло подъ Полтавой—
Сотни лѣтъ еще пройдутъ:
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ русскихъ не умрутъ!..

И вотъ уже двѣсти лѣтъ прошло съ того дня, какъ въ Полтавскомъ бою одна пуля ударила въ шляпу государеву, другая въ сѣдло его, третья разбилась о чудотворный крестъ—и вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, поминаетъ своего великаго Государя, вся Россія молится за него и тамъ, въ Полтавѣ, Государь Императоръ со славными потомками Петровскихъ полковъ, преемниками славы Полтавской побѣды, молился за своего Великаго Предка, за «воиновъ благочестивыхъ, за благочестіе кровію вѣнчавшихся».

Не было бы Полтавы—не было бы у насъ ни Петербурга, ни Невы, ни Балтійскаго моря; быть можетъ, не было бы и самой Россіи, величайшей Европейской державы. Это все намъ дала наша славная Полтавская побѣда, а ее дала намъ наша армія, зародившаяся въ потѣшныхъ Петровыхъ полкахъ и могуче разросшаяся, и покрывшая знамена свои славою великою.

50. Послѣ Полтавы.

28-го іюня 1709 года совершено было торжественное погребеніе воиновъ, погибшихъ въ бою. Государь самъ пѣлъ съ пѣвчими печальныя погребальныя пѣснопѣнія, сказалъ прощальное слово и положилъ три земные поклона передъ длинными рядами положенными покойниками. И когда начали засыпать ихъ братскую могилу, Царь первый положилъ лопату земли на высокій курганъ, что насыпали надъ ними. А въ это время на другомъ концѣ поля насыпали другой курганъ, рыли другую могилу. Тамъ, одѣтые въ черное платье шведскіе священники хоронили убитыхъ шведовъ.

На могильномъ курганѣ, насыпанномъ надъ русскою могилою, Петръ собственноручно поставилъ крестъ съ надписью:

«Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27-го дня».

Послѣ погребенія Петръ поѣхалъ въ Полтаву, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидали освобожденные имъ жители и храбрый гарнизонъ Полтавскій.

Государь всѣмъ пожаловалъ награды. Солдатамъ были розданы серебряныя медали и деньги, офицерамъ золотыя медали, Шереметеву было подарено много деревень въ разныхъ губерніяхъ, Меньшикову чинъ фельдмаршала. Никого не забылъ, никого не обдѣлилъ Царь, лишь о самомъ себѣ, главномъ виновникѣ Полтавской побѣды, онъ не вспомнилъ. Но войско не забыло, кому обязано оно побѣдою, и просило Государя принять чинъ сухопутнаго генералъ-лейтенанта и морского адмирала. Государь соизволилъ на это.

Между тѣмъ, разстроенное и разбитое шведское войско бѣжало вдоль берега рѣки Ворсклы къ Днѣпру. Къ разсвѣту 29-го іюня шведы добѣжали до дер. Санджарова. Измученнаго походомъ, страдающаго отъ раны Карла внесли въ избу и

здѣсь перевязали ему ногу. Онъ сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ. Но недолго онъ спалъ. Едва поднялось солнце, какъ пришли люди, разбудили его и сказали:

— Русскіе подходятъ. Не прикажете ли идти дальше?

Дѣйствительно, вдали въ поляхъ стали видны одиночные всадники—то подходили казаки.

Измученный, убитый горемъ король печально оглядѣлъ разбудившихъ его людей и сказалъ имъ: «дѣлайте, что хотите».

Нечего было и думать запрягать телѣги, тащить обозъ. Ихъ подожгли, на выпряженныхъ лошадей сѣла шведская пѣхота и пустилась на-утекъ. Лишь для раненаго короля и для Мазепы нашлось двѣ телѣги, на которыхъ ихъ и повезли.

Карлъ XII на берегу Днѣпра у м. Переволочны, гдѣ онъ, спасаясь бѣгствомъ послѣ пораженія подъ Полтавой, переправился черезъ Днѣпръ 29-го іюня 1709 г.

30-го іюня, послѣ полудня, дошли, наконецъ, до городка Переволочны на Днѣпрѣ. Но, вмѣсто городка, торчали однѣ развалины. Жители сожгли городъ при приближеніи шведовъ и разбѣжались. Нечего было и думать о переправѣ всѣхъ остатковъ шведской арміи. При помощи запорожскихъ казаковъ, искусныхъ въ рѣчномъ дѣлѣ, устроили паромъ, на которомъ перевезли Карла, Мазепу и съ ними тысячу солдатъ. Остальные остались у Переволочны. Оставшихся было 14.000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Левенгаупта. Утромъ 1-го іюля услыхали о приближеніи Меньшикова съ русскою конницей и гвардейскими полками, посаженными на лошадей. Левенгауптъ началъ собирать свое войско. Уныло, понурясь, сходились солдаты, не было желанія у нихъ драться. Иные не слушали начальниковъ и на призывъ становиться въ ряды не обращали вниманія, а продолжали лежать на землѣ или сидѣть въ сторонѣ. У многихъ изъ нихъ не было даже и пороха. Они не могли драться...

И вотъ, когда показались вдали густыя колонны 9.000 отряда русской конницы Меньшикова, Левенгауптъ выкинулъ флагъ и сдался на милость побѣдителя.

Такъ полнымъ разгромомъ шведской арміи завершилась Полтавская побѣда.

51. Окончаніе Великой Сѣверной войны.

Но война не кончилась. Не таковъ былъ шведскій народъ, чтобы оставить короля своего не отомщеннымъ, томящимся у чужихъ людей въ Турціи, да и Петръ не желалъ оставлять дѣло на половинѣ. Бросившіе его въ трудныя минуты жизни союзники—польскій и датскій короли, теперь, послѣ Полтавы, искали дружбы съ нимъ и соглашались сообща вести войну со шведами. Искалъ союза съ Петромъ и нѣмецкій король Фридрихъ I, предлагавшій дѣйствовать заодно съ Петромъ.

И Петръ понималъ, что только теперь начинается настоящее дѣло, только теперь онъ можетъ «ногою твердой стать при морѣ» и закрѣпить за собою Петербургъ.

И вотъ, оставленный въ Лифляндіи Шереметевъ осенью 1709 года приступилъ къ осадѣ Риги. Петръ собственноручно выпустилъ первыя три бомбы по этому городу. Восемь мѣсяцевъ длилась осада Риги, и лишь 4-го іюля 1710 года она сдалась. Вскорѣ сдался Выборгъ и началось завоеваніе Финляндіи. Много крови русской было пролито въ этой странѣ, и не дешевой цѣною досталась она намъ. Въ 1713 году Гельсингфорсъ былъ въ нашихъ рукахъ...

Карлъ XII переправляется черезъ Днѣпръ.

Со славою русскаго сухопутнаго войска соревновали въ славѣ и моряки новорожденнаго флота нашего. Въ 1714 году наши корабли подъ начальствомъ самого Петра разбили весь шведскій флотъ при мысѣ Гангеудѣ. Шведы все не сдавались. Пылкій Карлъ вернулся въ Швецію и въ 1718 году, 30-го ноября, былъ убитъ при осадѣ одной крѣпости въ Норвегіи. Его сестра Ульрика-Элеонора, однако, не желала заключать мира съ Петромъ. И тогда Петръ напрягъ свои силы, настроилъ еще кораблей. И корабли наши привезли войска на шведскій берегъ и русскіе полки стали разорять Швецію. Еще три года длилась война, и лишь 30-го августа 1721 года въ маленькомъ городкѣ Ништадтѣ былъ заключенъ миръ, окончившій войну, длившуюся 20 лѣтъ и получившую названіе Великой Сѣверной войны. Россія получила все побережье Финскаго залива и Балтійскаго моря, нынѣшнія Лифляндскую и Эстляндскую губерніи, Выборгскую губернію съ городами Выборгомъ и Кексгольмомъ.

За эти двадцать лѣтъ войны русскіе люди, руководимые Великимъ Императоромъ Петромъ, изъ ничего создали побѣдоносную армію, изъ ничего создали флотъ, разбившій лучшій флотъ того времени—шведскій, и заставившій смириться другой знаменитый флотъ—англійскій.

Изъ маленькаго ботика Петра Великаго выросли парусныя громады—побѣдительницы у Гангеуда; изъ потѣшныхъ солдатъ, дѣтей придворныхъ конюховъ

Преображенскаго и Семеновскаго дворцовыхъ селъ, родились полки нашей гвардіи, родилась Армія, даровавшая Россіи славу и благоденствіе.

Теперь, когда унынію порою овладѣваетъ русскими людьми, когда раздаются голоса о томъ, что намъ уже не создать больше новаго флота, что намъ не возстановить былой мощи нашей арміи, хочется воскликнуть: если *изъ ничего* создали мы флотъ и армію, то теперь, когда за нами великое наслѣдіе прошлаго, слава величайшихъ побѣдъ, намъ гораздо легче возстановить и флотъ, погибшій при Цусимѣ, и армію, не по своей винѣ отступавшую передъ Японцемъ.

Мы имѣли при Петрѣ Нарву, но имѣли и Полтаву. И если Нарвою было для насъ Мукденское сраженіе, то не наступилъ еще для насъ великій день новаго Полтавскаго боя и вѣримъ мы, что когда онъ наступитъ—мы сумѣемъ вѣнчаться за благочестіе кровію, какъ сдѣлали это наши дѣды въ достопамятный 1709 годъ, когда дрались они со Шведомъ, подъ знаменами Петра.

52. Заключеніе.

Перелистайте внимательно нашу краткую исторію. Исторію кровавой борьбы за силу и процвѣтаніе всѣмъ намъ дорогой родины—Россіи. За вѣру, Царя и отечество шла война почти ежедневная. Мира и не было. Если три, четыре года могли прожить русскіе люди спокойно—и слава Господу Богу, говорили они. То смута, то татары, то поляки, то шведы, то турки терзали маленькое Московское государство, а оно подъ страшными ударами въ кровавой борьбѣ ширилось и росло. Изъ могучихъ богатырей родился народъ русскій, и росъ богатыремъ. Вѣрно говоритъ стихотворецъ русскій:—*такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ.* Вѣковѣчная борьба выковывала сильное русское войско, и когда при Петрѣ оно выковалось, тогда все больше и больше стали становиться промежутки мира и во время ихъ росла и ширилась великая Россія.

Оглянитесь назадъ, въ далекія, далекія времена, когда еще и вѣры Христовой, православной, не знали русскіе люди. Вонъ въ отдаленіи вѣковъ *мощные богатыри* земли Русской—Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. на могучихъ коняхъ съ тяжелыми палицами стерегутъ Русскую землю отъ набѣговъ татарскихъ. А русскіе люди живутъ разбросанно, не дружно, по городамъ. Правятъ ими князья, а порядокъ правленія поддерживаетъ храбрая *дружина княжеская.*

Такъ, дружина князей была первымъ русскимъ войскомъ послѣ одиночныхъ витязей—богатырей. Не умѣли править русскіе князья. Полна была ссоръ и раздоровъ земля наша. Не зря говорили про нее люди русскіе:—«земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». И, вотъ, *призвали варяговъ.* Первые нѣмцы вошли въ Русскую землю и начали править. Завели они дружину смѣлую и пошли завоевывать новыя земли. *Отъ Кіева широко стала расти земля наша.* Про побѣды князей услыхали далеко въ чужихъ земляхъ и славно стало имя русское. *Болгары и греки, печенѣги и половцы* были первыми врагами народа русскаго. Ихъ покоряли наши предки, и ширился и красовался стольный градъ Кіевъ златоверхими церквами православными, да теремами княжескими. Сказочно просто, сказочно богато жили кіевляне. Топоръ, копье, ножъ засапожный, да лукъ

со стрѣлами, да добрый конь—вотъ все оружіе, которымъ дралась дружина, да «судовая рать», набранная прямо отъ сохи. Почти четыреста лѣтъ прошло такъ кіевской славной жизни.

Въ 1222 году на Русь напали *татары*. Раздробленная на отдѣльныя княжества, не дружная, не единая была Русь и погибла подъ ударами татарскихъ всадниковъ. Тяжелое испытаніе судилъ Господь Богъ дать Руси. Все затихло, все поработилось и пало духомъ передъ татарскимъ наѣзднкомъ. Казалось, Русь погибла навсегда и безвозвратно. Татарскіе обычаи, татарскія слова вошли въ живую и чистую рѣчь русскаго народа и въ стольномъ градѣ Кіевѣ были татарскіе порядки.

И вотъ, на сѣверѣ начинаетъ расти и шириться вольный *городъ Новгородъ*. Тамъ появляется полководецъ и герой, какихъ нигдѣ и никогда не было—*св. Александръ Невскій*. Онъ воюетъ со *шведами и нѣмцами*, и на далекомъ сѣверѣ, въ устьяхъ рѣки Невы течетъ русская кровь, чтобы оросить землю и подготовить ее для русскихъ людей.

Почти въ то же время въ маленькой, никому не извѣстной *Москвѣ* появляются умные, бережливые князья и копятъ силу русскаго народа.

Съ 1222 года по 1380 годъ, почти 160 лѣтъ, платятъ безропотно русскіе люди дань татарамъ и не смѣютъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ татарскихъ полчищъ. Наконецъ, *8-го сентября 1380 года Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ* наноситъ первое пораженіе татарской ордѣ. Благословленная св. Сергіемъ дружина княжеская бьетъ татаръ, и первый разъ за 160 лѣтъ русскіе люди подумали о томъ, что могутъ и у нихъ настать свѣтлые свободные дни.

Съ этого времени растетъ Москва. Князья Московскіе войною подчиняютъ себѣ сосѣдніе города Рязань и Тверь, и Новгородъ. Москва становится первопрестольнымъ городомъ и князь Московскій Іоаннъ III отказывается платить дань татарамъ. Какъ только сбилась въ тѣсный, единый комокъ Русь, подлѣ Москвы, какъ только окрѣпла она—она не только стала сбрасывать съ себя ненавистное иго татарское, но начала отнимать у татаръ ихъ земли и города.

Въ 1552 году, при Царѣ Іоаннѣ IV была покорена *Казань*, а затѣмъ вскорѣ покорилась и *Астрахань*. Великій Волжскій путь достался русскимъ и стали селиться по Волгѣ уже русскіе люди. Татары остались только въ Крыму. Они уже не были грозною силою, но борьба съ ними все еще далеко не была кончена. Теперь уже новые враги придвинулись къ границамъ Россіи. Эти враги были ливонцы и шведы. Цѣлый рядъ войнъ велъ съ ними Царь Іоаннъ IV и русскою кровью орошалась Лифляндская земля.

Въ 1558 году была первая война въ Лифляндіи. Мы взяли Юрьевъ и Нарву. Въ 1559 году была *вторая война* въ Лифляндіи. Въ 1560 году—*третій разъ* дрались наши войска въ Лифляндіи.

Въ 1563 году началась первая война съ Польшей изъ-за Лифляндіи.

Въ 1570 году мы воевали одновременно и съ поляками въ Лифляндіи и съ татарами Девлетъ-Гирея, сжегшими самую Москву.

Съ 1572 по 1583 годъ идетъ непрерывная одиннадцати-лѣтняя *война съ поляками* и король Польскій подходитъ къ самой Руси и осаждаетъ Псковъ.

Въ 1582 году казачья дружина Ермака *завоевываетъ Русскому Государю Царство Сибирское.*

Въ 1591 году—послѣ восьми лѣтъ мира, снова татары подходятъ къ Москвѣ и разоряютъ ея окрестности.

Въ слѣдующемъ 1592 и 1593 годахъ татары повторяютъ свои набѣги на Москву. Печально гудитъ набатный колоколъ надъ первопрестольной, созывая жителей на оборону, а ночью кругомъ Москвы видны пожарныя зарева пылающихъ деревень. Не легко жилось нашимъ предкамъ въ это далекое время, когда на Руси не было войска.

Съ 1590 по 1595 годъ съ небольшимъ перерывомъ идетъ *война со шведами*. На югѣ татары, на сѣверѣ шведы мѣшаютъ расти и благоденствовать Русскому царству. Русскіе отбираютъ отъ шведовъ Ямбургъ и Нарву...

Въ это время, если и нѣтъ на Руси постояннаго войска, то есть люди, обязанные по первому призыву Царя, при первой опасности выступить на защиту Русской земли,—это *дворяне*. Съ ними идутъ ихъ крестьяне и посошные люди—взятые отъ сохи. Въ Москвѣ есть и болѣе правильно устроенное войско—это *стрѣльцы*, замѣнившіе собою княжую дружину. Наше войско въ эти времена непрерывныхъ войнъ имѣетъ уже *конницу*—царскій полкъ, составленный изъ московскихъ и городовыхъ дворянъ и *жильцовъ*—то-есть конныхъ стрѣльцовъ. При Царѣ имѣется Собственный Его Царскаго Величества Конвой—*рынды*. Въ конницѣ московской служатъ татары и казаки. *Пѣхоту* тогдашнюю составляли *стрѣлецкіе полки*, учрежденные въ 1550 году; наконецъ, появляются въ московскомъ войскѣ и *наемные иностранцы*. Войска вооружены уже не только стрѣлами, луками, копьями да топорами, но имѣютъ уже и пищали, и пушки разныхъ системъ и калибровъ.

Послѣ шведской войны,—9 лѣтъ,—почти все царствованіе Оеодора Іоанновича и Бориса Годунова въ Москвѣ былъ миръ. Девять лѣтъ!—по тогдашнимъ порядкомъ это казалось такъ много, такъ долго! А потомъ, *съ 1604 и по 1618 годъ, то кровавая смута, поднятая самозванцами, то поляки, то шведы терзали Русскую землю*. Разросшаяся при Царѣ Иванѣ Грозномъ, страшная и полякамъ и шведамъ Москва потеряла за это тяжелое время смуты всѣ свои завоеванія, добытыя цѣлымъ моремъ крови, гибелью тысячъ людей.

Потомъ, 14 лѣтъ, при Царѣ Михаилѣ Оеодоровичѣ былъ миръ. Тяжелый, унизительный миръ, но миръ необходимый для внутренняго устройства Руси, для прекращенія разбоевъ, для устройства войска, войска прежде всего. Выборные отъ всего русскаго народа, тогдашняя Государственная Дума—Земскій Соборъ не щадитъ средствъ на то, чтобы устроить русское войско. За большія деньги выписываются изъ-за границы цѣлые полки нѣмцевъ, появляются на Руси Московской и нѣмцы, и голландцы, и датчане, и швейцарцы. Слышна нѣмецкая команда, блестятъ стальныя латы—то учатся *наемные драгуны, рейтары* и пѣхотинцы.

Съ 1632 по 1634 годъ эти наемники вмѣстѣ съ русскими полками опять *воюютъ съ поляками*. Который разъ—уже и счетъ теряешь. Подъ натискомъ польскихъ полковъ падаетъ Смоленскъ и воевода Шеинъ сдаетъ знамена русскія полякамъ. И съ того часа объ одномъ думаютъ и мечтаютъ русскіе люди: о томъ, чтобы отомстить полякамъ—отнять назадъ Смоленскъ. Не малодушіе, не жажда мира, мира во что бы то ни стало, царитъ въ Москвѣ, но стремленіе къ расплатѣ, къ мести, къ побѣдамъ и завоеваніямъ.

20 лѣтъ протекаетъ мирно. Нѣтъ уже такихъ частыхъ войнъ, такихъ страшныхъ набѣговъ на Москву. Почему нѣтъ? Да потому, что уже крѣпнетъ Русское

войско. Оно есть уже постоянное. Оно еще плохо вооружено, неважно обучено, но народъ созналъ его необходимость и врагъ его боится.

До сей поры, пока не было у насъ войска, Москва терпѣла отъ нападеній непріятельскихъ, отъ страшнаго вражескаго разгрома,—теперь уже не на насъ нападаютъ, а мы нападаемъ, чтобы отнять свои старинныя, всегда намъ принадлежавшія земли.

Таково было первое значеніе хорошо подготовленнаго войска.

Съ 1654 года по 1667 годъ, тринадцать лѣтъ идетъ война съ поляками и шведами. Смоленскъ, Вильно, Ковно и Гродно взяты нашими полками. Русскіе солдаты послѣ Александра Невскаго впервые становятся на берегахъ Невы и половина Лифляндской земли покорена нами. Хотя большую часть завоеваній намъ и пришлось отдать, но все-таки старинные русскіе города, и въ томъ числѣ Смоленскъ и Кіевъ—колыбель Русской земли—остались за нами.

Съ 1676 по 1689 годъ наши войска ведутъ походы на Крымъ и *первый разъ русское войско воюетъ* съ новымъ врагомъ—*турками.*

Этотъ рядъ кровавыхъ войнъ, эти восемьсотъ лѣтъ, прожитыхъ русскими въ страшно тяжелой борьбѣ съ сосѣдями, борьбѣ за право жить, за право собирать свой хлѣбъ, дышать воздухомъ своихъ полей, многому научили русскій народъ. Они научили его тому, что нужно имѣть войско, войско не случайное, на спѣхъ набранное, а постоянное и хорошо обученное. Попытка замѣнить свое постоянное и обученное войско наемными нѣмцами не удалась. Что за дѣло было этимъ людямъ до Москвы? Любили они ее, какъ родину? Нѣтъ. Готовы были они проливать кровь за нее и умирать за вѣру православную и за Царя Московскаго? Среди нихъ были честные люди, люди долга, сражавшіеся мужественно, но были и измѣнники. И вотъ, Великому Государю Московскому, сыну Алексѣя Михайловича—*Петру I Алексѣевичу* пришло на умъ создать такое войско, которое было бы сердцемъ и душою русскимъ, а одеждой, выучкой, умѣньемъ драться—нѣмецкимъ.

Этимъ созданіемъ *постояннаго,* отлично обученнаго войска мы и закончимъ бесѣду нашу о русскомъ православномъ побѣдоносномъ воинствѣ. Добавимъ только краткій перечень тѣхъ войнъ, что пришлось этому новому, Петромъ созданному постоянному войску нашему вести.

Съ 1689 по 1690 годъ наше молодое войско воюетъ *съ турками* подъ Азовомъ и учится у казаковъ морскому дѣлу.

Съ 1700 по 1721 годъ идетъ *Великая Сѣверная война.* Началась она пораженіемъ и бѣгствомъ молодыхъ полковъ Петра подъ Нарвой, а кончилась блестящими побѣдами подъ тою же Нарвой, Лѣсной и Полтавой, завоеваніемъ Невы, закладкой Петербурга и началомъ сношеній съ иностранцами. Далекая Московія, на которую тогда иностранцы смотрѣли такъ же, какъ мы теперь смотримъ на Китай, выдвинулась въ ряды крупныхъ державъ Европейскихъ, и поляки, и шведы, и датчане, и нѣмцы, и австрійцы, и французы, и итальянцы съ удивленіемъ и уваженіемъ смотрѣли на молодую Россійскую имперію, появившуюся на мѣстѣ дряхлаго Московскаго царства.

Русское войско дало Руси не только земли, но дало и славу, дало и мѣсто среди европейскихъ народовъ.

Во время Сѣверной войны со шведами Петръ Великій предпринимаетъ *третью* по счету *войну съ турками въ 1711 году.* Въ это же время отдѣльные наши

отряды проникаютъ вдоль Каспійскаго моря къ границамъ *Персіи*, а въ 1716 году снаряжается первая поѣздка въ царство *Хивинское, въ Среднюю Азію.*

Не странно ли: всего сто лѣтъ передъ тѣмъ Московское государство помышляло лишь о томъ, какъ бы охранить себя отъ враговъ, которые расхищали ея

Фельдмаршалъ Кутузовъ, герой Отечественной войны 1812 года.

достояніе, отбирали города, всегда принадлежавшіе Россіи, и вотъ теперь Россія самостоятельно завоевываетъ край за краемъ, ширится и растетъ, и благоденствуетъ, и это дало ей—постоянное хорошо обученное войско!

Уже не два и не три года, какъ раньше, продолжается миръ, а одиннадцать лѣтъ—по 1732 годъ. Въ этомъ году на дальнемъ югѣ, за Кавказомъ идетъ война съ *Персіей*, а въ слѣдующемъ 1733 году мы снова воюемъ съ *Польшей*. Но теперь уже наши войска занимаютъ столицу Польши—Варшаву, и берутъ ея города.

Съ 1735 по 1739 годъ идетъ четвертая по счету война съ турками: мы занимаемъ Азовъ и становимся прочною ногою и на южномъ—Черномъ морѣ.

Съ 1741 по 1743 годъ мы опять воюемъ со шведами и начинаемъ медленное завоеваніе *Финляндіи.*

Съ 1756 по 1763 годъ мы воюемъ *съ нѣмцами.* Побѣдоносная наша конница и донскіе казаки занимаютъ самую столицу нѣмецкой земли—Берлинъ. Все платье знаменитаго прусскаго короля, котораго нѣмцы за его побѣды назвали великимъ, и большая добыча взяты нашими войсками въ Берлинѣ. Теперь все это хранится въ Петербургѣ, въ Артиллерійскомъ музеѣ.

Вслѣдъ за этою войною наступаетъ славное время царствованія Императрицы *Екатерины Великой*. Время великихъ побѣдъ, громадныхъ завоеваній. Нашъ солдатъ въ этотъ вѣкъ пріобрѣлъ Россіи весь югъ, завоевалъ тѣ благодатныя степи, гдѣ тихо колышется теперь пшеница и рожь, и откуда въ неурожайные годы везутъ хлѣбъ всему русскому народу.

Съ 1769—1774 года идетъ первая, а всего, считая съ начала, *пятая Турецкая война*. Здѣсь прославился побѣдами генералъ *Румянцевъ*, здѣсь наши матросы при Чесмѣ уничтожили весь турецкій флотъ.

Еще во время войны—намъ удалось пріобрѣсти себѣ кусокъ Польши.

Съ 1787 по 1791 годъ идетъ вторая, вѣрнѣе — уже *шестая война съ турками*. Здѣсь наиболѣе отличается знаменитѣйшій русскій полководецъ *Суворовъ*.

Съ нимъ наши полки въ 1799 году ходили воевать въ *Италію* и перевалили черезъ такія горы, черезъ которыя раньше ходили только пастухи, пасущіе козъ. Весь міръ удивился тогда храбрости и выносливости русскаго солдата въ Швейцаріи.

Начало прошлаго вѣка памятно намъ по цѣлому ряду войнъ *съ французами*. *Въ 1805, 1806, 1807 годахъ* эти войны идутъ за границами Русской земли; *въ 1812 году* безчисленное войско *французовъ* переходитъ границы Россіи и идетъ, разоряя Русскую землю, къ Москвѣ. Его ведетъ искусный, еще никѣмъ не побѣжденный полководецъ, императоръ французскій *Наполеонъ* Бонапартъ. Орлы, а не солдаты идутъ съ нимъ. Мы чувствуемъ, что не можемъ бороться съ этою

Наполеонъ, Императоръ французовъ, стоитъ на часахъ вмѣсто уснувшаго часового.

страшною арміей, и отступаемъ. Вотъ сдали Вильну, вотъ отдали Смоленскъ, полсутокъ дрались подъ Москвою у села *Бородина* и не побѣдили, наконецъ, отдали и Москву. Казалось, вернулись снова тяжелыя времена русскаго народа. Уже императоръ французскій писалъ дерзкія письма нашему Государю Императору Александру I Благословенному, когда поднялся весь русскій народъ. Быстро попол-

нили порѣдѣвшіе въ бояхъ солдатскіе ряды и пошли на француза. Хмурою осенью 1812 года дрогнули французы и побѣжали, и гнали мы ихъ до самой ихъ столицы—Парижа.

Въ эти же годы кровавой борьбы съ французами, а именно *въ 1804 году*, мы начали тяжелую борьбу за покореніе *Кавказа*. Эта война длилась *65 лѣтъ*. Она шла порывами,—то жили мирно, то воевали, и ни одного дня, ни одного часа жившіе на Кавказѣ не знали, что ихъ ожидастъ.

Послѣ войны 1812—1815 годовъ—14 лѣтъ, если не считать Кавказской войны, былъ миръ. Потомъ *въ 1826 г.* началась война *съ персами*, а въ *1828 г.*

Солдаты временъ Императора Николая I. Покорители Кавказа.

съ турками. Какъ въ нашу послѣднюю войну съ японцами многіе русскіе люди впервые услыхали названіи Ляоянъ и Мукденъ, такъ тогда впервые стали слышны имена Карса и Эривани, а теперь это русскіе города, которые каждый знаетъ. Это уже была седьмая война съ турками.

Въ 1830—1831 годахъ бунтовали *поляки* и наше войско ихъ усмиряло. Потомъ были мелкіе походы въ Венгрію *въ 1848 году* и продолжалась война на Кавказѣ, но въ Россіи былъ миръ почти двадцать лѣтъ—*до 1853 года*, когда началась *восьмая война съ турками*.

Эта война была очень тяжелая. Сначала наши войска побѣдили турокъ и начали отбирать отъ нихъ города и крѣпости. Но за турокъ заступились французы, англичане и сардинцы, составился цѣлый союзъ, направленный противъ Россіи. У союзниковъ военныя суда были паровыя, желѣзныя—у насъ парусныя деревянныя; у союзниковъ уже были дальнобойныя, нарѣзныя, пистонныя ружья—мы воевали со старыми кремневыми гладкоствольными. Союзники высадились въ Крыму и тамъ на рѣчкѣ Альмѣ 8-го сентября 1854 г. произошло кровопролитное сраженіе,

въ которомъ противникъ сломилъ и осилилъ наше войско. Мы ушли въ еле укрѣпленный *Севастополь,* и противникъ окружилъ насъ. И вотъ началась отчаянная оборона этого клочка земли нѣсколькими тысячами русскихъ солдатъ и матросовъ. Имѣя лучшее оружіе, имѣя возможность подвозить моремъ сколько угодно солдатъ, союзники не могли осилить мощи русскаго солдата. 11 мѣсяцевъ длилась безпримѣрная, удивительная по стойкости оборона Севастополя. Наконецъ, стихли выстрѣлы и противникъ занялъ городъ,—но что же онъ въ немъ нашелъ? Разваливпіеся, разрушенные русскими крѣпостные валы и укрѣпленія, сожженный городъ и ни одного солдата. Доблестные защитники Севастополя построили мостъ черезъ проливъ и ушли изъ крѣпости. Этимъ кончилась война. Еще и еще разъ дивился весь міръ на доблесть и стойкость русскаго солдата.

Севастопольская война показала намъ, что мы отстали въ военномъ дѣлѣ, что никакая доблесть не можетъ устоять. если нѣтъ отличнаго, лучшаго нежели у непріятеля, оружія, если на одного нашего солдата приходится десять враговъ. И вотъ, одною изъ главныхъ заботъ было усилить армію, вмѣсто прежнихъ солдатъ, служившихъ почти всю жизнь, вмѣсто рекрутовъ ввести солдатъ взятыхъ по жребію отъ всего населенія. *Въ 1874 г. введена въ Россіи всеобщая воинская повинность.* Въ солдатскихъ рядахъ стали служить и мужикъ и баринъ.

Между тѣмъ, въ 1859 году сдался Шамиль, воевавшій съ нами на Кавказѣ, а черезъ пять лѣтъ—*въ 1864 году былъ покоренъ и весь Кавказъ.*

Въ 1863—1864 гг. мы усмиряли взбунтовавшихся поляковъ.

Съ 1840 по 1873 гг. шло покореніе Средней Азіи. Но, если не считать этихъ продолжительныхъ войнъ, веденныхъ небольшими отрядами,—значительной войны, такой, какая захватила бы весь народъ, не было до 1877 г.: 22 года Россія наслаждалась миромъ и за это время много, очень много удалось сдѣлать для блага русскаго народа. Освобождены были крестьяне, дарованъ скорый и милостивый судъ, построены высшія и низшія школы, проведены желѣзныя дороги, началъ возрождаться нашъ военный флотъ. Наша родина отдохнула, и когда, *въ 1877 году,* ей пришлось начать девятую *войну съ турками,*—несмотря на тайную помощь туркамъ англичанъ, несмотря на ихъ прекрасное вооруженіе и мужество—наша армія побѣдоносно прошла за Дунай и Балканы и раннею весною 1878 г. подошла къ стѣнамъ Константинополя!

Въ 1879, 1880 и 1885 годахъ у насъ были небольшія сраженія въ Средней Азіи, въ Туркестанѣ, но, вообще, послѣ Турецкой войны 23 года былъ миръ. Въ *1901 году* вспыхнулъ мятежъ въ Китаѣ и нашимъ солдатамъ пришлось сразиться съ новымъ врагомъ. *Война съ китайцами* была побѣдоноснымъ шествіемъ нашихъ войскъ. Мы скоро заняли Мукденъ—столицу Манчжуріи, и Пекинъ—столицу Китая. Послѣ того прошло три года. Никто не ожидалъ, никто не думалъ о войнѣ: въ самую возможность ея не вѣрили. «Помилуйте,—говорили,—при теперешнихъ пушкахъ и ружьяхъ, развѣ мыслима война!» А она подкралась незамѣтно, и именно съ того конца, откуда мы ее меньше всего ожидали. *Въ 1904 г.,* въ январѣ, измѣннически подло. совсѣмъ не такъ, какъ дѣлаютъ христіанскіе народы, напали *японцы* на насъ. Ихъ первый ударъ ошеломилъ насъ. Въ народѣ стали разсказывать глупости про доблесть японцевъ. Наши войска, оторванныя на 10 тысячъ верстъ отъ своихъ родныхъ городовъ и селъ, дрались вяло. И вотъ Тюренченъ, Вафангоо, Хайченъ, Дашичао, Ляоянъ, Шахе и Мукденъ—чуждыя намъ, страшно

звучащія имена чужого и совсѣмъ несроднаго намъ языка стали намъ дорогими и милыми по тѣмъ могиламъ, которыя мы тамъ оставили. И чудится мнѣ, что еще вернемся мы туда, что чего коснулся русскій народъ хотя разъ своею рукою—то будетъ его.

Вѣдь было время, когда Нарва, Маріенбургъ, Вильна и Варшава тоже казались намъ далекими и чужими именами, а стали нашими. Когда впервые заговорили о Карсѣ и Эриванѣ, тогда мы знали о нихъ гораздо меньше, чѣмъ знали Ляоянъ и Мукденъ.

Русскій народъ исполняетъ великое назначеніе—нести вѣру Христову на востокъ, въ Азію. Это ему предназначено Господомъ Богомъ. Нашъ народъ Христоносецъ! Святой Руси указано быть свѣтомъ Азіи, свѣтомъ радостнымъ, свѣтомъ христіанской вѣры и любви!

—

Прочтите же внимательно всю исторію и русскаго войска, и русскихъ войнъ. Прочтите этотъ длинный перечень, и когда услышите слова безумцевъ, говорящихъ «войны не будетъ»—не вѣрьте имъ. Война будетъ всегда, какъ всегда и была. Единственное средство сохранить миръ, это быть грознымъ своими войсками, вѣчно готовиться къ войнѣ. Еще древніе народы говорили:—«если хочешь мира—готовься къ войнѣ». Наша могучая сосѣдка—нѣмецкая земля сорокъ лѣтъ наслаждается полнымъ миромъ потому, что тамъ—*первыя заботы, первыя деньги, о войскѣ и на войско. Тамъ каждый человѣкъ прежде всего солдатъ своего Императора.*

Когда наше войско усиливалось, когда нашъ народъ любилъ и уважалъ своихъ солдатъ и офицеровъ—у насъ былъ миръ... Но только войско попадало въ немилость у народа—и сейчасъ война, тяжелая, жестокая, кровопролитная.

Теперь кругомъ насъ врагъ не дремлетъ. Коварный японецъ сторожитъ насъ на востокѣ, нѣмцы на западѣ, на югѣ волненія въ Персіи могутъ затянуть и насъ въ войну, мы не увѣрены въ искренности Австріи, мы не довѣряемъ Финляндіи. Вы хотите мира?

Да, хотимъ. Онъ намъ нуженъ для устройства внутренняго порядка, для борьбы со врагомъ внутреннимъ.

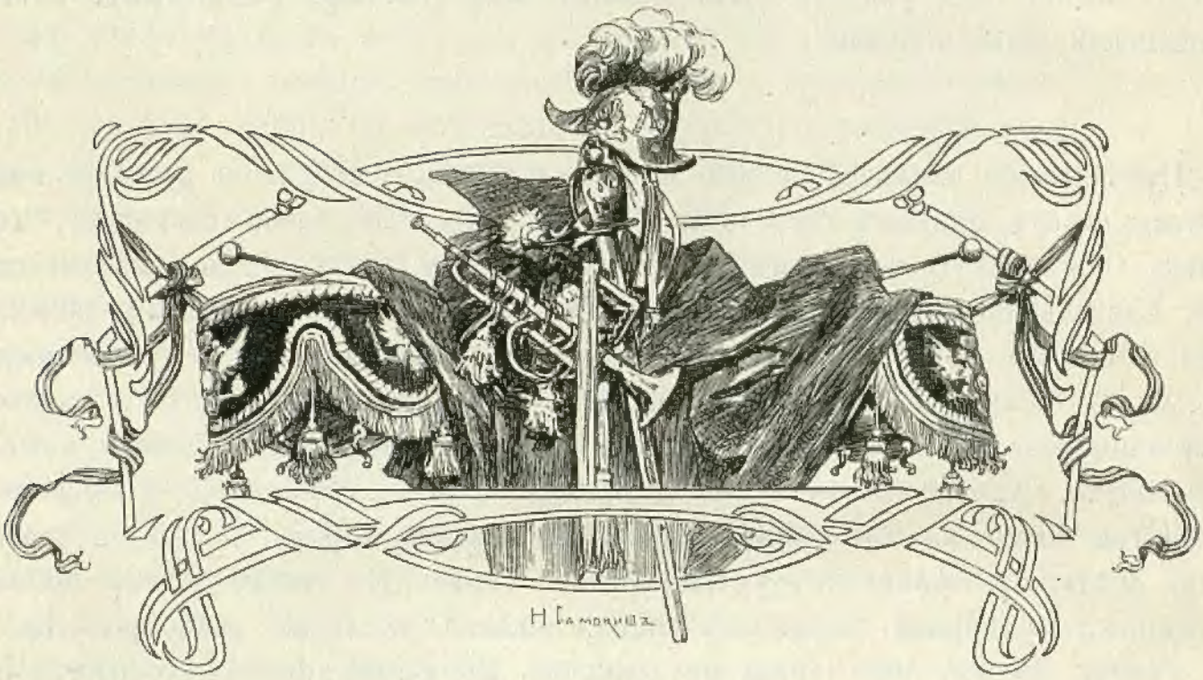
Тогда—готовьтесь къ войнѣ!

И вы—унтеръ-офицеры и урядники всѣхъ родовъ оружія, которымъ посвящаю я свой трудъ, вы, если хотите мира, или славной побѣдной войны—готовьтесь къ ней, думайте о ней. И въ скучные часы одиночнаго ученья солдата, выправки, прикладки, и въ дни маневровъ, и въ дни боевыхъ стрѣльбъ—помните одно: за тысячу съ лишнимъ лѣтъ существованія русской военной силы—ее били татары, поляки, шведы, турки, японцы тогда, когда она была плохо обучена и подготовлена, и она побѣждала и покоряла — половцовъ, печенѣговъ, болгаръ, грековъ, татаръ, поляковъ, шведовъ, турокъ, французовъ, кавказскіе народы, финновъ, туркменъ, китайцевъ, японцевъ и другіе народы тогда, когда войско было обучено, втянуто въ лишенія похода, воодушевлено стремленіемъ побѣдить врага во славу родины, за Царя, за вѣру православную!!!..

Все, чѣмъ живетъ и благоденствуетъ народъ русскій,—эта безграничная ширь степей, золотоносныя горы, Волга кормилица, золотое дно—Сибирь, веселая нарядная Финляндія, богатая Польша, удивительный Крымъ, грозный Кавказъ—

все это теперь русское, русское—благодаря доблести и стараніямъ россійскаго побѣдоноснаго воинства, стараніямъ русскаго солдата!

П. Красновъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 1

I. Богатыри.

1. Вольга Буслаевичъ и Микула Селяниновичъ 6
2. Добрыня Никитичъ 8
3. Илья Ивановичъ Муромецъ 13
4. Богатырская застава 17
5. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ 19
6. Какъ перевелись богатыри на Руси 20
7. Заключеніе о богатыряхъ 21

II. Княжеская дружина до нашествія татаръ.

8. Основаніе русскаго государства. Призваніе варяговъ 24
9. Княжеская дружина 26
10. Царьградъ 31
11. Походы великаго князя Святослава Игоревича (957—972) 32
12. Битвы при Доростолѣ 23-го апрѣля, 22-го іюля 971 г. 33
13. Княженіе Святого Владиміра. Набѣги половцевъ на Русь 37
14. Походы Владиміра Мономаха 38

III. Распаденіе Руси на удѣлы. Татарское иго.

15. Суздальское великое княжество 42
16. Татары. Ихъ военное устройство во времена Чингисъ-хана 43
17. Первое нашествіе татаръ. Битва при р. Калкѣ 31-го мая 1223 г. 46
18. Второе нашествіе татаръ. Битва на р. Ситцѣ 4-го марта 1238 г. 50
19. Татарская неволя 52
20. Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ и Невская битва 54
21. Появленіе нѣмцевъ, какъ враговъ Руси. Ледовое побоище 56
22. Димитрій Іоанновичъ Донской 59
23. Куликовская битва 62
24. Послѣ Куликовской битвы 67
25. Какъ было устроено войско у великихъ князей Московскихъ 68
26. Сверженіе татарскаго ига. Борьба Москвы съ Новгородомъ 74
27. Появленіе донскихъ казаковъ 78
28. Великій князь Іоаннъ IV вѣнчается первымъ царскимъ вѣнцомъ. Походы на Казань . 79
29. Осада и взятіе Казани московскими войсками Царя Іоанна IV 2-го октября 1552 . . 81

IV. Войны русскихъ за обладаніе моремъ.

30. Первая война за Прибалтійскій край. Взятіе Нарвы 11-го мая 1558 г. 94
31. Вторая война за Прибалтійскій край 98

V. Первая война съ Польшей.

32. Наши неудачи. Болѣзнь Царя Іоанна IV. Учрежденіе опричниковъ. Созывъ земскаго собора—первой Государственной Думы въ 1565 г. 101
33. Подвигъ артиллеристовъ (пушкарей) подъ Венденомъ въ 1579 г. 104

Х-3760

стр.
34. Оборона Пскова—1582 г. 106
35. Покореніе Сибири донскими казаками 111
36. Устройство русскаго войска при Царѣ Іоаннѣ IV Грозномъ 119
37. Смутное время на Руси 1606—1612 гг. 124
38. Война со шведами 129
39. Война съ поляками. Деулинское перемиріе 1618 г. 132
40. Русское войско при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 133
41. Вторая война съ поляками 1632—1634 гг. 138
42. Взятіе донскими казаками Азова 140
43. Присоединеніе Малороссіи 1653 г. 141
44. Войны Царя Алексѣя Михайловича съ поляками и шведами 144
45. Третья война съ Польшей 1658—1666 гг. 147
46. Первое русское правильно обученное войско—потѣшные царя Петра 148
47. Великая Сѣверная война. Первая Нарва—завоеваніе устья Невы. Основаніе Петербурга 153
48. Сраженіе при дер. Лѣсной 159
49. Полтавское сраженіе, 27-го іюня 1709 г. 160
50. Послѣ Полтавы 168
51. Окончаніе Великой Сѣверной войны 170
52. Заключеніе 171

2007050572